ПИОНЕР

МАРТ

ISSN 0130—8009

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ПИОНЕР

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
Москва, 1991
Издательство «Правда»

3

ЧИТАЙТЕ В МАРТЕ

На обложке:
композиция П. Мокроусова.

?+?=! РАЗМИНКА

Коллаж П. МОКРОУСОВА.

„Но нет его святей для сына...“

Вынесенная в заголовок строка — из стихотворения о самом дорогом человеке для каждого мыслящего существа на Земле. О Матери. Мы обязаны ей жизнью. Открытием мира. Солнцем и голубым небом. Радостью и любовью. Возможностью творить и созидать. Доброта, забота и ласка Матери служат нам опорой и в детстве, и в юности, и в зрелые годы. Помните? «Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось несравненно лучше, и кругом все как будто веселело. Если бы в тяжелые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку, я бы не знал, что такое горе».

Вспомнили? Да это же из повести... Впрочем, нет, вы сами должны узнать и кто автор, и как называется произведение, откуда взят этот отрывок. Таков **ПЕРВЫЙ ВОПРОС** нашей сегодняшней разминки.

Чтобы помочь вам в поиске, мы подскажем, что автор повести был участником военной кампании, той, что упоминается в стихотворении, строка из которого вынесена в заголовок. Приведем его полностью.

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Почивших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

1855 г.

Назовите поэта — автора стихотворения. И это — наш **ВТОРОЙ ВОПРОС** участникам разминки.

А **ТРЕТИЙ ВОПРОС** чуточку посложнее. Надо не только угадать, кому принадлежат стихи, но и выяснить, кому они были посвящены.

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?
Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье.

Апрель 1851 г.

Поэт вложил это стихотворение в альбом-гербарий, принадлежавший женщине, где оно пролежало незамеченным 24 года. И было прочитано хозяйкой альбома, когда поэта уже не было в живых. Итак, кто Он и кто Она?

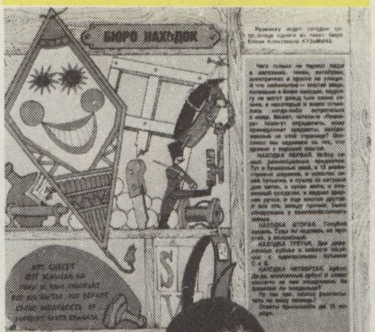
Ну, и последний, **ЧЕТВЕРТЫЙ ВОПРОС,** без которого нам просто не обойтись. О женщинах-*пионерах*. Назовите известных вам женщин, которые были первопроходцами и первооткрывателями.

Напоминаем: срок отправки ответов в редакцию — не позднее 30 апреля 1991 года.

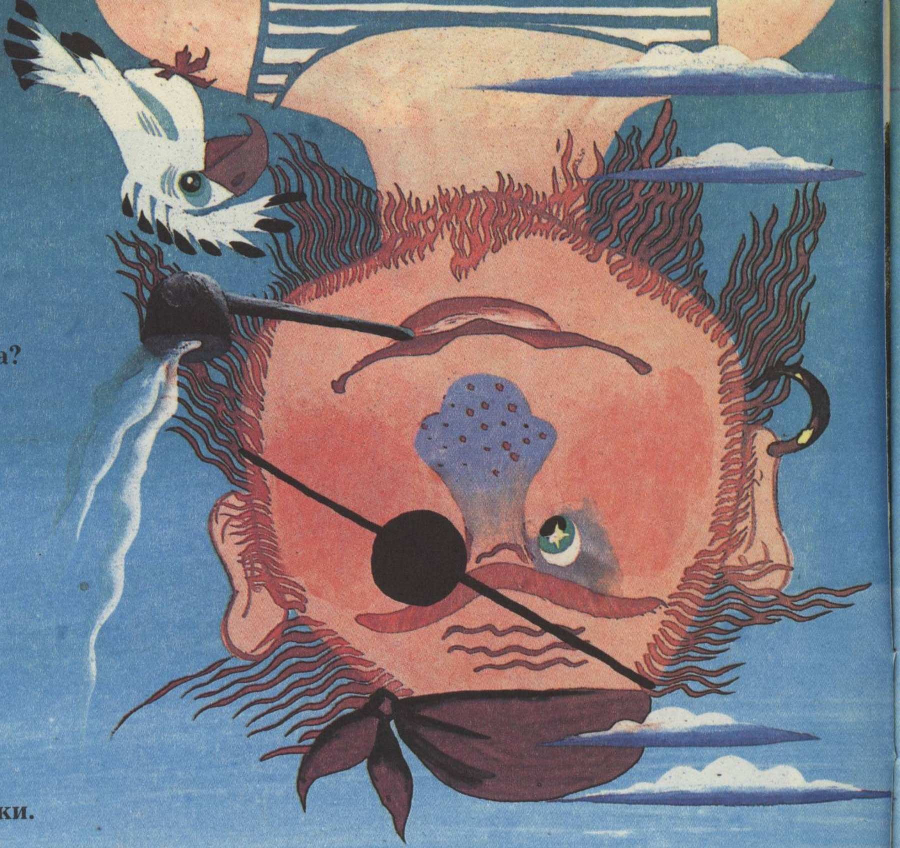
А теперь снова заглянем в «Бюро находок» («Пионер» № 10, 1990 г). Сразу замечаем: на полках стало просторнее. «Спасибо читателям «Пионера»,— улыбается заведующая Елена Алексеевна Кузьмина.— Благодаря им нам удалось отыскать хозяев многих забытых вещей. Оказалось, что их владельцы живут в произведениях Марка Твена («Приключения Тома Сойера»), Жюля Верна («Пятнадцатилетний капитан»), Аркадия Гайдара («Горячий камень»), Льва Кассиля («Вратарь республики»)».

Нам остается добавить, что победителями этой разминки стали Роман Мельник из Казани, Аня Зеленая из села Оронгой Бурятской ССР и Артем Колычев из города Красный Луч Луганской области УССР.

И снова счастливчиков назвал жребий, потому что безупречно правильных ответов мы получили на этот раз аж 63. Но, как мы договорились еще в прошлом году, каждый, кто верно ответил на все вопросы, получает очко. И абсолютный чемпион нашей разминки будет определен по результатам двенадцати туров. Пока впереди Эдуард Покровский из Ангарска Иркутской области и Костя Саратовский из поселка Новое Леушино Ивановской области. Но это вовсе не значит, что у других наших читателей не осталось шансов стать победителем. Время еще есть. Кто следующий?

Сергей МАХОТИН

Домино

Под вечер,
У врытого в землю стола,
Случился обычный такой разговор:
— А что, мужики, не забить ли козла?
— Забьем обязательно, дядя Егор!

А рядом на травке козел молодой
От ужаса вздрогнул:
«Погибну, видать...»
Качнул он рогами,
Тряхнул бородой
И дядю Егора собрался бодать.

Егор растерялся:
— Ведь мы не со зла...
Есть просто у нас выраженье одно:
Когда говорят — «забивают козла»,
То, значит, играют в игру домино.

И вновь замелькали в траве мотыльки.
И думал козел, уходя со двора:
«Вообще-то они ничего мужики.
Но все же какая плохая игра!»

На математике

Отличница Алена
Задумчиво глядит,
Как за окном ворона
На тополе сидит.

А с тополя ворона
Внимательно следит,
Как за окном Алена
За партою сидит.

Алена чуть не плачет.
Ворона не поет.
Местами поменяться
Учитель не дает.

Письмо в город

Будит реку ледоход.
Грач качает ветку.
Дед Федос тетрадь берет
В голубую клетку.

Пишет: «Лето, стало быть,
Близится, ребята.
Приезжайте погостить,
Милые внучата.

Мы большого судака
Выловим из речки.
Натоплю вам молока
В деревенской печке.

А в лесу грибов не счесть,
И малина тоже есть».

...Мелкий дождик сеет косо.
Облетает старый клен.
Нету писем для Федоса,
Не заходит почтальон.

На погоду дед ворчит:
Горе с поясницей!
На окне тетрадь молчит
С вырванной страницей.

Пират

Вчера я увидел пирата!
Я шел за ним целый квартал.
Об этом пирате когда-то
Я в книге одной прочитал.

Узнал я огромные плечи,
Колючий пронзительный взгляд
И след от заряда картечи —
Прихрамывал старый пират.

Главарь бесшабашной эскадры,
Внушал он почтенье и страх,
И рыжим огнем бакенбарды
Горели на впалых щеках.

Мальчишки ему подражали,
Кричали: «Долой богачей!»
Король с королевой дрожали.
Министры не спали ночей...

И вот он бредет еле-еле
В сандалиях и пиджаке,
И сетка с кульком карамели
Качается в правой руке.

Рисунок Е. УСКОВОЙ.

Аркадий ПРЕСМАН

Три Генки

Три товарища, три Генки,
спор ведут на переменке.
Говорит один из Ген:
— Не люблю я перемен.
Пять минут всего, ну что там,
только мяч погнал к воротам,
получил отличный пас,
а звонок торопит в класс.

Чуб старательно пригладив,
говорит второй Геннадий:
— Я, ребята, не спортсмен,
обойдусь без перемен.
Вот бы шли уроки наши,
как занятие одно.
А зато домой пораньше,
в зоопарк или в кино...

Подключился третий Гена
и сказал он в свой черед:
— Я бы в школе непременно
сделал все наоборот.
Все должно переместиться.
Так бы время рассчитать,
чтобы пять минут учиться,
ну а сорок пять гулять!

Три товарища, три Генки,
спор вели на переменке,
говорили без конца
о желанной перестройке...
Но про собственные двойки
ни единого словца.

Ничья

Снова кони рвутся в бой,
не боятся рейдов смелых...
Я играю сам с собой
и за черных, и за белых.

Юрких пешек толчея.
Все неймется им, задирам.
Но опять запахло миром,
в третий раз уже ничья.

Зря ладьи на приступ шли,
зря слоны усердно бились...
Кто же знал, что помирились
меж собою короли.

Моя коллекция

Увидел облако одно
я на исходе дня,
и мне напомнило оно
чудесного коня.

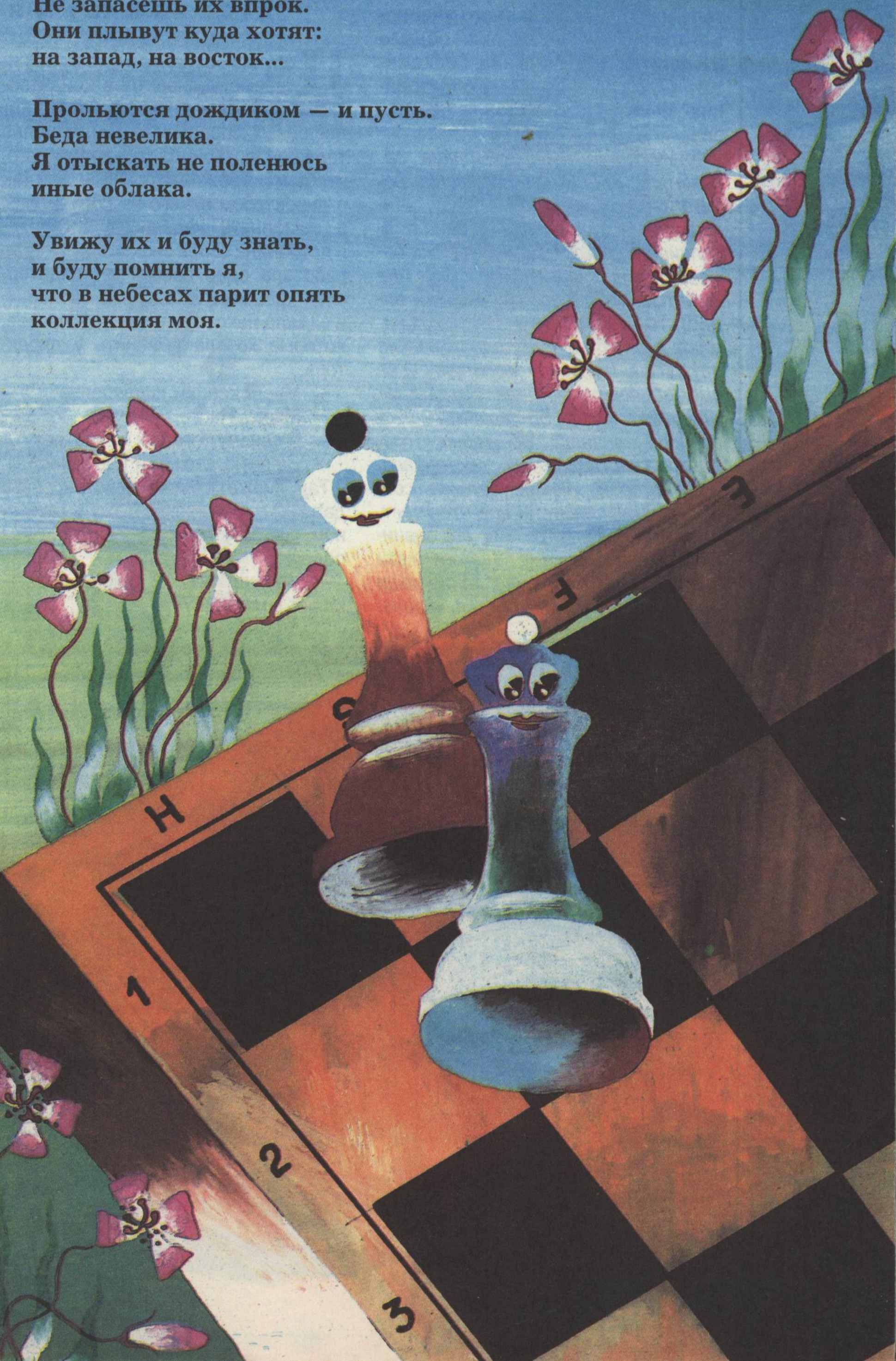
Того, что мчит во весь опор
и нет ему преград.
Я видел облако-шатер
и облако-фрегат.

Значки я отложил пока.
И не о марках речь.
Я собираю облака.
Но как мне их сберечь?

На полку не поставишь в ряд.
Не запасешь их впрок.
Они плывут куда хотят:
на запад, на восток...

Прольются дождиком — и пусть.
Беда невелика.
Я отыскать не поленюсь
иные облака.

Увижу их и буду знать,
и буду помнить я,
что в небесах парит опять
коллекция моя.

«ПИОНЕР»СКОЕ АГЕНТСТВО

«ФАКТ»

ДЕЛОВАЯ СПРАВКА

«Пятерка» за олимпиаду

«Наш учитель говорит: «Не будешь участвовать в олимпиадах и конкурсах по русскому языку, «пять» в четверти не поставлю. Даже если у тебя текущие одни «пятерки». Разве так можно?»

Сергей Горбунов, Москва

На подобные вопросы в нашем «Агентстве» отвечает **заместитель начальника Главного учебно-методического управления общего и среднего образования Госкомитета СССР по народному образованию Маргарита Романовна Леонтьева.**

— Учитель не имеет права занижать оценку — это нарушение педагогической этики. Наоборот, учитель оценкой должен поощрять, подталкивать школьника на решение более сложных задач. Но, как мне кажется, тут вопрос глубже. Мы видим, что Сергей и его учитель не понимают друг друга и учитель пошел на крутой шаг от своего бессилия. Он не смог объяснить, что олимпиада дает для ребят многое. Во-первых, ты проверяешь знания. Во-вторых, создается нестандартная обстановка, при которой ученик должен собраться и «выплеснуть» все, что умеет, чему научился. В-третьих, его оценивают незнакомые ему педагоги, и эти оценки жестки. Конечно, такие вещи давят на ребят, они боятся «провалиться» на олимпиадах. Но поймите, что главное в олимпиаде — это участие. Сергей после нее сможет учесть свои ошибки, узнать свои слабые места. То есть с пользой для себя подготовиться к будущим «стрессовым», нестандартным ситуациям.

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Где конфеты?

«Пишут вам из г. Сарапула. На сессиях говорят, что все лучшее — детям. А мы лучшего пока не видим, почему-то конфет даже нет...»

Л. К., Х. З., М. Н.

Получив задание — взять интервью у директора кондитерской фабрики, — я начала рыться в телефонных справочниках и, откопав телефон, позвонила только для того, чтобы меня вежливо послали. Так как с директором ничего не получилось, а выполнять задание было надо, я позвонила своей знакомой, которая работала одно время на кондитерской фабрике «Красный Октябрь», и задала некоторые из тех вопросов, которые хотела выяснить у директора:

— Много конфет на фабрике?

— Много, Насть, ой много!

— А почему тогда их не хватает?

— Не знаю, это не от нас зависит.

Так, может быть, действительно дело не в фабрике. Захожу в гастроном, где отрабатывает практику моя подруга:

— Наташ, много конфет поставляют в магазин?

Вместо ответа она проводит рукой по горлу.

— А в продажу сколько поступает?

— Не все, конечно.

— Куда все девается?

— Куда, куда, лежит на складах. Нас водили, показывали.

Вот что получилось. Но ведь причина кроется, наверное, не только в этом, а в том, кто создал этот искусственный дефицит.

Настя Нипан, Москва

Фотография А. КРУПНИКОВА.

Девочки! Стало уже традицией поздравлять вас с 8 Марта. Хорошая это традиция или смешная, решать не мне. Хотя первоначальный смысл праздника был иной, не женственный, а политический. Но все-таки... От имени всех мальчиков Советского Союза, девочки, с 8 Марта вас!

Ведущий «ПАФ»а
Андрей МУХАНОВ.

А остальная часть «ПАФ»а — скромный подарок.

ДЕВИЧНИК

Рубрика в рубрике

ИЗ РУССКОЙ СТАРИНЫ

Сегодня мы публикуем отрывок из книги «Юности честное зерцало», который называется

Девическое целомудрие

«...Украснение девиц и младых невест, также и замужних, есть достохвальная фарба, или цвет, и о сем Диоген пишет: украснение есть признак к благочестию... Стыдливая (зазорная) девица не токмо в лице краснеет, но и стыдливыя имеет уши. Устрашится, когда что бесстыдное слово услышит, яко легкомысленная, неискусные издевки и скверные песни. Сущая девица потупит лицо свое, яко бы она того не разумеет, или восстав отходит далее. А которая смеется, и к тому спомогает, такая не лучше оных... Чистая девица должна не токмо чистое тело иметь, честь свою хранить, но должна и чистое и целомудренное лицо, очи, уши и сердце иметь...

Непорядочная девица со всякими смеется и разговаривает, бегает по причинным местам и улицам розиня пазухи, садится к другим молодцам и мужикам, толкает локтями, а смирно не сидит, но поет блудные песни, веселится и напивается пьяна... где нет стыда, там и смирение не является...»

Девочка Алиса проваливается в кроличью нору и оказывается в стране Чудес. Страна населена странными зверюшками, которые говорят человечьими голосами и совершают разные чудные поступки. Алиса тоже от них не отстает! Волею случая девочка попадает на прием к самой Королеве. Это взбалмошная и сумасбродная дама, с которой, конечно же, у Алисы отношения не складываются.

Окончание. Начало в №№ 1, 2.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

ГЛАВА 9.

МОРСКИЕ МОРОКИ

— Ах ты, прелесть моя, я так рада, так рада тебя видеть снова! — нежно пропела Герцогиня и, взяв Алису под руку, отвела ее в сторону.

Алиса была приятно поражена переменой настроения Герцогини. Тогда в кухне, наверное, перец сделал ее злой Старой Перечницей.

«Когда я вырасту,— решила Алиса,— в моей кухне ни перчинки не будет. Суп и без перца не очень-то мне нравится. От супа становишься насупленным. А от каши — кашляешь».

Тут Алиса вдруг сообразила, что открыла новый детский закон природы. И она продолжала придумывать:

«От биточков ходишь как побитый. От омлета можно сомлеть. От киселя бываешь кислым. Зато от шоколада становишься ладным. Вот если бы взрослые знали этот закон, они бы детей кормили только шоколадом или, на худой конец, мармеладом. И детки у них были бы такие ладные, такие складные!»

Алиса так увлеклась своим новым законом, что совершенно забыла про Герцогиню и даже вздрогнула, услыхав ее голос над самым ухом:

— Прелесть моя, ты неприлично долго молчишь. А здесь уже прочитывается мораль...

— А может быть, не надо мне читать мораль? — робко сказала Алиса.

— Ах, моя прелесть! Ничего, кроме морали, я и не читаю никогда,— воскликнула Герцогиня.

И она прямо влипла в Алису. Ее острый, как пика, подбородок впился Алисе в плечо, а уродливая физиономия закачалась перед ее глазами. Но Алиса смолчала, боясь обидеть Герцогиню.

— Смотрите, все помирились, и игра стала мирной,— сказала она, чтобы очень уж долго не молчать.

— Я тебе советую запомнить мораль: «люби меня, как я тебя», и мир будет до тех пор, пока вертится Земля,— назидательно сказала Герцогиня.

— А кто-то как-то на кухне говорил, что кое-кому следует приберечь свои советы,— ехидно напомнила Алиса.

— Так это одно и то же! — невозмутимо ответила Герцогиня, ввинчивая свой подбородок в Алисино плечо.— А мораль такова: «жди совета, как соловей лета».

«Она отовсюду выуживает мораль, как рыбку из моря»,— подумала Алиса с тоской.

Герцогиня же тем временем терлась возле Алисы, приговаривая:

— Ты не обижаешься, что я не обнимаю тебя? У твоего фламинго такой опасный клюв! Но если ты настаиваешь, я рискну!

— Нет, нет, он и вправду может клюнуть! — сказала Алиса, потихоньку отодвигаясь от назойливой Герцогини.

— И то правда! — подхватила Герцогиня.— Клюв у птицы острее горчицы. И из этого следует мораль: «у каждой птички свои привычки».

Алиса тем временем размышляла вслух:

— Птица не горчица, а горчица не птица.

— Как это точно сказано! — восхитилась Герцогиня.

— Интересно, где добывают горчицу? — продолжала раздумывать Алиса.

— В горах, конечно! — ответила Герцогиня.— Потому ее и называют гор-чица. Отсюда мораль: «умный в гору не пойдет».

— А может быть, ее выращивают? — не унималась Алиса.

— Ага, в горшках. Отсюда и название гор-чица,— согласилась Герцогиня.— А мораль такова: «хоть горшком назови, только в печь не сажай». А проще говоря, быть тем, что ты есть, не значит есть, чтобы быть. Но быть, чтобы значить, не есть — быть, чтобы есть.

Алиса несколько опешила.

— Я бы вас лучше поняла, если бы все это было написано,— вежливо сказала она.

— Я и говорю как по писаному! — похвасталась польщенная Герцогиня.— И могу говорить достаточно долго.

— Нет, нет, спасибо, вполне достаточно! — испугалась Алиса.

— Я готова дарить тебя беседой каждый день,— щедро улыбнулась Герцогиня.

«Дарить! Каждый день? — ужаснулась Алиса.— Ничего себе подарочек. Особенно, если этот день — день рождения».

Но вслух говорить этого она не стала.

— Опять задумалась, прелесть моя? — спросила Герцогиня, и ее подбородок чуть не пронзил плечо девочки.

— А разве запрещено думать? — наконец не выдержала Алиса.

— Думать и поросенку не запрещено. Но мораль...— Герцогиня вдруг осеклась, а подбородок ее так и задрожал, подпрыгивая на плече Алисы.

Перед ними стояла в грозной позе, скрестив руки на груди, сама Королева Червей.

— Славный денек, Ваше...— пропищала Герцогиня.

— Или с глаз моих долой, или голову твою долой! — гаркнула Королева.— Выбирай сей же час! Или скорее в шестьдесят раз!

Герцогиня выбрала — и в минуту пропала из виду.

— Продолжим игру,— сказала Королева.

Алиса струсила не на шутку: она поняла, что с Королевой шутки плохи, и покорно поплелась за ней следом.

Игроки, воспользовавшись отсутствием Королевы, тут же развалились в тенечке. Но как только Королева появилась на площадке, все опрометью бросились к своим местам. Все знали, что за промедление каждый будет без промедления казнен.

Игра началась. И снова начались ссоры, крики, вопли. Королева то и дело делала знаки солдатам:

— Этому! Этой! Оторвать! Этому! Этой! Голову!

Солдаты, изображавшие воротца, мгновенно выпрямлялись и арестовывали приговоренных. Вскоре все воротца превратились в солдат, а все игроки превратились в арестованных. После этих превращений на площадке остались лишь Король, Королева и Алиса. Королеве тут же наскучила игра. Она обернулась к Алисе и спросила:

— Ты знакома с Телепахой?

— Н-нет,— ответила Алиса,— а кто это?

— Это наполовину теленок, а наполовину черепаха. Из ее телячьих ножек получается отличный черепаховый суп.

— В первый раз слышу,— удивилась Алиса.

— Пошли,— бросила Королева на ходу,— сама увидишь, сама услышишь.

Уже уходя, Алиса услышала шепот Короля:

— Всех арестованных прошу разойтись!

«Как хорошо»,— подумала Алиса, которая очень жалела всех, приговоренных Королевой.

Вскоре они увидели странное существо — наполовину грифа, наполовину дракона — Грифона. Он дремал на солнышке.

— А ну вставай, бездельник! — растолкала его Королева.— Отведешь девочку к Телепахе. Пусть развлечет ее своими историями. А у меня дел выше головы — головы кое-кому поотрывать.

И она удалилась. Алисе было страшновато оставаться с глазу на глаз со страшилищем Грифоном, но она все же была рада избавиться от злобной Королевы.

— Ну, цирк! — хмыкнул Грифон.

— Где цирк? — не поняла Алиса.

— Да она,— кивнул Грифон вслед Королеве.— Представление устраивает. Где ей голову оторвать, просто морочит голову, вот и все. Ну, потопали.

«Все тут только и знают таскать меня за собой,— ворчала про себя Алиса, плетясь за Грифоном,— никогда в жизни мной столько не командовали!»

Они прошли совсем немного и увидели Телепаху, понуро сидящую на огромном валуне у самого моря. Она так жалобно вздыхала, что сердце у Алисы готово было разорваться от жалости.

— У нее большое горе? — спросила она Грифона.

Грифон снова, как и в первый раз, хмыкнул:

— Представление устраивает. Прямо цирк!

Они подошли к Телепахе поближе. Она подняла на них большие телячьи глаза, наполненные слезами.

— Слушай, дорогуша,— сказал Грифон,— эта юная особа интересуется узнать твою историю. Ты уж расстарайся, дорогуша.

— Постараюсь,— тоскливо протянула Телепаха.— Но одно условие: молчать и не перебивать до самого конца.

И она умолкла. Надолго. Алиса истомилась, ожидая начала истории.

«Интересно,— подумала она,— когда же будет конец, если и начала не видно?»

Но она набралась терпения и ждала, ждала, ждала... Наконец Телепаха вздохнула в сотый раз и начала:

— Когда-то я была совершеннейшей черепахой...

И снова наступило молчание. Лишь Грифон иногда подхмыкивал: ГХМ-ГХМ! — да слышались тяжкие вздохи Телепахи. Алисе это наскучило, и она уж собиралась уйти. Даже фразу приготовила на прощанье: «Рассказ от начала до конца был необыкновенно интересен. Спасибо. До свиданья». Но тут Телепаха встрепенулась и промолвила:

— В детстве я училась в самой модной — водной школе. Учительницей у нас была тетя Черепаха. Но мы ее звали Черемама.

— Вот странно! Почему? — удивилась Алиса.

— Не называть же тетю Черепапа! — фыркнул Грифон.— Соображать надо!

— Да-а,— покачала головой Телепаха,— не больно ты сообразительная.

И оба они вперили свои глазищи в Алису, так что она готова была провалиться сквозь землю. Хорошо, что Грифон наконец сказал Телепахе:

— Не тяни, дорогуша, рассказывай, не то мы тут весь день телепаться будем.

И Телепаха продолжала:

— Была, значит, наша школа придонная.

— Придомная? При вашем доме? — переспросила Алиса.

— Придон-ная! На дне морском! — рассердилась Телепаха.— Ты что, не веришь?

— Верю,— сказала Алиса.

— Нет, не веришь! — топнул Грифон.

— Нет, верю! — настаивала Алиса.

— Тогда не спорь,— сказала Телепаха.

Но ведь Алиса и не думала спорить. И она промолчала.

— Образование мы получили отменное, потому что отменяли занятия чуть ли не каждый день,— продолжала Телепаха.

— А я каждый день в школу ходила,— похвасталась Алиса.

— Каждый день?! — забеспокоилась Телепаха.— И каждый день у вас были мороки?

— Не мороки, а уроки,— поправила Алиса,— про мороки я и не слыхала.

— Ага! — обрадовалась Телепаха.— Мороки — это морские уроки, на них нам основательно морочили голову. А сколько было мороки, когда их задавали на дом!

— А какие же предметы вы изучали? — заинтересовалась Алиса.

— Только самые главные,— важно сказала Телепаха.— Сначала, конечно, Лево и Право Плясание. Потом действия в марте-мартике.

— Где? — переспросила Алиса.

— Не где, а когда: в мартике, то есть в марте. Четыре действия: свежение, тепление, умножение, вылетание,— отвечала Телепаха.

— Про умножение я знаю,— воскликнула Алиса.

— Ты разве многоножка? — удивился Грифон. — Это у них в марте множатся ноги — умножаются. Не знают этого только разве такие двуножки, как ты.

Алиса решила оставить без внимания грубость Грифона и обратилась снова к Телепахе:

— А еще что вы изучали?

— Ну, во-первых, была у нас Злоология,— начала перечислять Телепаха,— потом Природоедение — очень вкусный предмет. Еще Чистория и Терпение по нотам. Очень уважаемый предмет — Почтение и ужасно трудный Плохимия. Кроме того, мы изучали Спиностранный язык.

— Спиноязык? — ахнула Алиса. — Не слыхала такого.

— Потому он и странный,— пожал плечами Грифон.

А Телепаха продолжала монотонно:

— По всем предметам были у нас Мучебники. Такие толстые, что читать их одно мучение,— и она тяжело вздохнула.— А еще огромные, как киты, Китради. В них мы писали Жуквы, которые тут же расползались, и такие заковыристые Чихла, что от них свербило в носу и хотелось чихать. Зато на экзаменах все как один плавали! Такое удовольствие! А уроки Пруда у нас вела Рыба Молот. Но, по правде говоря, пруд не ее стихия.

— Ты расскажи про наказания,— напомнил Грифон.

— Да,— всхлипнула Телепаха,— иногда нам задавали хорошенькие Задрачки. В наказание.

— В наказание за что? — спросила Алиса.

— За драчки, конечно! — пояснил Грифон.

Телепаха тоскливо кивнула головой. Алиса поспешила перевести разговор.

— А какое у вас было расписание? — спросила она.

— Каждый день новое. Текущее. В первый день утекали десять часов. Во второй — девять. В третий — восемь. А на десятый день и последний час утекал. Время текло, если можно так сказать, сквозь пальцы. А учителя смотрели на это тоже сквозь пальцы.

Алиса быстро сосчитала в уме и спросила:

— Значит, на одиннадцатый день вам уже нечем было заниматься?

— Естественно! — с гордостью ответила Телепаха.

— А что же вы делали на двенадцатый? — не поняла Алиса.

— Отдыхали,— сказала Телепаха.

— Вот именно,— подтвердил Грифон.— Расскажи-ка ей, дорогуша, как мы отдыхали.

ГЛАВА 10.

ПАРА ДЛЯ ОМАРА

Телепаха всхлипнула. Ее душили слезы, и она не могла вымолвить ни слова. Только судорожно раскрывала рот и молчала.

— Косточкой поперхнулась,— решил Грифон и хлопнул Телепаху по затылку.

Голос у Телепахи наконец прорезался, и, все еще всхлипывая, она продолжала:

— Тебе, случаем, не случалось пожить на дне морском?

— Нет,— ответила Алиса.

— А живого Омара видала? — спросила Телепаха.

— Едала,— брякнула Алиса и тут же спохватилась: — Но н-нет, живого не видала.

— Выходит, ты никогда с Омарами не танцевала,— заключила Телепаха,— и не видела, как они выкомаривают.

— А как? — заинтересовалась Алиса.

— Сейчас мы тебе покажем! — оживился Грифон.— Сперва все выстраиваются на берегу вдоль линии прибоя в одну линию...

— В две! В две линии! — перебила Телепаха.— Они же все разные — и лососи, и тюлени, и черепахи... Потом разгоняют медуз.

— Медузы такие медлительные, что на это уходит масса времени,— пояснил Грифон.

— И-и, начали! — закричала Телепаха.— Два шага вперед...

— В пару! В пару с Омаром! — взвился Грифон.

— И снова два шага уже вдвоем! — вмешалась Телепаха.

— И кидаешь... — надсаживался Грифон.

— Омара! — радостно подхватила Телепаха.

— В море! — завопил Грифон.

— Подальше от берега... — изнемогала Телепаха.

— А сам за ним! Вплавь! — гаркнул Грифон.

— Делаешь морское сальто-мортале... — надрывалась Телепаха, кувыркаясь на песке.

— Меняем Омаров!...— восторженно верещал Грифон.

— И плывем обратно к берегу,— просипела сорванным голосом Телепаха.— Все! Передышка.

Грифон и Телепаха, совершенно обессиленные от криков и прыжков, плюхнулись на песок у ног Алисы.

— Миленький танец,— похвалила Алиса.

— Хочешь увидеть его целиком? — встрепенулась Телепаха.

— Хочу,— нерешительно сказала Алиса.

— Начнем сначала,— обратилась Телепаха к Грифону.— Омаром будешь ты. А кто напоет?

— Пой ты,— сказал Грифон.— Я слова позабыл.

И они зашлепали, затопали, запрыгали вокруг Алисы, толкая ее и наступая своими широкими лапами ей на ноги. Телепаха затянула песенку в такт танцу:

С молодой морской Селедкой
Пляшет весело Омар.
Как угнаться за молодкой,
Если ты и слаб, и стар?
Ни ответа, ни привета,
И совет не даст никто:
То ли то, а то ли это,
То ли это, то ли то?
Еле-еле он плетется
Позади нее в хвосте.
И над ним она смеется:
— Кавалеры уж не те!
Ни ответа, ни привета,
И совет не даст никто:
То ли то, а то ли это,
То ли это, то ли то?
Танцевала эта пара
День и ночь на дне морском.
Но Селедка от Омара
Уплыла, вильнув хвостом.
Ни ответа, ни привета,
И совет не даст никто:
То ли то, а то ли это,
То ли это, то ли то?
Побывал Омар в Париже,
Сплавал в Лондон, в Новый Свет,
Плавал дальше, плавал ближе,
Но нигде Селедки нет.
Ни ответа, ни привета,
И совет не даст никто:
То ли то, а то ли это,
То ли это, то ли то?

Танцоры отдавили Алисе ноги, и она еле дождалась конца танца. Но, не желая обижать старательных плясунов, воскликнула:

— Просто чудесно! Особенно хороша песенка. Про Омара.

— А Селедка тебе нравится? — спросила Телепаха.

— Нет, не очень,— честно призналась Алиса.— Она мне кажется слишком соленой.

— Не кажется, а так и есть,— сказала Телепаха.— Плавая в море, она достаточно просолилась. А еще, как ты могла заметить, Селедка ужасно холодная.

— Я этого не замечала,— удивилась Алиса.

— Ну, что ты! Совершеннейший лед! — воскликнула Телепаха.— Недаром же ее зовут се-ЛЕД-ка.

— Я тоже могу кое-что порассказать о ней,— вмешался Грифон.— Вот, к примеру, айсберги. Сплошь из сельди. Громадные такие Сельдины.

— Айсберги — это льдины,— не преминула похвастать своими знаниями Алиса.

— Может, где-то и говорят «это льдины»,— проворчал Грифон,— а мы уж привыкли по старинке: «се льдины». Да что мы все о селедке да о селедке? Рассказать тебе про наш хор?

— Как же рыбы поют? — удивилась Алиса.

— Очень просто,— сказала Телепаха,— набрав в рот воды.

— Первыми вступают приДОнные рыбы,— сказал Грифон,— это и понятно: «До» — самая низкая нота и начинается на дне.

— Потом,— подхватила Телепаха,— приплывает фоРЕль, за ней — МИнога, следом — кеФАль, после нее — стерЛЯдь и последним СИг.

— Вы пропустили одну ноту — «СОЛЬ»,— поправила ее Алиса.

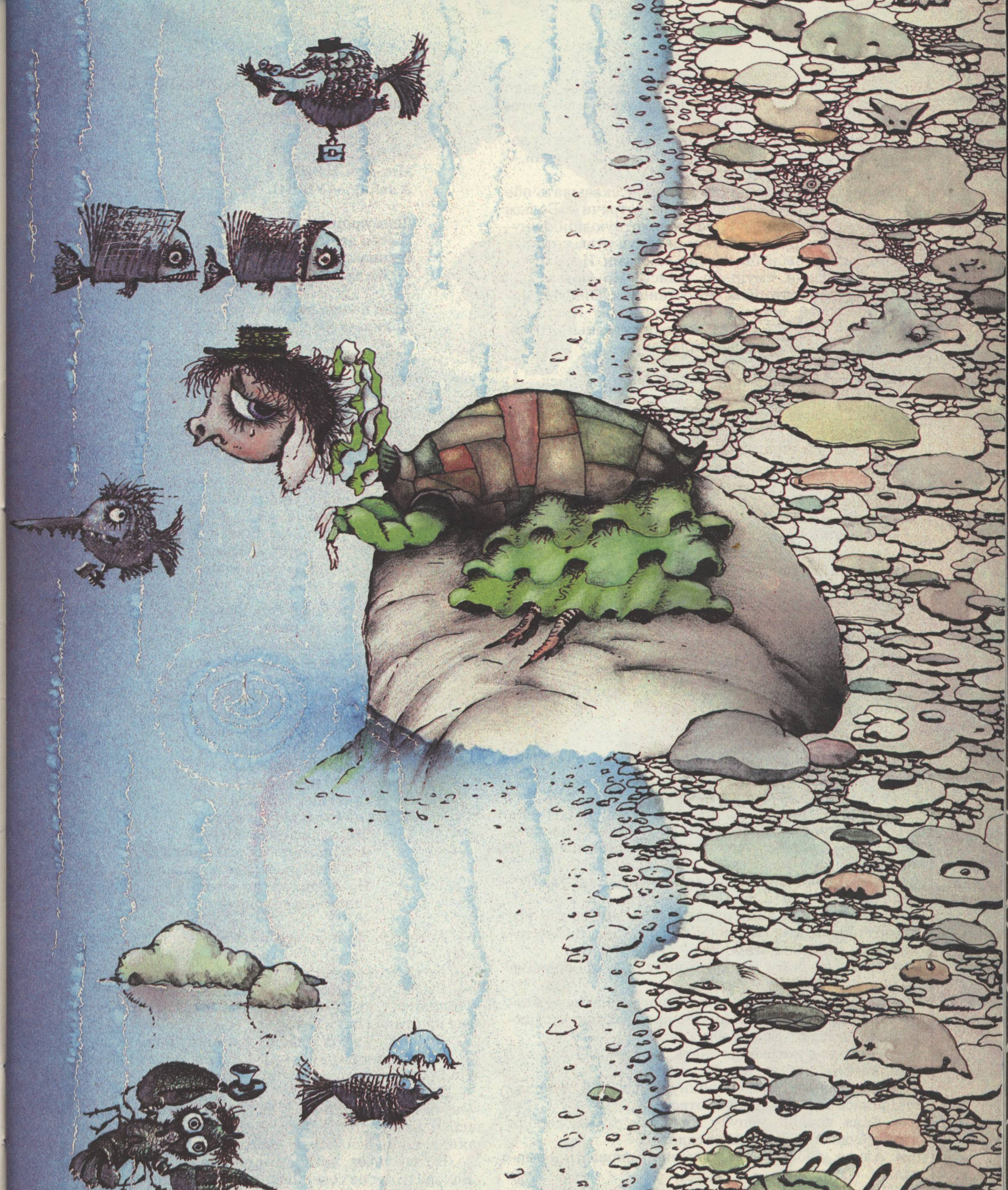
— Соль? — захохотал Грифон.— Вся соль в том, что у нас в море сплошная соль! Вот почему у нас не солируют, а поют хором.

— А ты можешь солировать,— обратилась Телепаха к Алисе,— ты же не живешь в море.

— Я не очень-то хорошо пою,— опасливо сказала Алиса.

— Тогда рассказывай,— потребовал Грифон,— расскажи о себе.

— Что с тобой приключилось,— добавила Телепаха,— и вообще обо всех приключениях.

— Пожалуйста,— согласилась Алиса.— Только то, что было ДО кроличьей норы, совсем не интересно.

— Не хочешь начинать с «ДО», можешь вести рассказ на любой ноте. Только поскорей приступай,— поторопил ее Грифон.

И Алиса с удовольствием стала рассказывать обо всем, что случилось с ней после встречи с Белым Кроликом. Телепаха и Грифон вплотную придвинулись к ней, выпучив глаза и разинув рты, которые скорее можно было бы назвать пастями. И это поначалу несколько смущало Алису. Но потом она увлеклась и тараторила без остановки. Она уже дошла до своей встречи с Бабочкиной Куколкой и даже прочитала снова те перепутанные стихи, когда Телепаха вдруг перебила ее:

— Странное стихотворение!

— Оно же перепутанное! — объяснила Алиса.

— А ты еще что-нибудь можешь поперепутывать? — спросил Грифон.— Мы бы с удовольствием послушали.

— Встань и прочти нам «Люблю грозу в начале мая»,— учительским тоном потребовала Телепаха.

«Как на уроке,— подумала Алиса,— тоже мне, учителя нашлись».

Но, сама не понимая почему, подчинилась. И все слова у нее действительно перепутались в голове сами собой. Такое странное стихотворение получилось!

— Люблю козу! — вскричала Майя,—
Когда веселья полон дом,
Она, резвяся и играя,
Топочет и толкает лбом...

«Что я говорю?» — ужаснулась Алиса, но остановиться уже не могла и продолжала:

Гремят копыта молодые,
От ножек быстрых пыль летит.
Ее глаза, всегда живые,
Как будто солнце золотит.

— В жизни такого не слышал! — восхитился Грифон.— То есть в детстве слышал, но совершенно не такое.

— Совершеннейшая ерунда! — воскликнула Телепаха.— Просто необъяснимая путаница.

Алиса закрыла лицо руками. В ее голове так все перепуталось, что, казалось, она опутана этой путаницей по рукам и ногам.

— Объяснила бы хоть что-нибудь,— проворчала Телепаха.

— Объяснять чепуху — ерундовое занятие,— возразил Грифон.— Пусть лучше прочтет еще что-нибудь в этом духе. Если у нее хватит духу.

— А все ж я хотела бы знать, как это она топочет и толкает? — настаивала Телепаха.

— Резвяся и играя,— брякнула Алиса и сама застыдилась своего нелепого ответа.

— Если хочешь чепуху городить, то уж городи что-нибудь огородное. Или садовое.

И Алиса, словно завороженная, снова забормотала:

Во саду ли, в огороде
Да при всем честном народе
Серый заяц и сова
Делят длинные слова.

— Вот КАРТОФЕЛЕКОПАЛКА.
Мне — КАРТОФЕЛЬ.
Зайцу — ПАЛКА.

— Слово странное — МОРМЫШКА.
Зайцу — МОР,
Осталась — МЫШКА.

— Вот еще одно — КОРМУШКА.
Мне весь КОРМ,
А зайцу — УШКО.

День прошел, и ночь настала,
И сова делить устала,
И сказала, усмехаясь:
— Не делить же слово ЗАЯЦ.

Заяц целеньким остался —
Целиком сове достался.

— Ну и наломала слов! — ахнула Телепаха.— Голову сломаешь разбираться.

— Да-а, головоломки,— покачал головой Грифон. — Никак сути не ухвачу. Может, хватит?

Алиса обрадовалась. А Грифон продолжал:

— Лучше мы опять спляшем. Или Телепаха споет нам что-нибудь.

— Споет! Споет! — захлопала в ладоши Алиса.

Грифон, который уже собирался попрыгать вволю, недовольно хмыкнул:

— На мой вкус лучше бы сплясать. Но о вкусах не спорят. Спой ей, дорогуша, песенку о солянке.

Телепаха протяжно вздохнула, всхлипнула, шмыгнула носом и запела:

Море — рыбная солянка,
Соли вдоволь, рыба есть.
Море — полная лоханка,
Ложку взял — и можешь есть.
Мы такой солянки рыб-
ной полморя съесть могли б.
Вкусной рыбы здесь полно,
Но-но-но, эх, но-но-но,
Слишком солоно оно!
Берег — это не полянка,
Море — это не лужок.
Но усадит всех солянка
Вдоль по берегу в кружок.
Мы такой солянки рыб-
ной полморя съесть могли б.
Вкусной рыбы здесь полно,
Но-но-но, эх, но-но-но,
Слишком солоно оно!

— А теперь припев все вместе! — дирижировал Грифон.

Но в этот момент до них донеслось:

— Су-уд! Су-уд идет!

Грифон тут же забыл про песню, схватил Алису за руку и потянул за собой.

— Скорей! А то опоздаем! — крикнул он.

— Какой такой суд? — спрашивала Алиса на бегу.

Но Грифон повторял только одно:

— Давай, давай! Жми!

Он уже несся во весь дух. Алиса совсем запыхалась. А до ее ушей долетал протяжный голос Телепахи, оставшейся далеко позади:

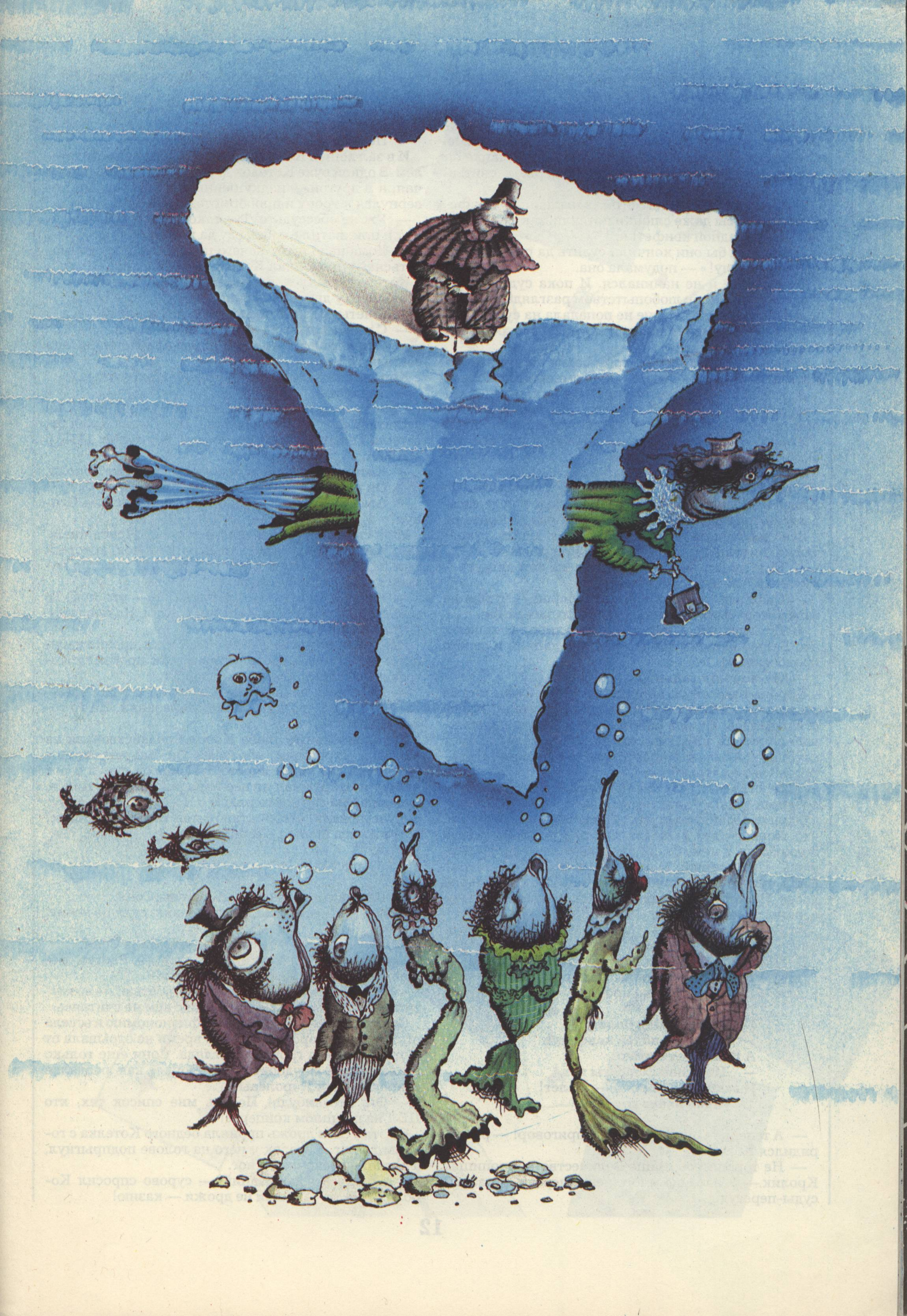
— Но-но-но, эх, но-но-но-ооо-о...

Вскоре голос ее совершенно затих вдали.

ГЛАВА 11.

СКОЛЬКО КОНФЕТ УКРАЛ ВАЛЕТ?

Они поспели как раз вовремя. Король и Королева Червей восседали на троне. Вокруг, перетасованные, будто колода карт, толпились разные звери,

зверьки, зверята и зверюшки, всякие твари, существа, птицы и пташки.

У всех на виду стоял закованный в цепи и оцепленный вооруженными солдатами Валет Червей. Вокруг королевского трона сгрудились придворные. Среди них терся и Белый Кролик. В одной лапке он зажал медную трубу, а в другой держал свитый в трубочку пергаментный свиток.

Посредине зала стоял стол, заваленный конфетами. У Алисы даже слюнки потекли, так ей захотелось шоколадной конфетки.

«Поскорей бы они кончили судить да рядить и садились к столу!» — подумала она.

Но суд еще и не начинался. И пока суд да дело, Алиса принялась с любопытством разглядывать все и вся. Алиса никогда еще не попадала на суд, но видела книжки с картинками и могла судить обо всем сама.

«Вон тот, что парится в громадном парике, напяленном на голову,— судья», — размышляла Алиса.

А судьей-то был сам Король! Он нахлобучил парик, а сверху еще и корону. Вид у него был такой нелепый, что, кажется, он и сам себя стеснялся. Рядом с Королем присели какие-то зверьки и птички. Их было ровно двенадцать штук.

«Это же Присяжные!» — догадалась Алиса.

Пожалуй, не всякая девочка знает это слово. Но Алиса знала вдобавок, что Присяжные в суде заседают, потому и называются Присяжные Заседатели. Все двенадцать Присяжных, как один, старательно писали что-то на грифельных досках.

— Еще ничего не началось, что же они пишут? — шепнула Алиса на ухо Грифону.

— Свои имена,— прошептал Грифон,— чтобы не запамятовать их до конца судебного заседания.

— Вот глупцы! — воскликнула Алиса так громко, что Белый Кролик замахал на нее лапкой и строго провозгласил:

— Па-апрошу тишины!

Король вздрогнул, поправил на носу очки и стал вглядываться в зал, выискивая нарушителя. Алиса стушевалась. Но все равно заметила, что Присяжные записали на своих грифельных досках: «Вот глупцы!». А кое-кто из них вместо «глупцы» старательно вывел «голубцы».

«Представляю, что там накалякают эти грамотеи во время суда!» — подумала Алиса.

Один из Присяжных так скрипел своим грифелем, что вынести это было просто невозможно. Алиса подкралась к нему сзади и выхватила из лапки грифель. Присяжный, а это оказался Билл, ящерка Билл, тут же стал карябать коготком по грифельной доске. Но коготок никаких следов на твердой ее поверхности не оставлял.

— Прошу прочесть обвинительное заключение! — приказал Король.

Белый Кролик поднял свою трубу и трижды — тру-ру-ру! — протрубил. Потом развернул пергаментный свиток и громко прочел:

Говорил Король Валету:
— Эй, слуга, подай конфету!
А Валет ему в ответ:
— Ни одной конфеты нет.
И вскричал Король: — Валет!
Ты украл пакет конфет!

— А теперь — окончательный приговор! — распорядился Король.

— Не торопитесь, Ваше Величество,— пропищал Кролик.— У нас еще много чего впереди — разные суды-пересуды.

— Ладно уж,— согласился Король,— зовите Первого свидетеля.

Белый Кролик опять трурурукнул в свою трубу и провозгласил:

— Пе-ервый свидетель! Па-апрошу!

И в зал вошел Котелок. Он и был Первым свидетелем. В одной руке Котелок держал недопитую чашку чая, а в другой — надкушенный бутерброд. Он повернулся к трону и пробормотал:

— Уж не обессудьте. Тут такое дело — чай я пил. Вот и прихватил с собой еду да посуду.

— Дома надо пить, нечего по судам с посудой мотаться! — проворчал Король.— Давно пить начал?

Котелок помялся, поглядел на Полоумного Зайца, стоявшего у двери, и просипел:

— С четырнадцатого марта, судя по всему.

— С пятнадцатого,— поправил его Заяц.

— С шестнадцатого,— прошамкала Ночная Соня сонным голосом.

Король ткнул пальцем в сторону Присяжных.

— Записать! — бросил он.

Присяжные тут же заскрипели грифелями. Они записывали все цифры подряд. Получилось, как говорила Телепаха, длинное чихло. Вот такое: 141516 МАРТА.

— Котелок-то свой сними! — потребовал Король.

— Он не мой! — робко возразил Котелок.

— Ага! Сознался! — обрадовался Король.— Стянул?

И он снова ткнул пальцем в сторону Присяжных. Те с усердием принялись писать. Котелок, который только успел стянуть с головы котелок, быстро натянул его на голову опять.

— Не-ет,— испуганно проблеял он,— это мой. То есть он не мой. Просто я его сам сделал. На продажу. Я шляпы шью.

Вдруг Королева грозно достала очки, грозно нацепила их на нос и грозным взглядом пронзила Котелка. Тот умолк и мелко задрожал.

— Не тяни и не дрожи,— успокоил его Король,— ты обязан, не дрогнув, давать показания. Не то голову долой!

Успокоительные слова Короля подействовали на Котелка странным образом. Он задрожал еще больше, в смятении вместо бутерброда сунул в рот чашку и отхрумкал от нее изрядный кусок. Алиса, сидевшая на скамейке рядом с Ночной Соней, вдруг почувствовала, что ей становится тесно. Что такое? И тут Алиса поняла — она растет!

Растет,

растет,

РАСТЕТ!

— Не спихивай меня! — пискнула Соня.

— Извини,— сказала Алиса,— но я, судя по всему, расту.

— В суде судят, а не растут,— ответила Соня.

— Чепуха! — возразила Алиса.— Растут все и повсюду. Ты тоже сейчас растешь.

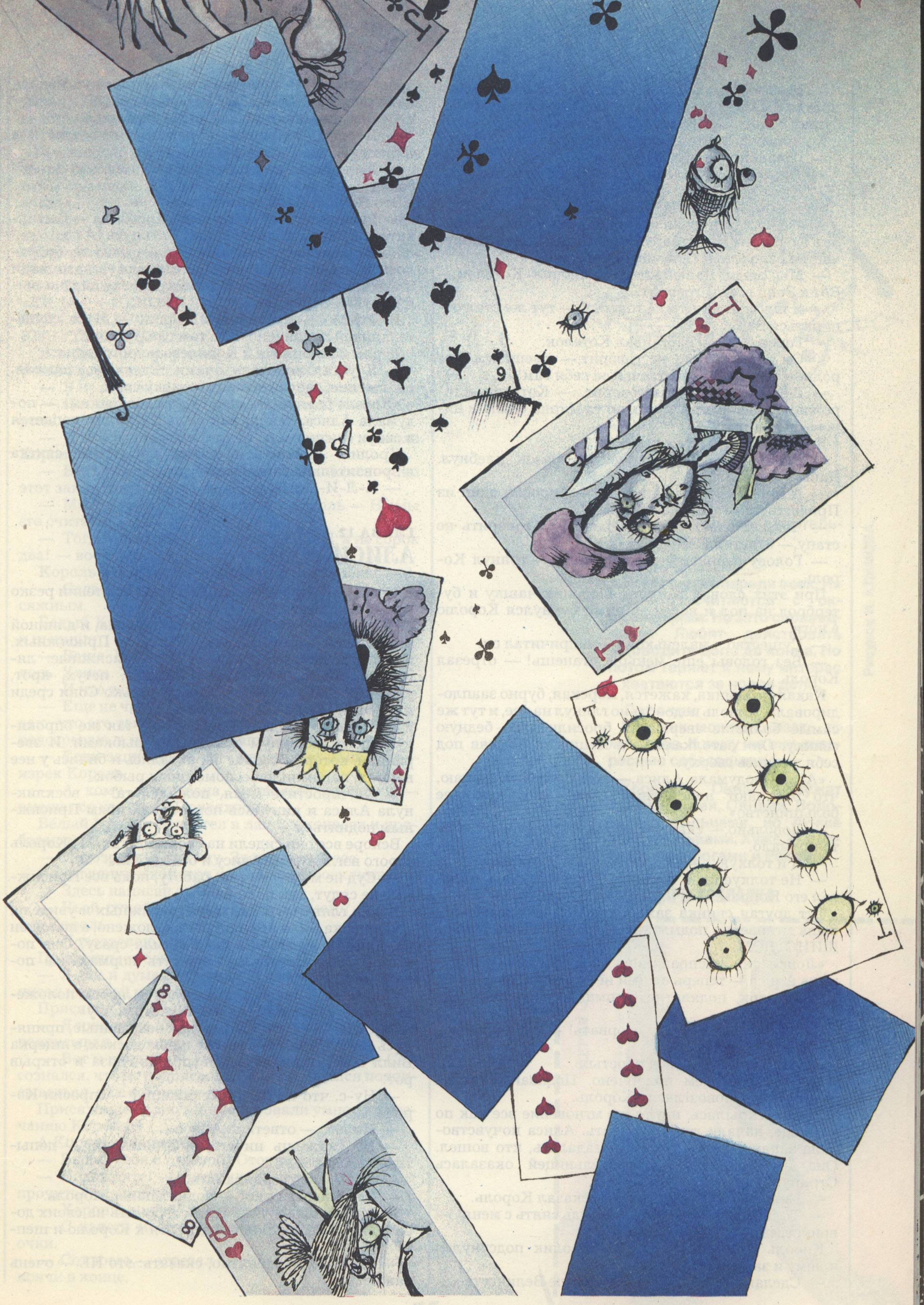
— Но ты растешь с бешеной скоростью! — возмутилась Соня.— Нельзя расти, ни с кем не считаясь.

Соня скорчила недовольную физиономию и отсела от Алисы. А Королева все это время не отрывала от Котелка своего грозного взгляда. Соня еще только усаживалась поудобнее в сторонке, как раздался свирепый рык Королевы:

— Эй, кто-нибудь! Подать мне список тех, кто ПЕЛ на прошлом концерте!

От этих слов дрожь проняла бедного Котелка с головы до ног. Котелок у него на голове подпрыгнул, а ботинки соскочили с ног.

— Дождусь я показаний? — сурово спросил Король.— Не то — дрожи не дрожи — казню!

— Мы люди маленькие,— начал Котелок дрожащим голоском, нам бы чайком побаловаться да хлебушка с маслом, а баловства у нас никакого.

Король подозрительно нахмурился:

— Говоришь, «побаловаться»?

— Так точно, побаловаться,— закивал Котелок.

— А баловства нет? — не унимался Король.

— Ни-ни! — подтвердил Котелок.

— Ты что, за дурака меня принимаешь? — вспылил Король.— Когда балуются, тогда как раз и получается баловство! Отвечай без уверток!

— Мы люди маленькие,— канючил Котелок.— Вот и Заяц всегда говорит...

— Я никогда ничего не говорю! — тут же стал отпираться Заяц.

— Говоришь! — настаивал Котелок.

— Он говорит, что не говорит,— вмешался Король.— Не увиливай, отвечай за себя сам!

— В таком разе Соня говорит...— Котелок осторожно покосился на Соню, но та мирно спала и ничего не говорила.

Котелок осмелел.

— Всего-то, Ваше Величество, разок хлебнул. Чайку,— сказал он.

— А про Соню что записать? — спросил один из Присяжных.— Что она говорила?

— Чего не знаю, того не знаю. Зря говорить не стану,— ответил Котелок.

— Голову оторвем — заговоришь! — грянул Король.

При этих словах Котелок выронил чашку и бутерброд на пол и вслед за ними бухнулся Королю в ноги.

— Существо я маленькое...— запричитал он.

— Без головы еще меньше станешь! — отрезал Король.

Какая-то свинка, кажется, морская, бурно зааплодировала. Король недовольно глянул на нее, и тут же самые большие зверюшки бросились на бедную свинку. Они затолкали ее в мешок и, подмяв под себя, уселись сверху.

«Ага,— подумала Алиса,— теперь-то я понимаю, что означают непонятные слова «подавляющее большинство».

— Довольно,— сказал Король Котелку,— от тебя толку мало.

— Я и толкую...— заикнулся было Котелок.

— Не толкуешь, а толчешь. Воду в ступе,— оборвал его Король.

Тут другая свинка захлопала. Но, как и первая, была мгновенно подмята ПОДАВЛЯЮЩИМ БОЛЬШИНСТВОМ.

«Ловко они расправились со свинками,— подумала Алиса,— теперь с ними не справишься».

А Котелок, подхватив башмаки, улепетывал из зала.

— Голову! Голову ему оторвать! — спохватилась Королева.

Но Котелка уже и след простыл.

— Со свидетелем покончено. Подавайте свидетельницу,— провозгласил Король.

Дверь открылась, и в то же мгновение все как по команде, начали громко чихать. Алиса почувствовала запах перца и тут же догадалась, кто вошел. Она не ошиблась — свидетельницей оказалась Стряпуха.

— Снимем с нее показания,— сказал Король.

— Только попробуйте что-нибудь снять с меня! — воинственно заявила Стряпуха.

Король растерялся. Белый Кролик подсунулся к нему и зашептал на ухо:

— Сделайте ей очную ставку, Ваше Величество.

— Сделаем! — пробормотал Король и уставился на Стряпуху ОЧЕНЬ ГРОЗНЫМИ ОЧАМИ.

— Чем начиняют конфеты? — спросил он.

— Перцем, конечно! — невозмутимо ответила Стряпуха.

— Желе-желе-желе...— раздался тоненький голосок.

Это Ночная Соня бормотала во сне.

— Растолкать ее! — взревела Королева.— Вытолкать вон! Затолкать в мешок! Заткнуть ей рот!

Большинство, сталкиваясь и огрызаясь, бросилось на несчастную Соню. Растолкали ее, затолкали и вытолкали за дверь. В этой суматохе заодно выпихнули и Стряпуху.

— Уфф! — обрадовался Король.— И со свидетельницей покончено. Кто там следующий?

Тут он наклонился к Королеве и проговорил:

— Я устал ворочать очами. Сделайте, дорогая, одолжение, сделайте очную ставку сами.

«Хотела бы я знать кто будет следующим»,— подумала Алиса, глядя, как Белый Кролик копается в своем свитке.

Кролик, наконец, высунул нос из-за свитка и пронзительно заверещал:

— А-Л-И-С-А!

ГЛАВА 12.

АЛИСИН СОН

— Я! — откликнулась Алиса и в смятении резко вскочила с места.

Она забыла, что уже изрядно выросла, и длинной неуклюжей ногой задела скамейку Присяжных. Скамейка перевернулась, и все Присяжные: лягушка, крыса, хорек, еж, ящерка, петух, крот, улитка, белка, аистенок, мышь, только Сони среди них уже не было — попадали на пол.

На прошлой неделе Алиса точно так же опрокинула дома аквариум с золотыми рыбками. И зверюшки, которые сейчас барахтались и бились у нее в ногах, напомнили беспомощных рыбок.

— Ой, простите меня, пожалуйста! — воскликнула Алиса и кинулась помогать бедным Присяжным подняться.

Вскоре все они сидели на своих местах. Но Король строго взглянул на Алису и отчеканил:

— Суд не может начать работу, пока все Присяжные не сядут, как положено!

Алиса глянула на скамью Присяжных и увидела, что ящерка Билл не сидит, как положено, а положен на спину. Как же она не заметила сразу? Она помогла бедняжке Биллу принять нормальное положение.

«Впрочем,— подумала Алиса,— в любом положении от него положительно никакого толку».

И верно. Все Присяжные, как заведенные, принялись писать что-то на грифельных досках, а ящерка Билл продолжал сидеть, выпучив глаза и открыв рот.

— Ну-с, что ты нам расскажешь? — спросил Король.

— Ничего,— ответила Алиса.

— Не скажешь ничего-ничегошеньки? — допытывался Король.

— Не! — подтвердила Алиса.

— Это очень важно! — поднял палец Король.

И Присяжные тут же стали строчить на своих досках. Но Белый Кролик нагнулся к Королю и шепнул:

— Вы хотели, вероятно, сказать: это НЕ — очень важно?

— Ты прав,— важно подтвердил Король и забормотал, прикидывая так и эдак,— это НЕ очень важно. Это очень НЕ важно. Это важно очень НЕ. НЕ важно очень это...

Присяжные старательно записывали. Причем на одних досках появилось: «очень важно», на других — «не очень важно»,— а на третьих — «не важно очень».

Алиса усмехнулась: «Это действительно НЕ важно!»

Король тем временем что-то черкнул в свою записную книжку и громко провозгласил:

— Прошу тишины! Зачитываю Закон №42. «ЛИЦА, НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНО ВОЗВЫСИВШИЕСЯ НАД ДРУГИМИ ЛИЦАМИ, ДОЛЖНЫ ПОКИНУТЬ ЗАЛ СУДА!»

Все лица повернулись к Алисе. Она и вправду сильно возвышалась над остальными.

— Я не виновата, что выросла,— сказала Алиса.

— Не виновата, но виновна,— настаивал Король.

— Чем больше рост, тем больше вина,— заявила Королева.

— Все это глупости, — рассердилась Алиса.— Вы этот закон сами только что выдумали.

— Может быть, и так,— сказал Король.— Но мы его считаем самым древним законом.

— Тогда он должен быть номер ОДИН, а не сорок два! — воскликнула Алиса.

Король нахмурился и спрятал книжку в карман.

— Огласите приговор! — обратился он к Присяжным.

Белый Кролик тут же возник за спиной Короля и шепнул:

— Ваше Величество, здесь кое-что обнаружилось. Улика. Уличающий документ.

— И что там написано? — оживилась Королева.

— Еще не читал,— сказал Кролик.— Но подозреваю, что это тайная записка подсудимого Валета, и, подозреваю, в ней ЧТО-ТО написано!

— Если записка, то уж непременно написана,— изрек Король.

— А кому адресована, позвольте спросить? — вмешался кто-то из Присяжных.

Белый Кролик повертел в лапках конверт и пробормотал:

— Подозреваю, никому. Здесь нет адреса.

Он заглянул в конверт и удивленно воскликнул:

— Здесь написан стишок!

— Чьей рукой написано? Обвиняемого? — спросил Король.

— Подозреваю, что не его,— сказал Кролик.

Присяжные обомлели.

— Я так и думал,— мрачно сказал Король.— Он писал не своей рукой.

Присяжные понимающе закивали головами.

— Я ничего не писал! — залепетал Валет.— И не подписывал. Посмотрите, там же нет подписи.

— Вот и попался! — обрадовался Король.— Сам сознался, что не подписывал. Значит, боялся подписываться, как все честные люди?

Присяжные бурно зааплодировали умному замечанию Короля.

А Королева гаркнула:

— Выдал себя с головой! Оторвать ему ее!

— Подождите! — крикнула Алиса.— Вы даже не прочитали стишок!

— Хорошо, читай! — приказал Король Кролику.

— С какого места? — спросил Кролик, нацепив очки.

— Со своего,— отрезал Король.— Начни сначала, кончи в конце.

ОВЕН

Знак огня под покровительством Марса.

Мальчики

Хотят быть впереди всех. Не очень-то считаются с окружающими. Но зато справедливы. Любят действовать и доводить дело до конца. Но потом теряют к нему интерес и хватаются за новое дело.

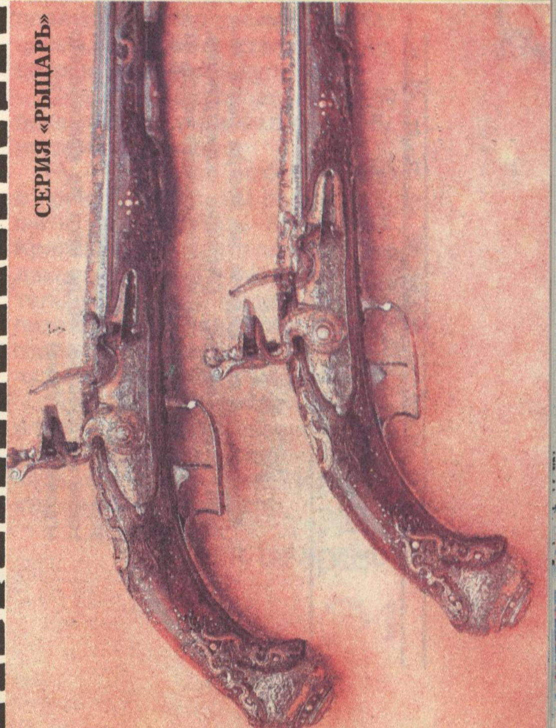
Девочки

Про них можно сказать то же самое. К тому же они интересные собеседницы.

Хорошо Овны дружат с Близнецами, Овнами, Водолеями, Тельцами, но лучше всего со Львами. Хуже — с Девами, Козерогами и Раками.

Рисунок И. КЛИМОВА.

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

В торжественной тишине Белый Кролик прочитал:

Я да ТЫ, да МЫ с ТОБОЙ
Шли МЫ вместе с НАМИ
По широкой мостовой
Стройными рядами.

— Посчитай ИХ ВСЕХ скорей,
Сбился Я со счета,—
Говорил ОН ЕЙ,— ей-ей,
Пропустил КОГО-ТО.

НАС ОНА считать взялась,
Пальцы загибала.
Но, могу уверить ВАС,
ВСЕХ не сосчитала.

Я с ТОБОЙ да ТЫ со МНОЙ —
Вместе НАС немало.
ЭТО скажет ВАМ ЛЮБОЙ,
И ОНА сказала.

И НИКТО не спорил с НЕЙ,
ВСЕМ и так ВСЕ ясно,
Просто ясного ясней,
Не считай напрасно.

ТЫ, конечно, милый МОЙ,
Малый с головою:
Я да ТЫ да МЫ с ТОБОЙ —
ЭТО сколько?..

— Все ясно! — сказал Король, потирая руки.— Яснее ясного. Теперь приговор и...

— Ясно, что ничего не ясно! — воскликнула Алиса.

С высоты своего роста — а она уже здорово выросла — Алиса оглядела зал и продолжала:

— Если кто-нибудь сможет разгадать эту загадку, я дам ему конфету. С этого стола.

— Ну что ж, начнем разгадывать,— сказал Король и начал загибать пальцы: — «Вместе нас немало» — это, конечно, о Присяжных. Вон их сколько! Далее. «И никто не спорил с ней». Это, понятно, о Королеве. Дорогая,— обратился он к Королеве,— с вами кто-нибудь спорил?

Ха! — грубо хмыкнула Королева.— Да я бы тут же наглецу оттяпала голову!

И она в сердцах запустила чернильницей в Присяжных. Конечно же, чернильница угодила в нелепого Билла. Облитый с ног до головы чернилами, он своей чернильной лапкой быстро стал возить по грифельной доске.

— Как вы сказали, дорогая? — зашевелился Король.— «Оттяпала голову»? Это же просто — головотяпство!

И Король с торжествующей улыбкой оглядел зал. Все притихли, не зная, как отозваться на слова Короля.

— Смешная шутка! Каламбур называется! — обиженно объяснил Король.

И тогда все бешено захохотали.

— Посмеялись, и довольно! — произнес довольный Король.— Смех смехом, а пора и приговор выносить.

— Сначала оттяпать голову, а уж потом выносить! — потребовала Королева.

— Чушь, чепуха, глупости и ерунда! — воскликнула Алиса.— Этого просто вынести невозможно.

Она невыносима! — зашипела Королева.— Не сносить ей головы!

Все в испуге примолкли.

— И ни чуточки не страшно! — засмеялась Алиса.

Она ведь уже доросла до своего обычного роста и теперь могла ясно разглядеть, что перед ней обычная колода игральных карт.

— Вы самые обыкновенные карты! — вслух сказала она.

И тут карты веером взмыли в воздух и чуть не залепили ей все лицо.

Алиса растерялась и рассердилась одновременно. Она стала отмахиваться и отбиваться от карт ... и...

И ПРОСНУЛАСЬ!

Она лежала на берегу реки, положив голову на колени сестре, которая смахивала с ее лица сухие листья.

— Алиса, ты заспалась,— говорила сестра,— пора вставать.

— А я видела такой сон, такой сон! — восторженно воскликнула Алиса.

И она принялась рассказывать сестре обо всех чудесных приключениях в чудесной стране Чудес.

Сестра слушала ее очень внимательно. И когда Алиса рассказала все-все, сестра улыбнулась и поцеловала ее.

— Чудесный сон,— сказала она.— А теперь беги пить чай, милая. Пора.

Алиса вскочила и вприпрыжку побежала домой. А сестра смотрела ей вслед и мечтала, как они с Алисой вырастут, как они будут всегда помнить этот чудесный день, как к ним будут приходить маленькие дети и как Алиса станет рассказывать им сказки и, конечно же, ту, что случилась с ней сегодня в СТРАНЕ ЧУДЕС.

Пересказал с английского
Леонид ЯХНИН.

3

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31							

Пистолеты, как видите, не всегда были такими, как сейчас. Сложная конструкция, верно? От удара кремнем вспыхивает искра, от искры воспламеняется порох на полке, от этого огня загорается основной пороховой заряд и... А после выстрела этот «пистоль» нужно долго заряжать через ствол при помощи шомпола. Вот такие неудобства. Но до чего же красиво это «горячее» оружие!

Родительское собрание

Признайтесь, юные друзья, все-таки приятно услышать о своей работе доброе слово. Мы, делающие журнал «Пионер», тоже не лишены этой человеческой слабости. И, не скроем, были весьма польщены, прочитав в анкетах такие, например, признания:

«Большое спасибо за удовольствие, которое доставляет ваш журнал моим детям и мне. Я читаю постоянно «Пионер» вот уже 20 лет». Это из Харькова. Другое письмо пришло из северного села Пажги: «Мы всей семьей любим ваш журнал и выписываем его более 15 лет».

В пору и загордиться от таких похвал. Но мы-то понимаем, что заниматься этим серьезным людям не пристало (а мы надеемся, что именно такими мы предстаем в вашем воображении). Да и, если по-честному, не одобрения ради наших скромных дел мы затевали анкеты для вас, ребята, и ваших родителей («Пионер» №№ 10, 11 за 1990 год).

Нам действительно очень важно знать, что нравится вам в журнале, а что нет, что читаете с охотой, а что встречаете равнодушно. Странно было бы, однако, если бы мы этим не интересовались. Для кого же тогда журнал?

И нам действительно небезразлично, как относятся к тому, что печатается в журнале, ваши родители.

Более 25 000 писем пришло с ответами на наши анкеты. Всем откликнувшимся — сердечное спасибо. Сейчас анкеты обрабатываются на компьютере. И как только материалы будут готовы, мы обязательно познакомим с ними наших читателей. А главное — они помогут вернее определить, каким вы хотите видеть наш журнал.

Пока же машина «переваривает» разнообразные мнения и предложения, мы решили устроить... небольшое родительское собрание, чтобы вы могли услышать «живые голоса» ваших мам и пап, бабушек и дедушек. Итак...

«Побольше печатайте интересных повестей и рассказов. Не проходных вещей, а таких, какими стали для моего поколения повести Крапивина, чтобы в душу западало».

«Мы с мужем с восторгом прочли повесть Успенского про

страшные истории. А сын плакал несколько ночей. Не давать читать? Но из «Мурзилки» он уже вырос, до «Пионера» не дорос. Что же ему читать?»

«А моя дочь говорит, что ей неинтересны стихи и военные рассказы...»

«Чаще пишите о доброте, о том, как должны себя вести мальчики и девочки в общественных местах, в школе; что мужчины — наши защитники, надежда и опора в жизни... Надо учить детей добру, только тогда появится уверенность в завтрашнем дне».

«Ведите и дальше «Переходный возраст».

«Пожалуйста, пишите о людях разных национальностей...»

«Побольше о культурных ценностях — живописи, архитектуре, музыке, народных промыслах».

«Хорошо бы объяснять значение религиозных праздников и обрядов».

«Мало научно-познавательного материала...»

«Рассказывайте о природе, о «братьях наших меньших» — животных».

«Побольше юмора, загадок, кроссвордов, игр».

«Не забывайте о домоводстве: поделки, шитье, вязание, рецепты кулинарные. Как из старой вещи сделать что-то полезное. Девочкам, да и мальчикам это в будущем пригодится».

«В жизни много чего надо уметь делать. Неплохо открыть новый уголок, где бы были рекомендации мальчикам по домашнему хозяйству — как держать молоток, как сделать розетку, как утюг починить и прочее».

Выписки из анкет можно продолжать долго. Но, к сожалению, из-за недостатка времени, а точнее, места мы вынуждены прервать этот заочный обмен мнениями о журнале. Да и себе мы хотели бы оставить хотя бы «минуту» на ответы.

Вы, должно быть, заметили, что некоторыми советами наших юных и взрослых читателей мы уже успели воспользоваться. И начиная с января в журнале появилась рубрика «Домострой для начинающих». Пока в ней в основном материалы для девочек. Но со второго полугодия мы намереваемся помещать здесь и подсказки мальчикам, которым тоже не терпится что-то сделать в доме или квартире своими руками.

В третьем номере, в том самом, что сейчас перед вами, начинается жизнь раздела «Реникса», где мы будем печатать сообщения об открытиях и изобретениях, научных гипотезах и загадках природы.

В этом же номере вы прочтете последние беседы о Заповедях Божьих. Но разговор на религиозные темы будет продолжен. И в будущем мы собираемся рассказывать вам о религиозных праздниках, которые тесно переплелись с народными традициями, да и сами стали частью общечеловеческой культуры.

Скоро появятся новые рубрики, посвященные балету, кино, истории эстетики.

Ну, а тем, кто любит читать о приключениях, мы рады сообщить, что писатель Владислав Крапивин только что передал редакции большую и очень занимательную повесть «Портфель капитана Румба». И во втором полугодии она будет полностью напечатана в журнале «Пионер».

Но пора и закругляться. Мы и так уже немало наобещали вам. А обещанное надо выполнять. Вы ведь этого ждете от нас? И мы постараемся не подвести.

Н. ТАРАСЕНКО

ТОЛЬКО ДЛЯ ВАС

Старинный особняк — в народе Спасо-хаус — спрятался между старым и новым Арбатом, в самом центре Москвы. Спасо — от имени переулка Спасопесковского, хаус — от «house», по-английски «дом».

Здесь вот уже более полувека размещается резиденция американских послов в СССР. Народная молва гласит, что американцы хотели разместиться в доме рядом с гостиницей «Националь» — прямо напротив Кремля. Но дядюшка Джо — И. Сталин — воспротивился такому близкому соседству. Мол, слишком много возможностей для шпионажа... Сами американцы, правда, придерживаются другой версии: советские власти уже были готовы передать им дом в полное владение, но не были уверены: не рухнет ли он во время строительства метрополитена. В итоге остановились на двухэтажном доме в арбатском переулке, который и принял на многие годы под свой кров американских посланников с их семьями и всеми семейными и международными заботами.

Американский оазис в центре Москвы: своя система телефонной связи, свои, заокеанские, привычки, которые порой невозможно сохранить в стране пребывания.

Жизнь дипломата регламентирована и расписана по минутам. Но Чрезвычайный и Полномочный Посол США в СССР Джек Мэтлок между дипломатическими переговорами и приемами находит время на переводы с русского и даже с украинского на английский. А статья Д. Мэтлока о Достоевском стала предметом обсуждения ученых-литературоведов...

Хозяйка Спасо-хауса — супруга посла Ребекка Мэтлок. Дама, которой приходится выполнять не один десяток обязанностей, как «первой леди Америки» в Москве.

С одной стороны, супруга посла в полном смысле живет «за спиной мужа», но с другой стороны... На жен дипломатов не учат, а сколько подводных камней таится в, казалось бы, полностью обеспеченном и безопасном, безбедном и беззаботном мире жены посланника.

Ребекка Мэтлок все эти премудрости освоила давным-давно волею обстоятельств, заставивших Джека Мэтлока заниматься дипломатическими премудростями. Но, главное, Ребекка Мэтлок не стала тенью мужа, его верной спутницей и вторым «я». Она сама необычайно ярка и талантлива.

Сегодня мы в гостях у Ребекки Мэтлок.

ХОЗЯЙКА СПАСО-ХАУСА

— Здравствуйте! Очень приятно познакомиться! — говорит госпожа Мэтлок на чистом русском языке. Мэтлоки в Москве провели в общей сложности одиннадцать лет.

Мы сидим в большой гостиной Спасо-хауса, которую Ребекка специально оформила так, «чтобы два человека могли посидеть и поговорить друг с другом». На самом-то деле в этой комнате могли бы усесться и беседовать человек сорок. Но тогда это было бы похоже на вагон метро в час пик. А так уютная гостиная с диванами и креслами, настольные лампы с мягким светом, книжный шкаф — подарок друзей четы Мэтлоков, торшеры с шелковыми абажурами, камин за вышитым экраном...

— Я сейчас пишу книгу, посвященную Спасо-хаусу, — говорит госпожа Мэтлок. — Пишу не про высокую политику, а про людей — американских послов, которые жили здесь начиная с 1933 года, про их друзей, которые приходили и приходят по-прежнему сюда.

— То есть это документальная книга, исторические анекдоты?

— Именно!

— Расскажите анекдот!

— Видите камин? — Она показывает на большущий мраморный камин в стене. Его, в общем, трудно не заметить. — Когда в Спасо-хаусе должен был поселиться первый американский посол, его помощник, впоследствии тоже ставший послом, Джордж Кеннан попросил, чтобы в доме был камин. Администратор резиденции заказал камин, но его все не привозили. И буквально за пару дней до приезда посла в дом вошло двадцать пять человек, которые тащили камин. Они пробили дыру в стене и установили его. Это оказался камин из Наркоминдела. — Госпожа Мэтлок тщательно выговаривает «Наркоминдел», а я не сразу соображаю, что это не американское название модного магазина, а Наркомат иностранных дел — Министерство иностранных дел! — Они не смогли нигде найти камин, и им пришлось расстаться со своим собственным.

— Хотите, разожжем камин? — Госпожа Мэтлок достала с каминной полки спички и разожгла сложенные в очаге дрова. Огонь с радостью загудел в каминной трубе, в гостиной стало жарко, так же, как бывает в родном доме Мэтлоков в Теннесси, где теперь так нечасто, но все же собирается вся семья Мэтлоков.

У Мэтлоков пять детей. Старший сын, Джим, — архивист, библиотекарь (кстати, первая специальность Джека Мэтлока — именно библиотекарь). Близнецам Нейл и Хью по тридцать два года. Нейл, как и ее старший брат, библиотекарь, ее муж — юрист. Их сыну восемь лет, и он уже начал учить русский язык (кстати, бабушка обещала ему послать журнал «Пионер»).

Хью — математик, системный аналитик. Занимается разработкой компьютеров. Его жена — специалист в области преподавания. Сын Дэйв и его жена Лера только что подписали контракт на создание книги о Сибири. Вместе с женой — кстати, русской, из Ленинграда — они уже написали книгу «Прогулки по Москве и Ленинграду». Самый младший из Мэтлоков — 28-летний Джо, геолог, живет в штате Теннесси. А вообще-то он москвич, родился в первый приезд родителей в Советский Союз.

— Я поняла, что Джек серьезно думает о том, чтобы на мне жениться, тогда,— выдает «семейную тайну» госпожа Мэтлок,— когда я поделилась с ним планами родить четырнадцать детей.

— Почему именно четырнадцать?

— У моей тети,— улыбается госпожа Мэтлок,— было тринадцать детей. Когда мы все усаживались за стол, это было восхитительно. Завтраки в ее доме — одна из самых чудесных для меня вещей в мире.

— У вас есть какие-нибудь особые, свои семейные правила?

— Есть. Я всегда старалась научить своих детей тому, что, если есть выбор из двух дел, то делайте оба, не предпочитая одно другому.

— У нас даже поговорка существует: «за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь». Неужели на американских зайцев и охотников она не действует?

— Я считаю, надо всегда ловить обоих! То есть пробовать оба варианта!

Предпочитать одно в ущерб другому, по-моему, нелепо.

И, кстати, еще одно правило, которому я всегда учила своих мальчиков. Я говорила им: надо уметь готовить яйца четырьмя разными способами и уметь пришивать пуговицы. Тогда вы сможете жениться потому, что этого захотите, а не потому, что для

Госпожа Ребекка Мэтлок (слева) дает интервью для журнала «Пионер».

Фотография А. КРУПНИКОВА.

вас это будет главным условием выживания.

— Какими они оказались учениками?

— Двое женаты, двое еще нет! — смеется госпожа Мэтлок.— Мои дети умеют готовить несложную еду, выполнять домашнюю работу.

Знаете, одно из моих увлечений — перестраивать старые дома. Пять домов в США переделано по моему плану. И большой белый дом с балконом, где когда-то жили мои бабушка и дедушка, мы перестраивали всей семьей. Дети научились от мужа красить, вставлять рамы и делать другую работу.

Ну, конечно, они все шли работать, когда им хотелось купить себе что-нибудь особенное — например, велосипед или поехать куда-то. Один разносил газеты, другие, как правило, нянчились с соседскими детьми. (У нас ведь не принято, чтобы с внуками сидели бабушки.) И в этом наши дети ничем не отличались от других американских детей.

Наши мальчики умеют выполнять то, что традиционно считалось женской работой. Сейчас в американском обществе настал очень важный момент: когда постепенно исчезает разделение на мужские и женские обязанности. Мужчины готовят, ухаживают за детьми...

— А женщины взялись за мужские дела?

— В общем, да. Например, в министерстве иностранных дел США работает много женщин-дипломатов. И никого не удивляет, что в заграничных командировках их сопровождают мужья! Кстати, работать и вести хозяйство мы научились от советских женщин. Ведь в Советском Союзе, наоборот, неработающая женщина — редкость...

— Госпожа Мэтлок, вы в свое время окончили университет Дьюк в Северной Каролине, изучали сравнительное литературоведение, архитектуру и историю искусств в другом университете. Так что ваше увлечение реставрацией домов понятно. Создание собственной фирмы International Designers Corporation, которая представляет интересы художников, тоже логично. Тем более что вы женщина, ценящая независимость... Но как вам удалось организовать работу фирмы так, что она известна в Америке, приносит доход, а вы здесь?

— У меня прекрасные сотрудники,— говорит госпожа Мэтлок.— Конечно, пока я в Москве, я ничем не могу им помочь. Но когда я в Вашингтоне, где мы живем дома и где расположена фирма, я тружусь вместе со всеми. Моя фирма занимается посредничеством в организации художественных выставок. Но своей галереи у меня нет.

— Я знаю, вы делаете гобелены. Где вы их выставляете? И почему вы занялись ткачеством?

— Я увидела потрясающие гобелены по дороге в Москву в 1961 году, когда мы на некоторое время останавливались в Хельсинки. Но я думала, что сидеть за ткацким станком слишком сложно. А несколько лет спустя узнала, что основу гобелена можно заказывать у мастеров, а потом закреплять ее на обыкновенном столе и самой выполнять рисунок. Примерно с 1969 года я так и делаю. Я придумываю рисунок, затем воспроизвожу его с помощью специальной иголки. Гобелен — это такое удовольствие!.. А выставляю их в разных галереях, в частности в Москве.

Я считаю необычайно важным то, что люди занимаются творчеством. Возможность творить, создавать вещи своими руками делает саму жизнь еще более восхитительной, чем она есть. И хотя все очень заняты, надо все равно находить время для творчества.

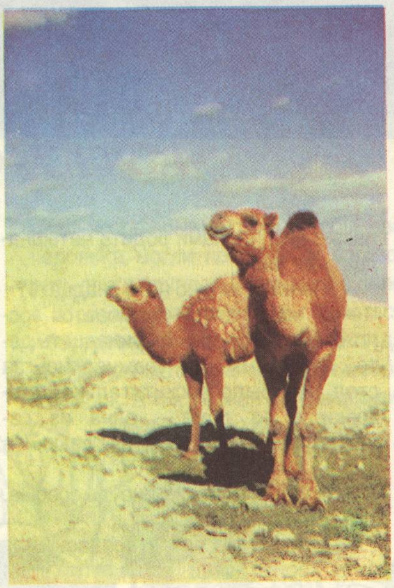
— Я поражаюсь, как вы находите время еще и для серьезного занятия фотографией. Только что прошли выставки в Северобайкальске, Нижнем Новгороде, в Москве, в Доме ученых, в Дубне, на теплоходе «Максим Горький»... Конечно, скептики могут сказать: мол, с американской фотоаппаратурой все что угодно можно нащелкать. Но на самом-то деле техника техникой, а далеко не каждый на вашем месте «охотился» бы за удачными кадрами, выбрасывая десятки неудачных... На фотовыставках Ребекки Мэтлок можно увидеть лица Андрея Сахарова, Рональда Рейгана, Чингиза Айтматова, Олега Табакова, Вэна Клайберна...

— Мне нравится делать не портреты,— комментирует она,— а стоп-кадры. Один из моих самых любимых снимков я назвала «Московская семья». Однажды я увидела очень симпатичную девочку в новых туфлях и сказала ей, как она замечательно выглядит. Ее братишка, конечно, был раздосадован невниманием к его персоне. Папа смотрел в сторону, как будто его там вообще не было, а мама, наоборот, явно гордилась, что на них обратили внимание. Они стоят близко друг к другу, и вместе с тем все четверо смотрятся очень по-разному, выражая разные эмоции.

— Как случилось, что вы стали заниматься фотографией не как любитель, а как профессионал?

— Я начала снимать еще в школе. А потом, после второй мировой войны, я познакомилась с Джеком, и он уже хорошо фотографировал. И позже все наши семейные фото делал сам. Когда же мы с ним были в Москве в 1977 году, в американском посольстве случился пожар. У меня был фотоаппарат, но я не знала, как

Предлагаем вашему вниманию фотографии, выполненные госпожой Р. Мэтлок. На снимки попали два верблюда и сапоги Бориса Пастернака.

с ним обращаться. Это было так досадно, что я решила научиться фотографировать как следует.

Мне нравится разделять с людьми радость от моего фотографирования. Я хочу доставить зрителям удовольствие, чтобы они смеялись, когда им будет смешно, и чтобы оставались серьезными, когда им будет не так уж смешно.

— Любите ли вы готовить?

— Люблю готовить русскую еду. Но только дома, в Америке,— смеется госпожа Мэтлок.— Здесь не хватает времени. Мне нравится готовить котлеты по-киевски, пирожки, борщ... Но самое любимое сладкое — это пасха. Мои русские друзья всегда недоумевают, когда я посылаю им пасху в июле или декабре — ведь это полагается есть только весной, на Пасху. Но я ничего не могу с собой поделать — это мой самый любимый десерт.

— Госпожа Мэтлок, кажется, вы достигли в жизни всего, чего может пожелать себе любая женщина,— счастливый брак, здоровые удачливые дети, собственная фирма, успехи в творчестве... Вы встречались с выдающимися людьми двадцатого века. А был ли в жизни момент, когда вам чего-то очень хотелось, и это не получилось?

— Я была тогда маленькой девочкой. И в магазине перед Рождеством увидела Санта-Клауса (нашего Деда Мороза). Санта-Клаус спросил: «Что тебе подарить на Рождество?» Я ответила: кукольную коляску. И под Новый год действительно я получила кукольную коляску. Только очень маленькую... Я, конечно, расстроилась. Тогда родители объяснили мне, что Санта-Клаус не может купить подарки всем-всем ребятам, и родителям приходится ему помогать. А у родителей не хватает денег. Тогда я перестала переживать. Но случившееся запомнила. И стараюсь добиваться сама того, чего хочу.

Ребекка Мэтлок, по-моему, поставила и осуществила главную свою цель: не затеряться в этом «безумном, безумном, безумном» мире. Конечно, в ее жизни есть что-то несостоявшееся. Но как много она умеет и успевает делать при том, что, наверное, на ее месте можно было бы вообще ничего не делать. И это тоже было бы нормальным явлением.

Кажется, что у нее в жизни все естественно, натурально и гармонично.

А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ

СЕКРЕТЫ СО ВСЕГО СВЕТА

НепричесанныЕ мыслИ

Афоризмы польского писателя Ежи ЛЕЦА похожи на анекдоты, только злее, короче и жестче. И без пошлости.

За остроту, умение попасть в болевую точку и высветить социальные и политические проблемы Ежи Леца долгие годы не печатали в Советском Союзе. В последние несколько лет его афоризмы стали появляться на страницах газет и журналов. Но до сих пор далеко еще не все. Благодаря переводчику Владимиру Михайловичу Россельсу, который сделал творчество Леца доступным для русского читателя, у нас есть уникальная возможность познакомиться с ранее не печатавшимися «непричесанными мыслями» Ежи Леца.

Почитайте и подумайте. Есть о чем.

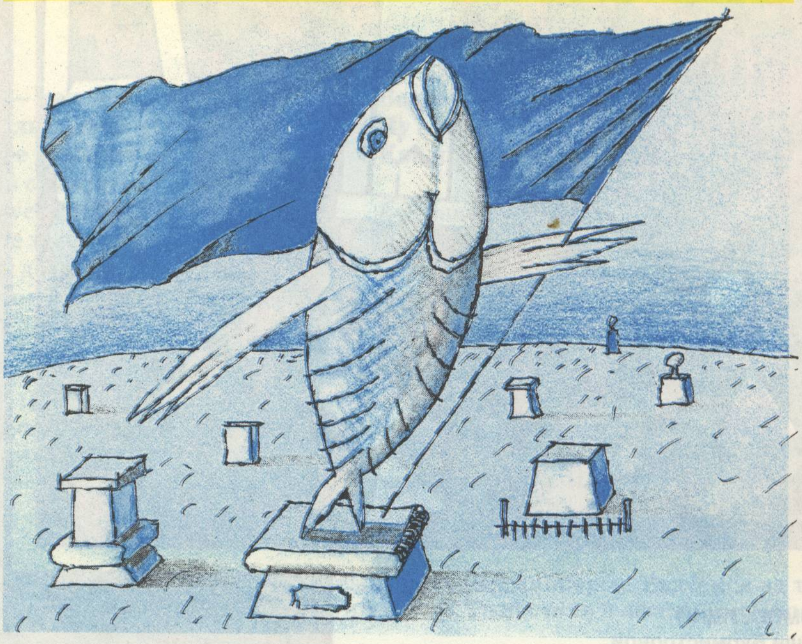

Рисунок А. МАРТЫНОВА.

Разрушая памятники, сохраняйте пьедесталы. Всегда могут пригодиться.

Когда народ не имеет голоса, это заметно и при исполнении гимна.

Достигнет ли человек когда-нибудь такого морального уровня, при котором для кочевников будут созданы передвижные тюрьмы?

«Мысли не облагаются пошлиной?» Да, пока не преступают границ.

Положительных героев необязательно создавать. Достаточно их назначить.

Искусство идет вперед, за ним следуют конвоиры.

Симптомы исторических бурь? Потом долго еще ломит кости.

Потусторонний мир подчиняется законам, действующим по сю сторону.

Может ли человек защищать свое авторское право на нежелательные мысли?

Новое в геометрии: генеральная линия не состоит из бесконечного числа точек зрения.

Нес знамя высоко — не хотел его видеть.

Не везде, где дорожает мясо, растет цена на людей.

Дышать там можно было, только непрерывно крича «ура».

У человека еще то превосходство над машиной, что он умеет сам себя продать.

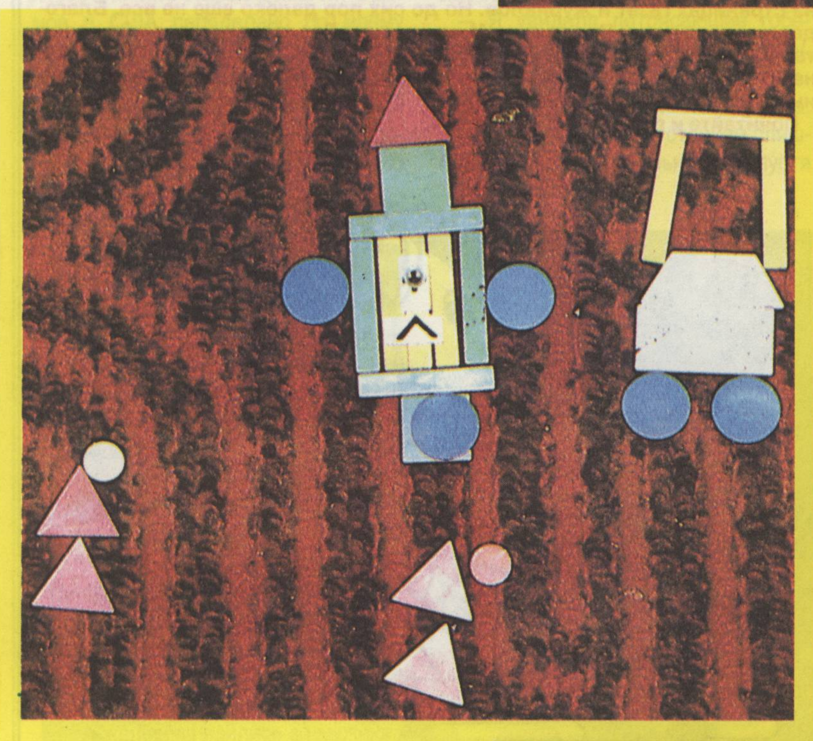
Литературу часто обвиняют в том, что она облегчает заключенным бегство от действительности.

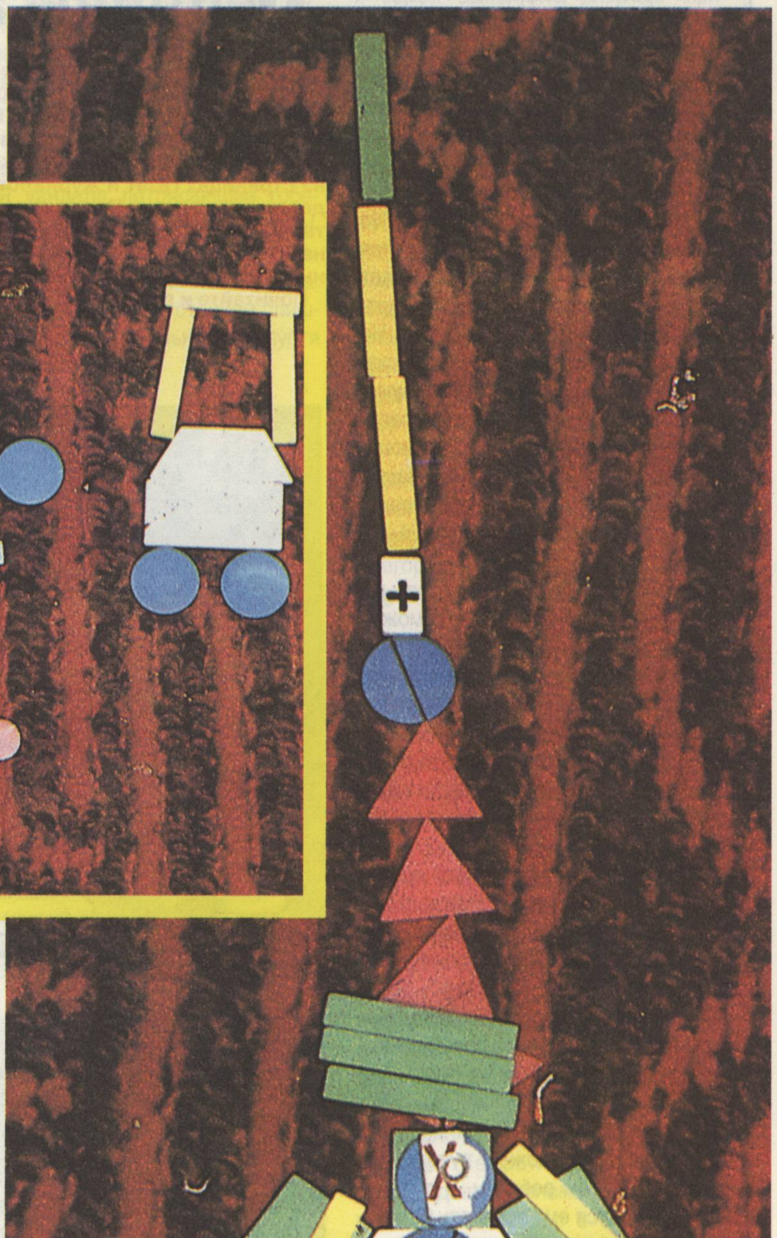
Если громко трубят в рог изобилия, он, должно быть, пуст.

Люди, нас слишком много — боюсь, как бы нас не стало меньше.

Никогда не смотрели друг другу в глаза. Шли, устремив взор к общей цели.

«КОРАБЛИК»

КОМПОЗИЦИИ
Маши Бурмистровой,
4 года.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК КОРАБЛИКА

«Я к вам пишу — чего же боле?..»
А. С. Пушкин

«Здравствуйте! Меня зовут Лена ХОМЕНКО. Мне 11 лет, я учусь в 6-м классе 6-й средней школы города Таллинна. Пишу стихи с шести лет. Некоторые из них посылаю вам. Мне бы хотелось, чтобы они вам понравились».

«Дорогая Лена! Спасибо за письмо. Стихи нам понравились. Печатаем те из них, которые ты посвятила маме и бабушке. Пусть это будет для них наш общий подарок к 8 Марта!»

Маме

I

Солнце золотое
Колесом скатилось.
Ласковое солнце
В маму превратилось.
Миленькая мамочка,
Мама, улыбнись!
Своим сердцем ласковым
Ты ко мне прижмись!

II

Мама — как волшебница:
Если улыбается —
Каждое желание
У меня сбывается.
Поцелует мама —
Плохое забывается,
Новый день, веселый день
Сразу начинается!

Бабушке

У милой моей бабушки
Волосы седые.
Ну а глаза у бабушки,
Как прежде, молодые.

Ее спокойный нежный взгляд
Холодный снег растопит,
И тут же вырастут цветы
На месте грязной топи.

«Здравствуйте, уважаемая редакция! В вашем журнале прочитала я о международном детском конкурсе, «Единство, творчество, красота», что проходил в Софии. Решила попытать счастья и отправила туда свои стихи, прозу и несколько рисунков. И вот в конце лета мне прислали диплом победителя!

Теперь я в 8-м классе. По-прежнему очень люблю музыку, танец, поэзию. Мне нравится рисовать. Еще я самостоятельно учусь играть на гитаре. К своим стихам нередко подбираю мелодию — получается песня.

Посылаю на ваш суд свои стихи. Часть из них написана мной не так давно, но есть среди них и сочиненные раньше.

С уважением Вера ФЕДОРОВА, Ленинград».

«Дорогая Вера! Поздравляем тебя с большим успехом на международном конкурсе! Радуемся за тебя, желаем новых удач! Как хорошо, что у тебя так много разных увлечений. Твои стихи и песни нам понравились. Печатаем некоторые из них».

Облака

(ПЕСНЯ)

По небесам, и тут и там,
Вдали, вблизи, везде,
Плывут, сверкая, облака,
Как лебеди в воде.

И если, в небо уходя,
Задумчиво, слегка,
Качают ветками: «Привет,
Привет вам, облака!»

«Привет! Скажите всем внизу,
Что скоро дождь пойдет,
А то промокнет человек,
Собака, птица, кот.

Скажите травам и цветам,
Что ветер гонит нас.
Мы тучей грозовой придем
Примерно через час.

Ну а пока мы вдаль спешим,
Чтобы пролиться там...»
И будут благодарны все
За это облакам...

По чистым синим небесам
Вдали, вблизи, везде,
Плывут неспешно облака,
Как лебеди в воде.

Тишина

Звучная и звонкая,
Хрупкая и ломкая
Тишина.
Тихая и кроткая,
С мягкою походкою,—
У окна.
Дивная, звенящая
И к себе манящая
Тишина!

Стоит к ней притронуться —
Как лесная горлица,
Улетит она...

Ранним утром

Не проснулся еще тихий пруд,
И рассвет в него смотрится ясно.
А минуты идут и идут.
На душе так легко и прекрасно.

Март

Я природу не узнала,
Как очнулась ото сна,
Потому что налетала
Златовласая Весна!

ДЕВИЧНИК

ХОЧУ ПОНЯТЬ

О трусах, майках и не только об этом...

Эта проблема волнует девочек из очень многих школ. Тревожные письма продолжают идти, несмотря на то, что об этом писали уже не один раз. Обязательно ли в 13—14 лет носить на физкультуру короткую форму? Вот что сказала мне **доцент, кандидат психологических наук, старший сотрудник отдела психологии творчества института «Будущие женщины» Международного женского центра Академии творчества СССР Ирина Александровна Петухова:**

— *Нужна свобода выбора для учащихся. Во многих школах уже пришли к правильному выводу: если девочке приятнее заниматься в открытой форме — прекрасно, если она считает, что спортивный костюм лучше,— тоже отлично. Надо поощрять желание девочек проявить себя, а не объявлять им войну. Школа должна быть человеческим заведением. Ведь для подростка в этом возрасте очень важно, как он выглядит. Если девочкам кажется, что они смотрятся неэстетично, они не станут выполнять упражнения. Девочки стесняются, волнуются, в результате занимаются не физкультурой, а внешним видом. Учителям необходимо отличать существенное от второстепенного, а существенное для уроков физкультуры — это здоровье. Но физическое состояние не может быть оторвано от психологического настроя. Главное не форма!*

— *А что можно посоветовать девочкам и педагогам?*

— *Договориться! Просто решить на собрании в школе этот вопрос. Ведь, как известно, лучше не лечить болезнь, а предупреждать ее!*

Светлана Отрадная, Москва

ПОДГЛЯДКИ

Первая встреча

— Ну скоро ты?! — влетела в комнату Юлька и тут же села от изумления, увидев подругу, вертящуюся перед зеркалом.— Нет, вы посмотрите только на нее! Весь класс уже около школы стоит, а она красоту наводит!

Подруга посмотрела на Юльку радостными глазами: «Эх, знала бы она, что сегодня самый счастливый в жизни день! Знала бы, что после музея у нее встреча, да с кем! С Витей — звездой школы, с которого девчонки глаз не сводят!»

Экскурсия шла долго и нудно. Полная, не очень приятного вида девушка с лицом дрессировщицы тигров пыталась перекричать ребят, рассказывая о полезных ископаемых.

Но вот Ленка уже и на шумной улице, за углом — метро. Боже, как долго идет время! Около «Ударника» она была на пять минут раньше назначенного Витей времени. Мимо сновали смеющиеся парочки. Девчонка совсем промокла под проливным дождем, прошла к кассе, но толкаться между прокуренных курток ей было, как говорят, «не в кайф». Вскоре вокруг опустело. У Ленки застучало в висках: «Зачем он обманул?» Через пять минут ее унес домой переполненный троллейбус. А еще через пять в фойе «Ударника» ворвался паренек. «Опоздал!» — подумал он и поплелся к остановке.

Галя Василенко, 8-й класс

От «Пионер»ского агентства «Факт»

Читатель, если хочешь, допиши эту ситуацию. И пришли в «Пионер».

Выпуск подготовил Андрей МУХАНОВ.

Фотография А. КРУПНИКОВОЙ.

СКАЗОЧНЫЙ ГЛОБУС

КОТ и ЛИСА

РУССКАЯ СКАЗКА

Рисунки Э. ДЕСЯТНИК.

Жил-был мужик. У этого мужика был кот, только такой баловник, просто беда! Надоел он до смерти. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и понес в лес. Принес и бросил его в лесу — пускай пропадает.

Кот ходил, ходил и набрел на избушку. Залез на чердак и полеживает себе. А захочет есть — пойдет в лес, птичек, мышей наловит, наестся досыта — и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот пошел кот гулять, а навстречу ему лиса. Увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, такого зверя не видывала!»

Поклонилась лиса коту и спрашивает:

— Скажи, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашел и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть и отвечает:

— Зовут меня Котофей Иванович, я из сибирских лесов прислан к вам воеводой.

— Ах, Котофей Иванович! — говорит лиса.— Не знала я про тебя, не ведала. Ну пойдем же ко мне в гости.

Кот пошел к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама все спрашивает:

— Котофей Иванович, женат ты или холост?

— Холост.

— И я лисица-девица. Возьми меня замуж!

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, а кот остался дома.

Бегала, бегала лиса и поймала утку. Несет домой, а навстречу ей волк:

ной норе:

— Медведь Михайло Иванович с волком Левоном Ивановичем прислали сказать, что они давно ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косой, сейчас будем.

Вот и пошли кот с лисою. Медведь увидел их и говорит волку:

— Какой же воевода-то Котофей Иванович маленький!

Кот сейчас же кинулся на быка, шерсть взъерошил, начал рвать мясо и зубами и когтями, а сам мурчит, будто сердится:

— Мяу, мяу!..

Медведь опять говорит волку:

— Невелик, да прожорлив! Нам четверым не съесть, а ему одному мало. Пожалуй, он и до нас доберется!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать. И начал волк потихоньку разгребать ветки. Кот услыхал, что ветки шевелятся, подумал, что это мышь, да как кинется — и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк перепугался, вскочил и давай наутек.

А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну,— думает медведь,— увидел меня!»

Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева объемь, все печенки отбил, вскочил — да наутек.

А лисица вслед кричит:

— Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут.

— Стой, лиса! Отдай утку!
— Нет, не отдам!
— Ну, я сам отниму.
— Я скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!
— А кто такой Котофей Иьанович?
— Разве не слыхал? К нам из сибирских лесов прислан воеводой Котофей Иванович! Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы жена.
— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. А как бы мне на него посмотреть?
— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не по нраву придется, сейчас съест! Ты приготовь барана да принеси ему на поклон: барана-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы кот тебя не увидел, а то, брат, тебе туго придется!

Волк побежал за бараном, а лиса — домой.

Идет лиса, и повстречался ей медведь:

— Стой, лиса, кому утку несешь? Отдай мне.

— Ступай-ка ты, медведь, подобру-поздорову, а то скажу Котофею Ивановичу!

— А кто такой Котофей Иванович?

— А который прислан к нам из сибирских лесов воеводою. Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы Котофея Ивановича жена.

— А нельзя посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У, Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не приглянется, сейчас съест. Ты ступай приготовь быка да принеси ему на поклон. Да смотри быка-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидел, а то тебе туго придется!

Медведь пошел за быком, а лиса домой.

Вот принес волк барана, ободрал шкуру и стоит раздумывает. Смотрит, и медведь идет с быком.

— Здравствуй, Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, Михайло Иванович, сам их поджидаю.

— А ты сходи-ка к ним, позови, — говорит медведь волку.

— Нет, не пойду, Михайло Иванович. Я неповоротлив, ты лучше иди.

— Нет, не пойду, брат Левон. Я мохнат, косолап, куда мне.

Вдруг — откуда ни возьмись — бежит заяц. Волк и медведь как закричат на него:

— Поди сюда, косой!

Заяц так и присел, уши поджал.

— Ты, заяц, поворотлив и на ногу скор: сбегай к лисе, скажи ей, что медведь Михайло Иванович с братом Левоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя с мужем, Котофеем Ивановичем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю прыть. А медведь и волк стали думать, где бы им спрятаться.

Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

А волк ему говорит:

— А я куда денусь? Ведь я на дерево не взберусь. Схорони меня куда-нибудь.

Медведь спрятал волка в кустах, завалил сухими ветками, а сам на сосну, на самую макушку, влез и поглядывает, не идет ли Котофей Иванович с лисой.

Заяц меж тем прибежал к лисицы-

У нас много бывает гостей. Даже самовар электрический завели, чтобы их чайком-пряником баловать. Вот и сегодня в редакции прозаик, поэт, актер и режиссер гостят. Ой, извините, гостит, а не гостят. Потому что все они в одном человеке счастливо соединились. Мы его сейчас представим: к нам пришел ... Владимир РЕЦЕПТЕР! Двадцать пять лет он играл в Ленинградском Большом драматическом театре (БДТ). Создал образы Гамлета и Чацкого, поставил «Розу и крест» Блока, «Тетрадь Юрия Живаго» по знаменитому роману Пастернака. Снимался в фильмах «Лебедев против Лебедева», «Мещане», «Первый курьер»... Написал шесть книг стихов и две книги прозы. Да что перечислять, не об этом у нас разговор шел. А беседовали мы о замечательных людях. Вот и рассказал нам Владимир Рецептер о своих встречах с великим Игорем Ильинским. Случайно они повстречались, но дальше дружба началась, и много пользы она принесла, как каждая настоящая дружба.

А может, встречи такие не случайны? Может, существует между выдающимися людьми взаимосвязь, которая позволяет им, даже не зная друг друга лично, вести между собой творческое общение, «подпитывать» друг друга творческой силой? И наверняка встречи таких людей на жизненных перекрестках не случайны. Как, впрочем, и наши встречи с ними.

Друзья, а вы что об этом думаете? Напишите нам.
И еще: мы хотели бы посвятить встречам с замечательными людьми целую рубрику. Как бы вы ее назвали? Ждем писем. На конверте пометьте: НЕСЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ.

Владимир РЕЦЕПТЕР

«ЗА ПРОШЛОГО ПОРОГ...»

Пошел дождь, и я вступил на заднюю площадку попутного троллейбуса. От Никитских ворот, не торопясь и приседая на рессорах, он отправился вверх по бульвару к Тверской и к Пушкину. Спины на площадке сдвинулись вперед, раздались, и я увидел Ильинского.

Он сидел лицом ко мне и против движения, в сильных очках, без шляпы, в легком светлом плаще, несколько старомодном, может быть, даже китайском, какие появились у нас с приливом дружбы великих кормчих. Волосы седенькие, промытые, послушно причесанные, щеки пухлые, руки казались мягкими, и сам он, всю мою жизнь легендарный, был так беззащитно доступен на заднем диванчике для двоих, так вписывался в общую жизнь все еще летней Москвы, что я смотрел на него как завороженный и остро ощущал, что другого случая заговорить может не представиться. «Ильинский, Ильинский»,— повторял я про себя и оглядывался. Никто вокруг то ли не узнавал его, то ли не обращал внимания...

Троллейбус спотыкался, великого артиста встряхивало на мягком сиденье, но он держался прямо, терпеливо дожидаясь своей остановки и храня на коленях какую-то мягкую сумку с небольшой поклажей. Через одну мне было выходить. Я шагнул ближе, пригнулся и стал торопливо выговаривать ему в очки, что с детства люблю его и его искусство, что видел его не только в кино, но и в театре, что он артист на все времена и я счастлив случаю сказать ему это, хотя бы вот так, на ходу, когда я и не готов, и готов к этой встрече... «Спасибо, спасибо,— как и я, стараясь не привлекать общего внимания, отвечал он и неожиданно спросил: — А кто вы?» У меня был выбор: сказать «просто зритель» и этим ограничиться или признаться, что принадлежу театральному ведомству. По наитию я сознался: «Моя фамилия такая-то, я работаю в БДТ, в Ленинграде...» «Я вас знаю,— перебил Ильинский,— я видел «Мещан» и потом — «Шахматная новелла». Как же...» И он сказал добрые слова, оживляясь и еле заметно пришепетывая, в своей неповторимой манере. «Спасибо, спасибо»,— бормотал я, испытывая щемящее чувство родства и страшась приближающегося расставания. «Игорь Владимирович, разрешите проводить вас, у меня с собой книга моих стихов, и я хотел бы подарить ее вам». «Я буду вам признателен»,— с оттенком старинной церемонной вежливости сказал он, и, пока троллейбус замедлял движение, я пытался передать ему свои впечатления от его игры...

Нечасто актер становится настоящим художником. Мы неоднократно обманываемся, принимая безликую привычку выговаривать чужие слова и демонстрировать разные костюмы за искусство перевоплощения. Настоящий артист обладает магическим даром извлекать из небытия, создавать или воплощать новый образ — многомерное и завершенное, отличное от него самого **другое существо**, вполне живое, живое настолько, что оно начинает распространять вокруг себя активные токи другой природы и другого времени. Именно таким художническим даром обладал Ильинский.

Вспомним хотя бы знаменитый фильм 30-х годов «Волга-Волга» (он нет-нет да и пройдет сейчас по телеэкранам) и приглядимся к его веселому населению. Все хороши и убедительно радостны, и все, кроме Ильинского, равнозначны себе самим; они представительствуют в комедийной неразберихе от имени счастливой советской действительности, бьющей ключом под руководством вождя народов. Бывалов Ильинского и точно вписывается в текст событий, и одновременно опровергает всю эту беззаботную кутерьму.

Тонкий, умный, отважный актер Ильинский и трусливый недоумок Бывалов — есть ли два существа полярнее? А между тем какая естественность поведения, какая высокая художественная простота! Приходит на ум, что Бывалов Ильинского, как точная рифма, подходит к тому поразительному типу искалеченного временем советского обывателя, которого с убийственной иронией и мудрым сочувствием открыл читателям Михаил Зощенко.

Впрочем, М. Зощенко вспомнился не случайно, ведь Игорь Владимирович Ильинский замечательно исполнял в концертах многие его рассказы («Аристократка», «Баня», «Искусство Мельпомены» и др.), а сам автор считал главной заслугой артиста то, что он открыл для себя самый тип, от лица которого ведется рассказ...

...Троллейбус пересек Тверскую и, прокатив еще остановку, причалил к тротуару. Ильинский шагнул за мной к задней двери, и, повинуясь инстинктивному толчку, я предложил ему руку. Он взял ее мягкой ладонью и крепко стиснул: нам предстоял общий выход. Шагнув на тротуар, я обернулся и сосредоточился на том, как он переходит на последнюю ступеньку троллейбуса и осторожно пробует ногой твердую землю. Едва он перенес на нее всю тяжесть тела, как я решил отнять руку, чтобы не смущать его чрезмерной помощью, но Ильинский еще крепче сжал мою ладонь, еще больше обязал ее быть опорой и лишь тогда оторвал вторую ступню от троллейбусной подножки, которая пришлась вровень и впритык к тротуару. Теперь мы стояли на земле, все еще держа друг друга за руку, и я впервые подумал о том, что и сквозь сильные очки он видит не вполне отчетливо. Наконец, он отпустил мою ладонь. Шел мелкий дождь. Я достал зонт и раскрыл его над непокрытой головой Ильинского. «Вы пообещали книгу», — напомнил он.

Нашарив сборник в висевшей у меня через плечо сумке, я одноруко и неуклюже силился извлечь из нее еще и перо. Ильинский сказал: «Давайте я подержу зонт...» Теперь он держал эту временную общую крышу над нашими головами, а я, лихорадочно складывая в уме надпись, прилаживался писать на весу. И тут почти вплотную к нам неожиданно остановился третий.

Это был веселый молодой мужчина, выпивший ровно столько, сколько ему было нужно, чтобы укрепить свой дух и восстановить полное право на равенство в общении с согражданами. «Вот вы артисты! — торжественно обратился он к нам.— Вы артисты, я вас узнал. Извините, конечно, но позвольте задать вам важный вопрос...» «Спрашивайте»,— недовольно отозвался Ильинский. Я заметил, что рука его под тяжестью зонта медленно опускалась вниз, почти накрывая наши головы черным вяло натянутым шелком. «Только честно: а вот лично вы выпиваете?» «Нет, лично мы не выпиваем»,— сурово отвечал Ильинский, заведомо и благородно причисляя и меня к трезвому братству. «А почему?» — не унимался наш современник. «А потому, что после пьянки голова болит и блевать охота. Противно!» Ответ был вызывающе полным, в него была вложена не только выношенная неприязнь к самому пьянству, но и ко всем его нравственным последствиям, включая уличную бесцеремонность. «Тогда извините... Я понял... Извините...» Наш непрошеный собеседник, видимо, был еще не окончательно потерян для общества и, получив свое, ретировался...

Я надписал книгу, вручил ее Игорю Владимировичу и довел под зонтом до угла. На прощание он продиктовал мне свой телефон, просил звонить в следующий приезд и отказался от помощи при переходе дороги. Я смотрел ему вслед, а он, мелко и не очень уверенно шагая, шел на зеленый свет, без шляпы и зонта, в чистом и легком плаще, навстречу своим, неизвестным мне трудностям...

Я познакомился с И. В. Ильинским в то время, когда он уже не был в такой безупречной физической форме, в какой мы все привыкли его видеть и которая составляла одну из сторон его многогранного дарования. И позже мне выпало общаться с ним в том возрасте, который он сам определил как «дальнейший и малоприятный» по отношению к «почтенному». Всю свою жизнь преданный спорту, завзятый конькобежец и теннисист, он стал с трудом ходить и плохо видеть, и эта перемена была для него не только физически, но и душевно тягостна. Но внутреннее зрение художника не притуплялось, а становилось пронзительней и сокровенней, и вел он себя мужественно и стойко. А главное, он работал жадно, упоенно, изо всех оставшихся сил. Он был героем актерского труда и оправдывал свое героическое звание в самом прямом смысле слова...

«Теннисом, лыжами, коньками, дыхательной гимнастикой я занимаюсь по сей день. Жить не могу без них. Мог бы я до пятидесяти лет играть без этих занятий Хлестакова? Думаю, что нет. Сохранил бы ту степень работоспособности, которой обладаю в семьдесят лет? Думаю, что нет. Была бы почти совсем побеждена бронхиальная астма? Думаю, что нет. Какое наслаждение играть на теннисной площадке, ритмично передвигаясь по ней, ощущая плавную или стремительную работу всех мускулов тела, дышащего и наслаждающегося воздухом и солнцем. Прохладный душ завершает это наслаждение!» — писал он несколько раньше...

И. В. Ильинский служил в театре (в молодости успевал порой совмещать три труппы), снимался в кино (уже в двадцатые годы снискал всенародную любовь, став героем «Процесса о трех миллионах», «Закройщика из Торжка», «Праздника Святого Йоргена», и др.), блистательно выступал на концертной эстраде с современными стихами, рассказами, баснями и классической прозой Гоголя, Толстого, Чехова... Он стал героем послевоенных фильмов — чемпионов экрана — «Карнавальной ночи» и «Гусарской баллады», освоил новое для себя искусство телевидения. Начав с «биомеханики» в революционном театре В. Э. Мейерхольда и на всю жизнь сохранив вкус к острой сценической форме, он пришел в итоге к глубокому реалистическому постижению образа в лучших традициях Малого театра. Замечательный мастер, он пришел к режиссуре, осуществил несколько оригинальных постановок («Ярмарка тщеславия» Теккерея, «Мадам Бовари» Флобера, «Ревизор» Гоголя, «Вишневый сад» Чехова) и этим снова обновил и обогатил свое актерское искусство.

Рано получив, кажется, полную меру славы, народного и государственного признания, Игорь Владимирович всю жизнь тем не менее терзался сомнениями, как всякий подлинный художник; отказывался от ролей, чтобы, испытав муку, превратить их в шедевры; уходил из театров и снова в них возвращался...

Обо всем этом и еще о многом другом можно прочесть в великолепной и честной его книге «Сам о себе», вышедшей тремя изданиями в «Искусстве».

Мне показалось, что незаживающей болью Ильинского была трагическая судьба гениального В. Э. Мейерхольда. Их отношения были непросты, крутые характеры сталкивались, и столкновения высекали то ярчайшие вспышки искусства, то чадные дымы взаимного недоверия. Ильинский трижды уходил от Мейерхольда, а накануне его гибели был снова готов к нему вернуться и, если бы не арест Всеволода Эмильевича, как знать, может быть, и судьба Ильинского сложилась бы по-иному. Но, как писал Б. Пастернак, «за прошлого порог не вносят произвола»...

Игорь Ильинский сподобился благосклонности Сталина, и тяжелая тень государственного признания легла на его светлый талант. «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»,— повторим мы за Грибоедовым; но человеческая и художественная природа артиста вынесла в итоге и это испытание...

В те времена, когда я изредка позволял себе роскошь бывать у И. В. Ильинского, возникли трудности с моей книгой в недрах издательства «Искусство». Взявшие временный верх малограмотные борцы за расовую чистоту нашего театра поставили под сомнение целесообразность ее выхода в свет. В качестве защитительной меры Ленинградское отделение издательства, оставшееся на моей стороне, предложило мне найти автора предисловия, желательно полного кавалера всех мыслимых титулов и наград. В первую голову приходило на ум, конечно, имя Г. А. Товстоногова, но предварительное чтение рукописи художественным руководителем театра, в котором я служу и о котором идет речь в книге, создавало для меня дополнительные цензурные препятствия. При всем уважении к Георгию Александровичу на страницах книги я более всего дорожил своей внутренней независимостью. Тут и возникла мысль попросить о предисловии И. В. Ильинского: народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и других премий — все, как положено. К тому же Малый театр, столица, другая жизнь — объективность оценки гарантирована. Страна играла кульминационные сцены махрового застоя, на сцене Малого театра шла (без участия Ильинского) инсценировка литературных «шедевров» Брежнева, и предложение редакции было вполне в духе времени и могло спасти книгу...

Рукопись мою читала Игорю Владимировичу вслух его жена, друг и верный соратник во всех начинаниях, замечательная актриса Татьяна Александровна Еремеева. Она же записывала под диктовку текст предисловия: зрение у Игоря Владимировича не улучшалось...

Моя книга задержалась и вышла в новое время, предисловие Ильинского, сыграв свою защитную роль, в нее не вошло. Но как он откликнулся, как сопереживал моим болям и радостям, как искал и находил совпадения и переклички в наших, таких разных актерских судьбах, как глубоко проник в замысел и ход книги...

Я храню эти несколько страниц, в которых слышатся живые интонации Игоря Владимировича, его сердечный отзыв, поддержавший меня в трудную минуту; среди моих «послужных» отличек эта дорогого стоит...

Следующим летом я записывал на Московском радио одну из своих пушкинских работ. Вслед за моей «сменой» начиналась «смена Ильинского». Я остался в студии, чтобы посмотреть и послушать...

Зрение Игорю Владимировичу все больше отказывало, и работа, по существу, подвижническая, шла в замедленном ритме. Замысел был прекрасен: записать целиком толстовское «Детство». Режиссер М. В. Попова несколько раз читала и обсуждала с Игорем Владимировичем очередной, удобный для запоминания фрагмент текста, и запись шла практически на память. Каждый отрывок на глазах оживал, заново пронизанный ясным внутренним светом и мудрой простотой артиста. И звукооператор, и редактор, и режиссер были вполне довольны и предлагали двигаться дальше, а Ильинский просил еще один дубль: «Ну, еще разочек... Чтобы точнее соединить с предыдущим...» Я тоже вслушивался, и мне казалось, что лучше нельзя, а он переспрашивал: «Да? Соединяется?.. Вы думаете, хорошо?..» Но переспрашивал он скорее себя самого, а не присутствующих. Это был удивительный урок мастерства и мужества. Я и сейчас слышу: «А, ты здесь! — сказала, поворачиваясь

Коллаж И. КЛИМОВА.

в своем кресле, бабушка.— Иди же, мой дружок, иди...»

Я видел, как Ильинский играл роль толстовского Акима в спектакле «Власть тьмы», поставленном Б. Равенских. Тихий старик на печи. Тихий-тихий, простой-простой, почти косноязычный; все время в поисках слов, он приговаривает «тае» или так мягко-мягко «значит». Вся роль полна этими «тае» и «значит», и каждый раз присловье звучит по-разному, никогда не выпирая из фразы. Аким на первый план вовсе не рвется, а все слушает, слушает, и нельзя оторвать от него взгляда, за ним прежде всего и следишь. Он сама совесть воплощенная. «Тьма» поглощает Никиту, сына Акима, «власть тьмы» — корысти, себялюбия, лжи — должна, кажется, заполнить всю сцену, но вот появляется Аким — Ильинский, и снова свет побеждает в пространстве. «А Бог-то, Бог!.. Ладишь, значит, как себе лучше, да про Бога, тае, и запомятуешь; думаешь лучше... на себя воротишь, глядь, ан накошлял на шею себе, значит...»

Тут мне вспомнилось, что толстовский Аким «не пьет вина», вовсе не пьет, полагая его за «скверность», и то, как Ильинский отвадил выпивоху в день нашего знакомства, оказалось вовсе не случайностью, а примером того, как прорастают друг в друга роль и актер, как победительно врывается в жизнь художника нравственный закон искусства. Недаром Ильинский писал, что именно эта роль помогла ему еще раз «прочувствовать великие и простые законы жизни человека»...

...На сцене Большого драматического шел гастрольный спектакль Малого театра «Возвращения на круги своя» по пьесе Иона Друцэ. Вслед за чтением толстовской прозы, вслед за Акимом вполне естественно и закономерно Ильинскому было играть самого Льва Николаевича Толстого. Роль его жены, Софьи Андреевны, исполняла в спектакле Татьяна Александровна Еремеева. Эпизод, случившийся во время представления, характерен для тех времен.

Итак, на сцене нашего театра мастера Малого во главе с Игорем Ильинским, зал переполнен, в правительственной ложе областной вождь Романов вместе с московским гостем из чиновных верхов по фамилии Тяжельников. В течение сцены, о которой идет речь, Толстой — Ильинский глубоко сопереживает горю русского мужика, потерявшего лошадь. Мудрец и заступник, Толстой подробно рассказывает о виденном: он проехал 15 верст, чтобы встретиться с этим мужиком и помочь ему. Дабы сцена развивалась и достигла нужного накала, драматург дает Толстому оппонентов. И Софья Андреевна, и сын, Лев Львович, говорят о том, что не стоило ездить так далеко. «Русский мужик — трус»,— говорит Лев Львович и продолжает развивать эту тему; Лев Николаевич отходит в глубину, чтобы через некоторое время вернуться и оспорить сына, со всею горечью накопленной боли. Но тут в течение спектакля врывается начальственный голос из правительственной ложи. Они ведь так привыкли всех поправлять и учить — писателей, художников, актеров. «Русский мужик не трус!» — громко и с пафосом подает реплику первый секретарь Ленинградского обкома. Вообразите, этот деятель дал себе право нарушить ход спектакля, в котором играет великий артист! Чуть позже всему залу станет ясно, что господа из начальственной ложи, отдавая драгоценное время «культурному досугу», по своему обыкновению, предварительно напились, но в непотребном виде они продолжали чувствовать себя «над» — над зрителем, над театром, над искусством...

Пауза. Оробевшие зрители не знают, как реагировать. Оробевшие артисты, не получив команды к окончанию, продолжают говорить свои слова. Татьяна Львовна (отцу): «Мне не хотелось бы с тобой спорить, но ведь многое зависит еще и от состояния общества, от его духа и умонастроения». И вдруг Толстой — Ильинский идет из глубины на авансцену и, не меняя ни слова в тексте пьесы, гневно бросает: «Это очень печальная истина еще и потому, что сегодня России, как никогда, нужна религия... Потому что без религии в России на сотни лет наступит царство денег...»

И Игорь Владимирович показывает рукой прямо на правительственную ложу и, продолжая держать указующий жест, яростно завершает: «...водки и разврата!..»

Что оставалось делать «патриотам» из ложи? Смолчать? Или уходить?.. Ни то, ни другое не спасало их от позора. Бескультурье и чиновная наглость должны были быть и были наказаны.

Так Ильинский выиграл эту дуэль, и на следующий день весь город из уст в уста передавал рассказ о поединке мужества и хамства. Разумеется, было дано указание ленинградским газетам: «ни слова об Ильинском»,— и, разумеется, оно было выполнено. А исполкомовская начальница велела не играть больше на гастролях этого спектакля и вообще в Ленинград его больше никогда не привозить. И это указание блюстители особой «ленинградской идейности» рьяно провели в жизнь. Но легенда-то осталась. Легенда о великом русском артисте и бездарном, наглом партийном чиновнике. А что может быть сильнее легенды?..

...Он вошел в комнату против света, на фоне окна стояла Татьяна Александровна, а я ждал его справа от двери, в которую он входил. «Здравствуйте, Володя!» — сказал он, протягивая руку жене. «Господи! Помоги ему, он почти не видит!» — без звука отозвался я...

Но он трудился. Он поставил «Вишневый сад» и гениально сыграл в нем Фирса. За кулисами ставили фонари, чтобы у Ильинского были световые ориентиры. Ветхий Фирс посиживал на сундуке и слушал и **видел** всех обитателей поместья.

ФИРС. Да... Я уйду спать, а без меня тут кто подаст, кто распорядится? Один на весь дом...

И правда, казалось, что только он, Фирс, только он, Ильинский, был озабочен **не собой**, а вишневым садом, судьбой дома, может быть, «дома Островского», Малого театра, русского театра вообще... В немощном теле шла напряженная непрерывная жизнь.

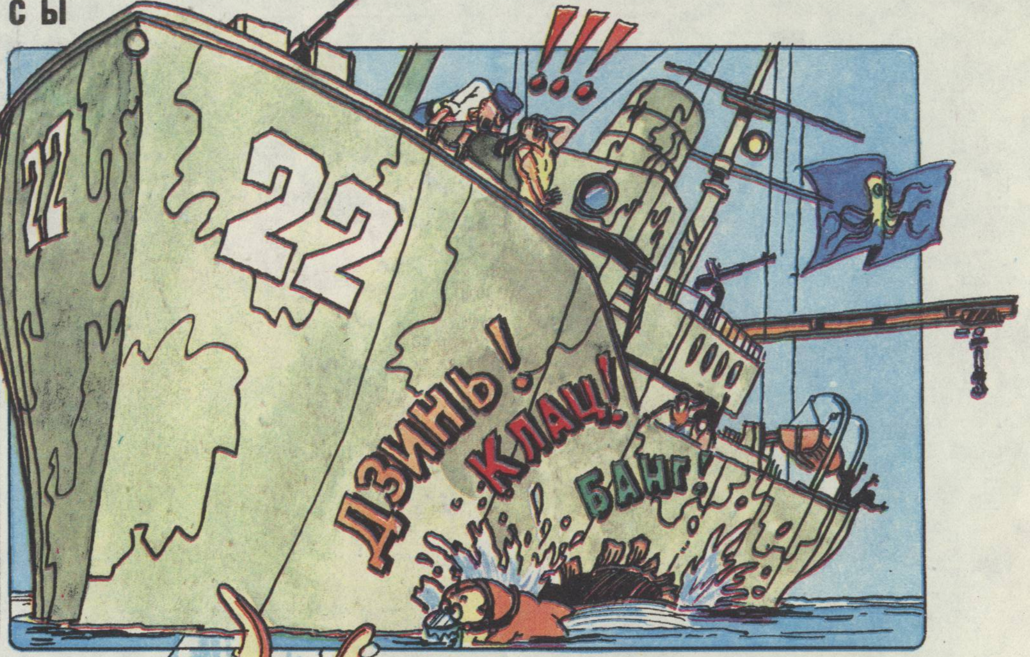
После спектакля я написал Игорю Владимировичу и Татьяне Александровне большое письмо, потому что выразить свои впечатления сразу за кулисами не смог. Явление искусства так нерасторжимо сплелось во мне с событиями жизни, что надо было повременить со словами. Как это он сказал: «Жизнь-то прошла, словно и не жил», — сердце защемило...

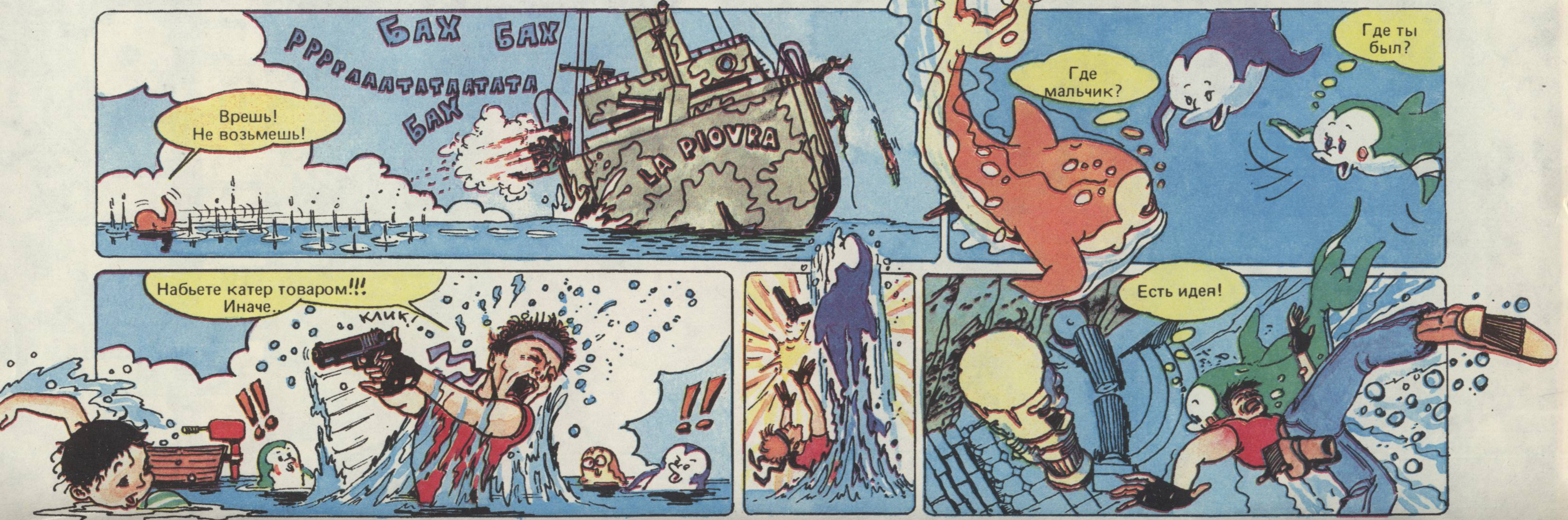
Эдуард УСПЕНСКИЙ

Город на дне озера

Рисунки П. СЕВЕРЦОВА.

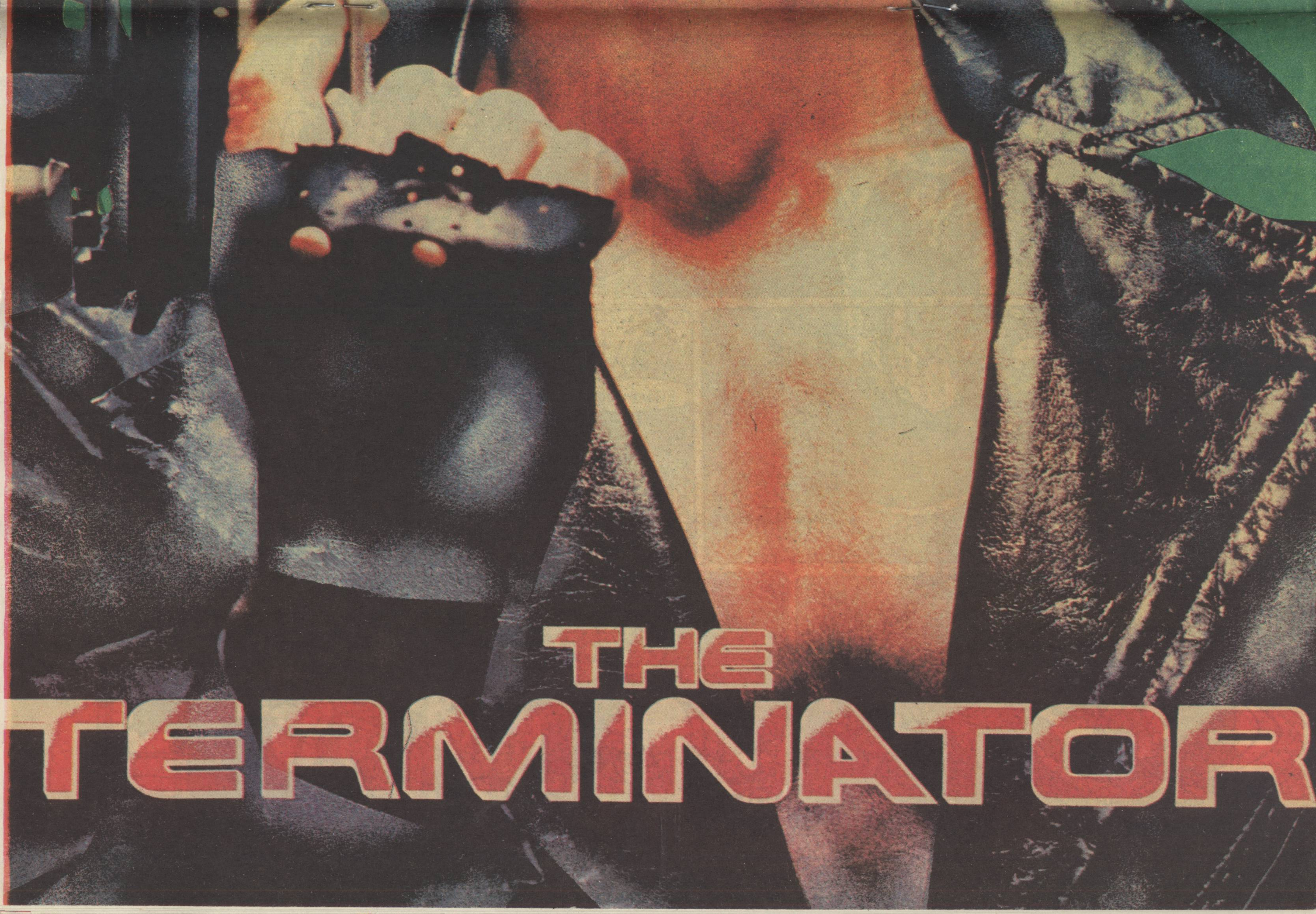
Микко тайком пробрался на корабль главаря наркомафии Красавчика Джимми и по рации вызвал на помощь дельфинов Тристана и Генри. Несмотря на происки полковника Еллоу, два друга-дельфина прибывают вовремя. Генри удаётся сбить Красавчика Джимми в воду и обменять его на пленённую бандитами дельфиниху Павлову. Поднявшись на борт своего судна, Джимми начинает преследование дельфинов, угрожая им оружием. Роковой выстрел, казалось, должен был уже прозвучать, когда на выручку к дельфинам пришёл Микко, всё ещё остававшийся на борту вражеского судна. Красавчик Джимми и юнга Микко упали в море.

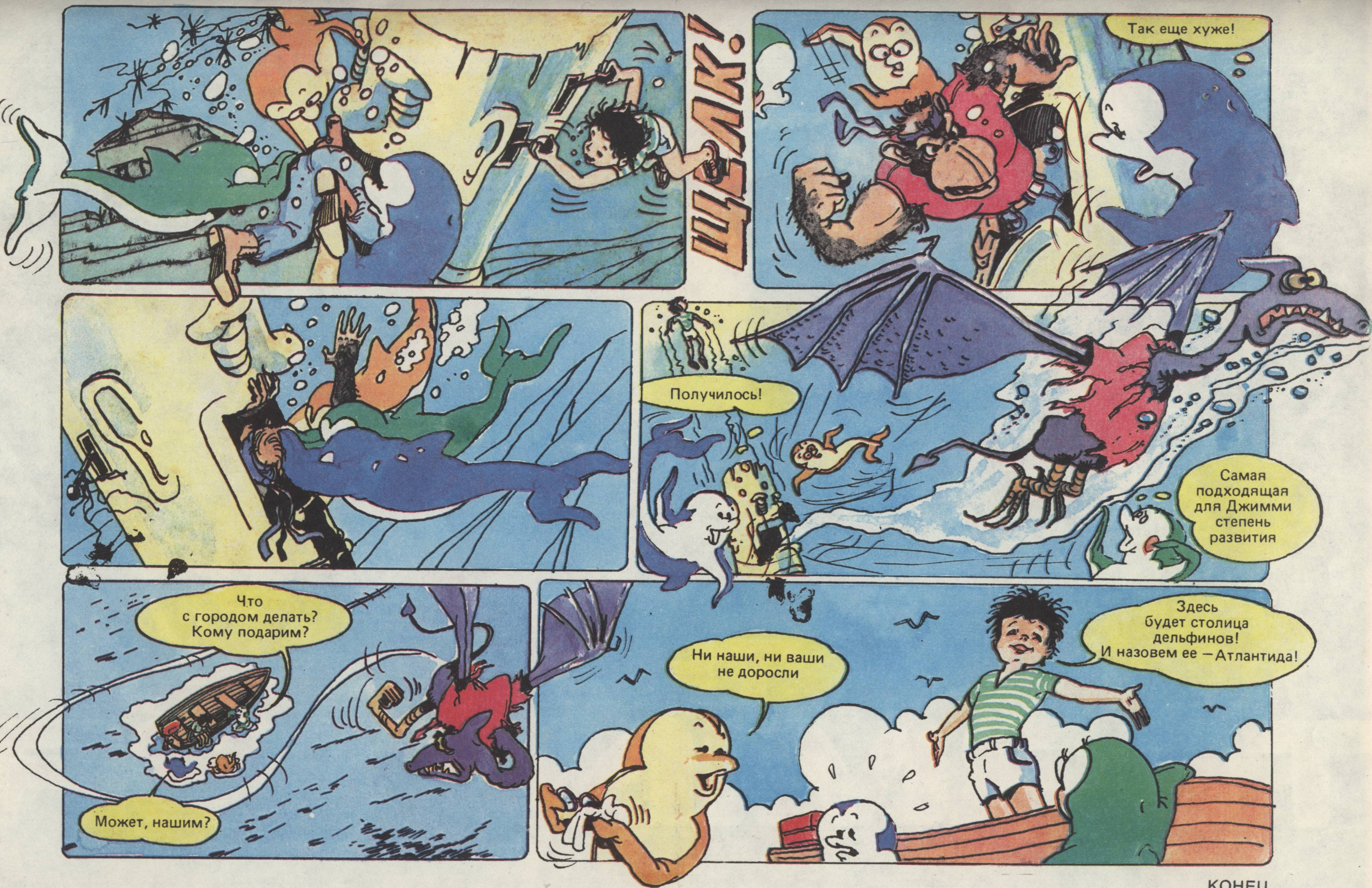

АРНОЛЬД ШВАРЦЕНЕГГЕР

THE
TERMINATOR

ЩЕЛК!
Так еще хуже!
Получилось!
Самая подходящая для Джимми степень развития
Что с городом делать? Кому подарим?
Может, нашим?
Ни наши, ни ваши не доросли
Здесь будет столица дельфинов! И назовем ее — Атлантида!

КОНЕЦ.

АЗБУКА ВЯЗАНИЯ

начала вы научитесь вязать на спицах. Спицы бывают разные: пластмассовые, деревянные, алюминиевые. Удобно вязать стальными никелированными спицами. Они хотя и тяжеловаты, но не пачкают пряжу, как алюминиевые, и не ломаются так быстро, как пластмассовые. Но лучше всего работать металлическими спицами на капроновом тросике. На них можно вывязывать широкие детали, с ними удобно прикладывать вязание к выкройке, наконец, они легкие. А хранить их нужно со свернутым вкруг тросиком, чтобы он не ломался и не перетирался. У каждой спицы свой номер. Он обозначает ее диаметр в миллиметрах. Например, спица № 3 имеет 3 мм в диаметре. Номер спиц всегда подбирается соответственно толщине нити: спица должна быть в два раза толще, чем нить. Пряжа тоже не бывает одинаковой, о ее особенностях мы еще поговорим. Учиться вязать проще всего шерстяными нитями. Пряжа эта мягкая, пушистая, легко скользит по спицам. Итак, возьмите немного шерстяной пряжи, для начала хватит 50 г, спицы № 2,5 или 3 и учитесь делать

Набор петель начального ряда. Чтобы последующие ряды были свободными, начальный ряд набирают сложенными вместе спицами. Нить от клубка возьмите в левую руку. (1. Здесь и дальше это номера рисунков.) Длина свисающего конца должна быть вдвое больше ширины полотна, для которого набирают петли. Обведите нить вокруг большого и указательного пальцев левой руки (2), обе нити зажмите в ладони. Две спицы, сложенные вместе, введите под нить с внутренней стороны большого пальца (3), повернув спицу вправо, захватите нить с указательного пальца (4) и протяните в петлю на большом пальце. После этого сбросьте петлю с большого пальца, тут же подведите его под нить и, раздвигая пальцы в стороны, туго затяните петлю на спицах (5). Это 1-я петля. Теперь, не сбрасывая нитей с пальцев, отведите влево большой палец левой руки. От этого на нем получится петля (6). Со стороны ладони введите спицы в эту петлю снизу вверх (под переднюю нить), захватите нить с указательного пальца и протяните ее в петлю. Затем повторите те же движения, что и при образовании 1-й петли,— на спицах получилась вторая петля. Следующие петли выполняйте так же, как 2-ю. Чтобы нижняя цепочка (основание петель) не перекручивалась вокруг спиц, указательным пальцем правой руки придерживайте каждую новую петлю.

Задание: наберите на спицы 32 петли.

Повторите набор петель несколько раз.

Лицевые петли.

Вывязывание лицевой петли за переднюю стенку. Набрав 32 петли, вытяните одну из спиц. Возьмите в левую руку спицу с набранными петлями (левая спица), в правую — рабочую спицу (правая). Нить, идущая от клубка, должна лежать на указательном пальце левой руки, зажиматься между указательным и средним пальцами и далее между безымянным и мизинцем.

Прежде чем связать 1-ю лицевую петлю, нужно снять, не провязывая, крайнюю петлю — кромочную. Для этого введите в нее рабочую спицу справа налево (7) и переведите на нее петлю. Нить при этом лежит на левом указательном пальце. И дальше в начале каждого ряда крайнюю петлю снимайте, не провязывая. Последнюю петлю пока вяжите лицевой. Эти петли образуют кромку с краев полотна и называются **кромочными.** В построении узоров кромочные петли не участвуют, поэтому и не входят в счет петель, из которых строится узор. Например, если указывается, что нужно набрать 32 петли, то из них только 30 образуют узор, а две являются кромочными. Поэтому принято считать 1-й петлей ту, которая находится рядом с кромочной.

После того как кромочная петля снята, введите правую спицу в следующую петлю слева направо (8) и, захватив рабочую нить с указательного пальца, протяните ее в петлю, переведите новую петлю с левой спицы на правую. Точно так же провяжите все остальные петли начального ряда. Образовался 1-й ряд.

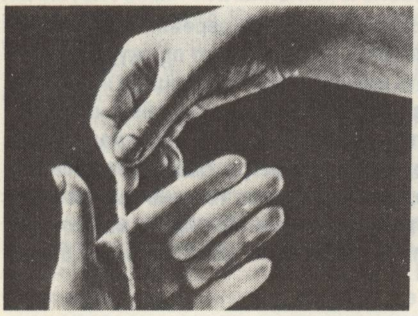
Чтобы связать 2-й ряд, свободную спицу возьмите в правую руку, а работу поверните противоположной стороной к себе и расположите в левой руке. Как и прежде, кромочную петлю снимите, не провязывая, а остальные петли вяжите лицевыми за передние стенки.

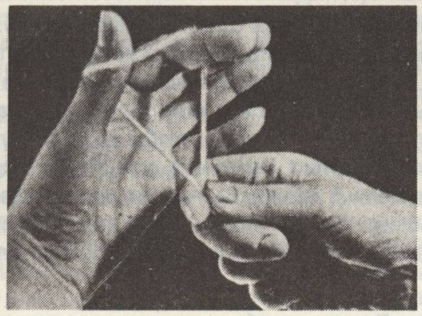
Все последующие ряды начинайте и вяжите так же, как и 2-й. Не огорчайтесь, если не все сразу у вас получится. Потренируйтесь, провяжите полотно высотой 10 см и приступайте к **закреплению петель.**

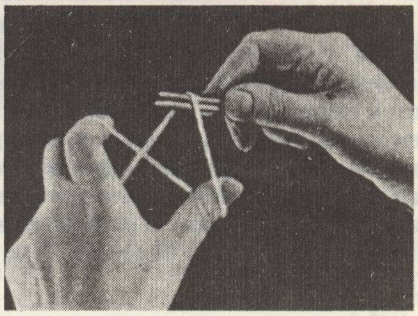
Кромочную петлю снимите, а следующую провяжите лицевой. На правой спице стало две петли. Конец левой спицы введите слева направо в кромочную, оттяните ее на себя и правой спицей втяните в нее провязанную петлю. Теперь на правой спице вместо двух петель осталась одна. Следующую петлю снова провяжите лицевой. На правой спице у вас опять стало две петли. Концом левой спицы оттяните 1-ю петлю на себя и втяните в нее 2-ю. Продолжайте закрепление петель до тех пор, пока на правой спице не останется одна петля. Вытяните ее вверх на 7—8 см, образовавшуюся дугу разрежьте и туго затяните конец.

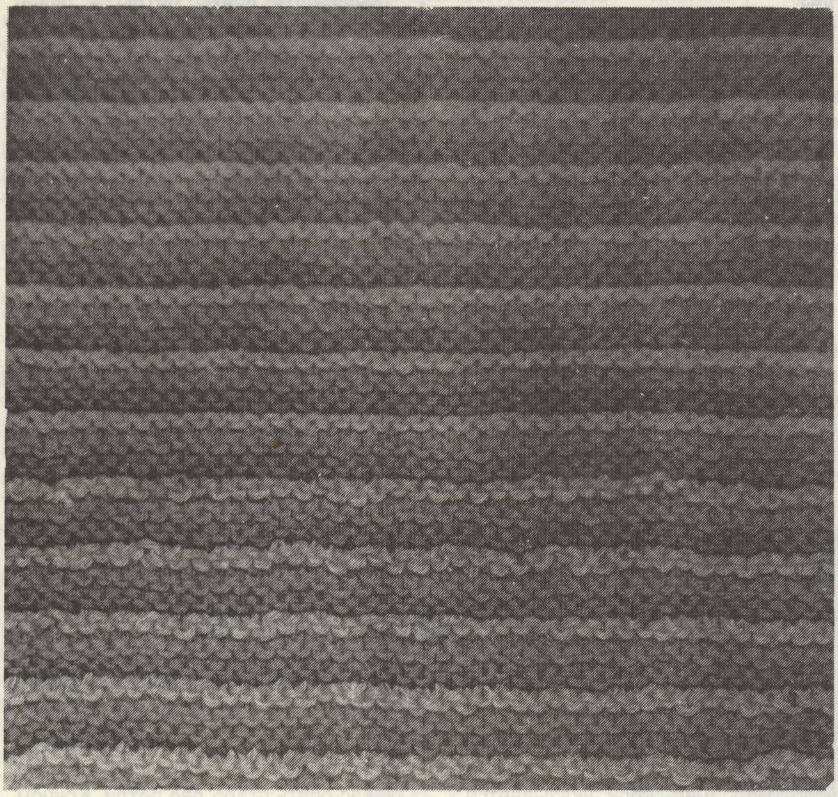
А теперь попробуйте связать **ухватку.** Использовать для этого можно

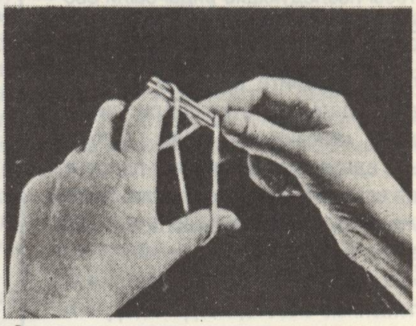
не только однотонную пряжу, но и остатки разноцветной. Наберите на спицы 46 петель и провяжите полотно лицевыми петлями за передние стенки, меняя цвет нити через каждые два ряда, не обрывая нить. Начиная работать нитью другого цвета, провязывайте ею кромочную лицевой петлей. Это как раз тот редкий случай, когда кромочную петлю не снимают, а провязывают. Вывязывая полотно однотонной нитью, вы вряд ли обращали внимание на то, как повернуть его после окончания ряда, чтобы начать новый. Чаще всего вязание поворачивают вокруг своей оси по часовой стрелке. А если в это время в работе не 1 нить, а 2—3, например, как сейчас? Тогда нити постепенно путаются, скручиваются между собой, и вязать становится трудно. Чтобы этого не случилось, вязание поворачивайте поочередно то в одну сторону, то в другую.

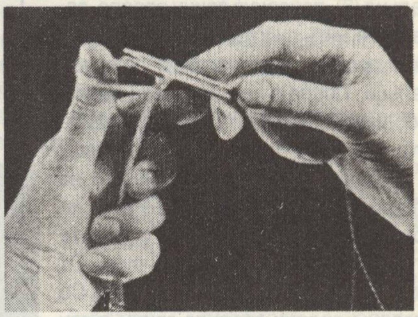

1

2

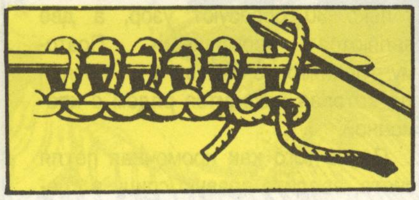

3

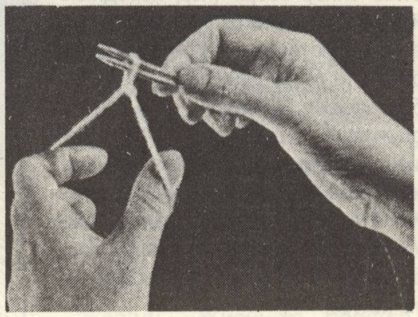

4

5

8

7

6

Повесть началась с того, что бабушка главного героя, Гоши Нечушкина, решила отдать его в интернат. Дело в том, что мама Гоши, оставив его на руках бабушки, уехала неизвестно куда, а сама бабушка не могла ухаживать за ним да и не очень хотела, потому что любила пить водку, а внук ей мешал. В интернате Гоша познакомился со многими мальчишками и девчонками. Много непривычного встретил Гоша в интернате после жизни дома, но отчаиваться и давать себя в обиду не стал. Между ним и интернатским заводилой Вовкой Климовым стал зреть конфликт.

Людмила МАТВЕЕВА

ПРОГУЛЬЩИК

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 2.

Рисунки А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

Никто не хочет спать

В спальне мальчиков восемь кроватей. Гошина у самой двери. Пока Климова не усыновят, другого места не будет. Но Гоша не расстраивается. Новенькие всегда должны спать у двери.

Перед сном Галина Александровна командовала негромко:

— Лида, не забудь почистить зубы. Денис, вымой ноги. Опять забыл? Вова Климов, выстирай рубашку. Гоша Нечушкин, вот тебе зубная щетка.

Вот он и есть Вова Климов. Повернул к воспитательнице оттопыренное ухо, еще и ладонь к нему приставил:

— Что? Что? Не слышу!

Ее не разозлишь. Негромко повторила:

— Рубашку постирай, пятно на животе.

— Да ну еще. Меня вот-вот возьмут отсюда, будет у меня другая рубашка, сто рубашек. Совсем уж скоро отец заберет.— Вова победно оглядел всех. Они-то останутся, а его-то возьмут.— Не хочется мне стирать, так дохожу.

Эх, счастливый ты, Климов! Ты уже почти не здесь. И блаженно щуришь свои нахальные глаза. Они видят дом. Лампу над столом. Или бананы на кухне. Или сто рубашек в шкафу. Свой дом уже почти принял Вову Климова.

А Галина Александровна почему-то видит другое — пятно на животе Климова. Он испачкал рубаху, когда лез через забор,— обычное дело.

— Пожалуйста, будь добр, Вова, все-таки выстирай. Я прошу.

Когда на Климова кричат, он не слушается. Но она просит, эта новая воспитательница. И Климов вздохнул, стянул рубаху, вразвалочку пошел в умывалку.

— А я тоже постираю рубаху,— подвернулся откуда-то Слава Хватов,— и джинсы постираю.

Что за радость мальчишке стирать? Гоша удивлялся. Но этот секрет легко разгадывается: никто не любит ложиться спать. И все долго плещутся в умывалке. Климов деловито намыливает рубаху, большой кусок мыла норовит выскользнуть из рук, но Вова крепко вцепился. Уши торчат в стороны, зубы торчат вперед. И глаза смотрят жестко, непримиримо. Гоша сразу почувствовал: с Климовым держи ухо востро, не зевай, когда Климов близко. «Хорошо, что этого Климова скоро заберут,» — так подумал Гоша. И все-таки зазевался. А Климов тут же ловко облил его ледяной водой. Одна секунда: подставил палец вплотную к крану, очень точно направил струю Вова Климов. И сразу Гоша стал мокрым до нитки. А все вокруг сухие.

— Новенький! — хохочет Климов.— Неси тряпку, вытирай лужу! С тебя натекло!

Гоша не такой человек.

— Еще чего? — Надо сразу не поддаваться. Климов норовит его победить. Сядет на шею, не сбросишь. Гоша раздельно, твердо сказал:

— Кто налил, тот и вытрет.

Он отвернулся к своему умывальнику. Сделал вид, что мокрая одежда ему не мешает. Хотя рубаха прилипла к спине, а штанины к ногам. Не доставит он удовольствия этому лопоухому Климову. Гоша стал энергично чистить зубы. А Климов ничего не сказал, только прострелил новенького взглядом. Война? Ну что ж, значит, война.

В соседней умывалке визжали девчонки.

— Ира! Отдай мое мыло! Ну отдай же! Ой, укатилось!

— Смотрите, девочки, Лида Федорова опять голову моет!

— А я люблю голову мыть.— Лида отвечает миролюбиво.

— Она своими волосами хвалится,— беспощадно припечатывает Ира Косточкова.— А нечего выставляться — обычная рыжая.

Гоша нарочно долго умывается, чтобы не объясняться больше с Климовым. Но Климов подошел вплотную:

— Не вытрешь, значит, пол? — И слегка напер грудью. Все прислушивались, никто не вмешивался.

Гоша упрямо покачал головой. Нет, он не будет подчиняться Климову. Старался смотреть смело в глаза, недобрые, хмурые. Эх, нет рядом Стасика! Остались бы от этого Климова рожки да ножки.

— Ну что же. Не вытрешь, не надо. Значит, займется этим Китаев. Ты не против, Китаев?

— А чего? Трудно, что ли? — Улыбка у Алеши Китаева, впрочем, была жалкая. Совсем не такая, как днем, когда он разговаривал с Галиной Александровной.— Разве трудно?

Глаза Климова блеснули в сторону Гоши.

— Видишь? Совсем нетрудно.

Китаев вытирал лужу, наступив на тряпку ногой. Хоть не наклонился перед Климовым, и то хорошо...

В спальне Гоша развесил мокрые вещи на стуле. Если брюки разложить вот так, они высохнут к утру. Хотя это было не так уж важно: утром ему, наверное, выдадут новую школьную форму. Свою он даже не привез: мала стала, штаны коротки, куртка жмет под мышками.

Главное сейчас показать Климову, что Гоша его не боится. Пусть видит, что мокрая одежда Гошу даже веселит. Он улыбнулся, склонил голову набок, поглядел на свои вещички. Вот как ловко — были они сырые, а станут сухие. Он не глядел в сторону Климова, но все время видел его. Ишь ты, Климов, уши врозь, усыновленный сын своего папы. Посмотрим еще.

Повозился каждый, пошумел. Наконец, улеглись. Галина Александровна зашла, выключила свет.

— Спокойной ночи, мальчики.

И в соседней спальне:

— Спокойной ночи, девочки.

Черная простыня летит над городом

Как только за Галиной Александровной закрылась дверь, Климов вскочил, он стоял на коленях на своей кровати, и на фоне окна выделялась его голова с торчащими ушами.

— Новенький! Рассказывай!

— Что рассказывать? — Гоша тоже привстал. Требовательный, но довольно мирный тон Климова сбивал с толку. Как будто Гоша что-то Климову обещал, а теперь не выполняет.

— Ну, рассказывай, новенький. Что же ты?

Наконец, до Гоши дошло: надо рассказывать какую-нибудь историю. Лучше всего — страшную. В лагере их тоже рассказывали перед сном — про гробы, про скелеты. Гоша знает несколько таких историй, в лагере их называли страшилками. Рассказать? Рассказчику страшилок почему-то многое прощается. Гоша хорошо помнит то время, когда в лагере был Фимка. Он сильно заикался, этот Фимка. Но никто его не дразнил, не дергал, его терпеливо слушали в темной спальне. Никто лучше Фимки не мог рассказать про разрытую могилу, или про черный скелет, про мертвую руку, удушившую подземного принца. Нет, кажется, не подземного принца, а его прекрасную невесту.

Рассказать в свой первый интернатский вечер про

$2x \times (x-3) = 42$

подземного принца? Нет, сегодня Гоша не станет рассказывать. Не хочет он подлаживаться к Вове Климову.

— Очень надо,— безразличным тоном сказал Гоша.— Маленькие, что ли?

И ткнул кулаком в подушку. Пусть все поймут: он вовсе не стремится им понравиться. Он будет сейчас сладко спать на своей хорошо взбитой подушке.

— Ладно, Вова, с новеньким все ясно,— подал голос из угла квадратный Денис Крысятников.— Давай, Хватов, про черную простыню, мою самую любимую.

Слава Хватов сел на кровати, как пенек. Обхватил крепко коленки, завернулся потуже в одеяло и начал замогильным голосом:

— Мать пошла в магазин и сказала своим детям: «Сынок, радио не включай. А ты, дочка, не играй на пианино!» Она ушла в магазин, а они не послушались свою маму.

Тягучий голос Славы Хватова в темноте казался особенно привязчивым, его невозможно было не слушать, он как будто завораживал. И было жутко, хотя пока ничего страшного в рассказе не произошло. Гоша впервые слышал эту страшилку про пианино и про радио. В окно чуть светил фонарь со двора, он покачивался на ветру. От этого прыгающего света было не по себе. Все теперь сидели на кроватях, свесив ноги. Только один Гоша упрямо лежал и продолжал притворяться, что ему неинтересно. Его, впрочем, никто не замечал, о нем забыли. А он, конечно, слушал страшилку. И было ему, как и всем, страшно и отчего-то сладко.

А Слава Хватов надолго замолчал. Для полного ужаса нужна была пауза.

— Ну? Ну? Хватов! — не вытерпел самый маленький — Женька Палшков.

Климов тоже подгонял:

— Не тяни, Хватов, давай дальше!

— Не мешай, Климов. Помалкивай.— Слава Хватов цыкнул нормальным, вовсе не замогильным голосом. Он сейчас был главнее всех, главнее Климова. И каждому это было понятно. Слава еще немного помолчал, помучил всех. Нетерпение достигло высшего предела. Потом зазвучал тягучий голос:

— Дети не послушались. Включили радио и стали играть на пианино.

Гоша и сам не заметил, как сел и вытянул шею в направлении Славиной кровати. Так тихо было в спальне. Прошелестели по коридору мягкие тапки — это ночная дежурная Валентина Петровна ходит мимо спален, прислушивается к тишине. Спокойно ли спят дети? Вот она задержала шаги у двери, постояла немного и пошла дальше. В спальне девочек хихикали, Валентина Петровна открыла там дверь и стала наводить порядок.

— Мальчики ведут себя гораздо лучше вас! Стыдно!

Хватов продолжал тягуче:

— Они включили радио и стали играть на пианино.

У Гоши по спине бежали мурашки. От одного голоса. Теперь они бежали и по локтям, и по ногам. Нет, в лагере никто так не рассказывал. Далеко было Фимке до Хватова. И так заунывно говорить Фимка не умел.

— Все было кончено,— выл Хватов.— Что теперь станет с этими несчастными детьми?

Никто не дышал.

Славкин голос стал тихим-тихим. Если бы он даже шептал, его все равно бы все слышали. Напряжение было таким, что, казалось, электрический ток проходит по кроватям.

— И вдруг в это самое время по радио передают: «Девочка и мальчик! Девочка и мальчик! Немедленно выключите радио! Перестаньте играть на пианино!» — Здесь Слава опять сделал долгую паузу. Гоша со страха закрыл ладонями лицо. Сейчас произойдет что-то ужасное. В накаленном безмолвии Слава Хватов вдруг резко и пронзительно крикнул: «Черная простыня летит по городу!!!»

Даже не так, а каждое слово он выкрикнул отдельно: «Черная! Простыня! Летит! Над городом!»

Этот выкрик был так ужасен! Медленное бормотание, совсем тихое, и вдруг, как с обрыва, крик.

Гоша затрясся и зажал ладонью рот, чтобы не заорать.

Никому в голову не приходило, почему простыня? Почему черная? Почему она летит? Все было непонятно. Тайна и ужас. Кто-то завопил: «Ой, мама!» Вова Климов пополз под кроватями, срывая с мальчишек одеяла. Неужели Климов не боялся? Конечно, боялся. Но кто-то от страха пищит. Кто-то молчит, сжимает зубы. А вот Климов от страха хочет всех еще больше напугать.

Все пришли в большое волнение. Стали прыгать по кроватям. Денис Крысятников кричал:

— Женя! Палшков! У тебя в ногах кто-то шевелится!

Женя, самый маленький, заверещал совсем уж диким голосом.

Тут вбежала Валентина Петровна. Она резко включила свет, гневом пылало ее лицо.

— Совесть есть? Туалет мыть захотели?

Все до одного мирно лежали на своих местах, положив руки под щеку. Только Гоша Нечушкин сидел на кровати и тупо глядел на ночную дежурную.

Вот тут Вова Климов и сказал сонным голосом:

— Это все новенький. Орет чего-то. Ни с того ни с сего завопил. Всех разбудил. Припадочный, что ли.

От такой подлости Гоша растерял все слова. Только ртом хлопал и ничего не говорил. А Валентина Петровна оглядела спальню сердито.

— Если услышу хоть звук — разговор будет особый. Всех вас касается. И ты, новенький, держи себя в руках. Мало ли что нервы. Здесь все нервные.

— А я не кричал, это вранье.— Не будет он молчать.

— Не отвечай лучше,— оборвала его ночная,— никому не интересно.

Она стояла у самой Гошиной кровати, от нее пахло почему-то лекарством. Выключила свет, прикрыла за собой дверь.

Гоша видел тоненькую полосочку света, которая пробивалась под дверью. Потом и она погасла. Тихо на всем этаже, во всем интернате.

Мальчишки в спальне ровно дышали. «Черная простыня летит над городом...» Побесились и уснули. Чего им?

Завтра Гоша должен отлупить Климова. И никакого другого выхода у Гоши нет. Отлупить за подлость, чтобы знал: ябедничать да еще наговаривать на Гошу нельзя — получишь. Отлупит завтра же. Не такой уж и здоровый этот Климов. Привык, что все ему подчиняются. А вот Гоша не подчинится. Он покажет Климову, что не на такого нарвался. Завтра.

Гоша завернулся покрепче в одеяло и заснул.

Он забыл, что такие дела нельзя откладывать. Лупить надо сразу. Если отложил, значит, испугался. А если испугался, все это поняли. Любой дурак почему-то чувствует, кто боится, а кто нет. И сейчас Климов не спал, он ждал, как поступит новенький. Подождал, подождал, усмехнулся в темноте и спокойно уснул.

Ангелина Ивановна

Гоша так и не отплатил Климову. Назавтра нашлась какая-то причина. Послезавтра их водили в музей. А потом, через неделю, было бы странно вдруг ни с того ни с сего налететь на Вову. Проехали. Гоша

в глубине души понимал, что все это отговорки, что все прогульщики на свете очень хорошо умеют находить причины прогулов. Не настоял на своем — не хотелось связываться. Не сказал то, что думал,— зачем быть мелочным. Не поставил наглеца на место — а, наплевать на него, я выше этого. Не защитил слабого — а почему обязательно я? Эх прогульщики, прогульщики! Если бы вы пропускали только контрольные по математике. А то вы любую трудность норовите прогулять и находите уважительные причины...

Гоша сам не заметил, как начал потихоньку, помаленьку привыкать к интернату. Он быстро во всем разобрался.

Вот начинается новый день. Классная руководительница Ангелина Ивановна открыла дверь спальни и резко сказала:

— Подъем! Быстрее, быстрее! Что, Крысятников, никак не проснешься? А ты, Китаев, опять медленнее всех постель убираешь? Не надо было вчера до поздней ночи подушками кидаться.

— А мы и не кидались! — Они, правда, вчера не кидались. Женя Палшков честно смотрит на Ангелину Ивановну.— Зачем же зря говорить?

— Ну, не кидались, значит, страшные истории рассказывали. Что же, я вас не знаю? Двадцать лет в интернате. Чем рассказывать эти идиотские истории, лучше бы засыпали вовремя. И теперь бы не тянулись, как неживые. Надоело. Пять минут вам на все! И мы уходим на завтрак! Шевелись, Китаев! А ты, Климов, пока еще с нами, будь добр, живи по нашему режиму. Сделай нам такое одолжение!

Гоша первым вбежал в умывалку. Конечно, у окна спать почетнее, чем у двери. Зато тот, кто у двери, первый в умывалке. Следом вбежал Слава Хватов. Гоша придавил струю ледяной воды большим пальцем — полетели брызги в Славу. Он в одних трусах, обожгла его холодная вода. И от смеха трудно удержаться.

— Ты что, Гошка? Вообще?

Тут влетели в умывалку Климов и Денис Крысятников. За ними маленький Женя Палшков, а последним, как всегда, Алеша Китаев.

Климов сразу разобрался в обстановке:

— Ты что, Нечушкин, наших парней обижаешь? — И пошел на Гошу: грудь вперед, голова опущена. Танк. Разъяренный бык.

— Интересно получается. Девочки все давно одеты, а вам требуется особое приглашение. Хватов вообще в трусах да еще весь мокрый. Хоть кол на голове теши, честное слово. Как я от вас устала.

Ангелина Ивановна пришла вовремя. Так решил Гоша. Климов думал, правда, иначе.

— Ты, новенький, ошибся. Но я исправлю твою ошибку.

И очень нехорошо улыбнулся.

— Да я ничего,— встрял Слава Хватов,— да он ничего. Вода и вода.

— Помалкивай. Ты тут ни при чем. С ним надо разобраться.— Климов кивнул на Гошу.

Гоша отвернулся. Главный разговор между ними был еще впереди.

Ангелина Ивановна не стала вникать в эти слова. У нее полно других забот.

— Климов! Шею! Палшков! Уши! А ты, Нечушкин, руки до локтя с мылом! Тоже привычка — мыть одни пальцы.

— Я не пальцы,— пытается сопротивляться Гоша.

— Не спорь, Нечушкин, не утомляй меня с утра. Еще выясним, решил ли ты примеры.

Гоша примолк.

Почему-то Ангелина Ивановна не любит Гошу Нечушкина. Если строго разобраться, она права: Гоша плохо решает примеры. А математички всегда таких не любят. Они любят тех, кто хорошо решает примеры и задачи. Это закон. Гоша вздыхает. В той школе математичка без конца записывала ему в дневник одно и то же: «Не работал на уроке математики!» Этот восклицательный знак должен был заставить Нечушкина работать. И еще он, этот восклицательный знак, должен был встревожить Гошину бабушку. На это, наверное, надеялась учительница в той школе. Но бабушка почти никогда не заглядывала в Гошин дневник. Зачем ей в него заглядывать, бабушке-то?

Ангелина Ивановна не надеется ни на каких бабушек и мам. Она должна сама держать всех в руках. И она держит.

Вот Ангелина Ивановна прищурила глаза, сурово отчеканила:

— Федорова! Подбери лохмы! Носи бант или заколку, сколько раз говорить?

«Лохмы» — это про Лидины золотые волосы.

Гоша удивляется: Лиду тоже не любит учительница, хотя Лида Федорова лучше всех в классе соображает в математике.

Может быть, Ангелина Ивановна вообще не любит всех подряд?

Во время завтрака Ангелина Ивановна подходит к Алеше Китаеву:

— Опять ты медленнее всех ешь? Оставь капусту, отправляйся в класс. Я тебе говорю, Китаев.

Алеша заныл:

— Я не наелся, я доесть хочу. Я быстро.

Разве правильно отгонять человека от стола? Имеет он право на свою законную тушеную капусту?

— Я голодный,— настаивал Алеша. Впрочем, делал он это довольно весело.

— Голодные, Китаев, едят быстро. Они над тарелкой не задумываются, голодные.

— Ангелина Ивановна,— вдруг сказал Гоша,— но Китаев вообще медленный. Он же не нарочно.

Захотелось защитить недотепу из шкафа, Алешку Китаева. И тут же получил от Ангелины Ивановны:

— Опять ты, Нечушкин? Неужели я без тебя не знаю, кто тут у нас медленный, а кто быстрый? Слишком быстрых нам тоже не надо.

Она все-таки выставила Алешу Китаева из столовой. Он понуро побрел в класс. Согнулся в три погибели, напустил на себя большую печаль. Смотрите все, какой я несчастный.

Конечно, полтарелки солянки не заслуживают такой скорби. Но Алеша хочет довести Ангелину Ивановну, и цель, кажется, достигнута. Она взвивается:

— Не сутулься ты, Китаев! Прекрати мученика изображать! Как же вы мне надоели!

Алеша выпрямился и весело побежал в класс.

Урок математики. Кого Ангелина Ивановна вызовет первым? Гоша притаился — хорошо бы не его.

— Нечушкин! — До чего у нее беспощадный голос.— Ты решил?

— Я решал, решал.— Тут самое главное — смело глядеть в глаза Ангелины Ивановны. Глаза у нее усталые, недовольные, учительница редко улыбается. Гоша смотрит в хмурые глаза, не моргая, не отводя взгляда. Может быть, она поверит: он решал. Не сойтись с ответом может у любого, даже самого старательного ученика.

Не верит учительница. Глаза говорят: что ты мне рассказываешь? Разве я тебя не знаю? Да я таких, как ты, тысячу видела — все вы одинаковые и все мне смертельно надоели.

— Решал,— упрямо повторяет Гоша.

— Ха, решал! Все у Федоровой списал.— Это сказал Вова Климов. И презрительно хмыкнул. Как будто сам Климов ни разу в жизни ни у кого не списывал.

Ябеда Климов, ненавидит его Гоша. Но — про себя.

Пакостник Климов, врет без конца. Хоть бы кто-нибудь ему врезал. Нет, не находится никого. Все только: «Вова, Вова. Скоро Климов уедет от нас. Усыновили Климова!» Конечно, боятся его ребята. Как так? Все ребята — одного Климова? Да, все ребята — одного Климова. А вот Гоша его не боится. А почему не проучит? Да связываться не хочется. Знает, знает Гошка, что так рассуждают прогульщики. Но умеет Гоша прогонять неприятные мысли. Взял и эту отогнал подальше.

— Списал, списал он! — Климов смеется.

— Тише, Климов,— Ангелина Ивановна все поняла,— иди, Нечушкин, к доске, во всем сейчас разберемся.

Ну, Гоша Нечушкин, тут уж все от тебя самого зависит. Сам себе помогай, Гоша Нечушкин.

Он медленно, как сонная муха, выползает из-за своего стола. Как можно медленнее, еще медленнее. Не обращать внимания на нетерпеливый взгляд Ангелины Ивановны. Он ползет, ползет из-за стола. Выбрался. Теперь он, еле передвигая ноги, идет по классу. Как будто ботинки на каждом шагу прилипают к полу, а он их отдирает с великим трудом. Но и это не может продолжаться бесконечно. Гоша Нечушкин все-таки дотащился до доски. И последняя надежда оставалась: вдруг потерялся мел? Если мел потерялся, его надо искать, а на это, как известно, уйдет сколько-то времени. Но мел не потерялся. Ангелина Ивановна протянула Гоше длинный аккуратный кусок мела, похожий на толстый карандаш.

— Пиши пример, Нечушкин. Не тяни время, пиши.

— Я и не тяну.

Ничего он не понимает в этих примерах. Бессмысленный набор цифр. И вчера он переписал из тетрадки Лиды Федоровой бессмысленный набор цифр. Гоша сейчас не решит ни одного, это же ясно. Сейчас начнет Ангелина Ивановна. Главное — не бояться. Ну что она ему сделает? Убьет, что ли? Нет, не убьет. И все равно страшно.

Он выводит цифры на доске — первую, вторую. И в эту минуту, в эту счастливую минуту, в самый нужный миг раздается звонок! Да, да! Он дребезжит весело, победно. И пусть кто-нибудь попробует сказать, что Гоша — невезучий человек. Да он именно везучий! Звонок заливается на всех этажах, громкий, добрый звоночек дорогой.

И сразу задвигались все в классе, загремели стулья, зашаркали ноги. И преподаватель физкультуры, самый лучший на свете Вадим Анатольевич, вошел в класс. Огромный, румяный, у него светлые усы. Он вошел — и сразу стало как-то свежо и радостно.

— Переодеваться, суслики! Бегом, бегом! Алексей Китаев сегодня переоденется первым! Уверен в тебе, Алеша.

И Алешка сияет. Он постарается, он сумеет. Если, конечно, не задумается о чем-нибудь важном с майкой в руках.

Ангелина Ивановна на прощание говорит:

— Ты не особенно радуйся, Нечушкин. Следующий урок не за горами. Завтра же я тебя вызову.

А лицо у нее такое, как будто она собирается завтра съесть Гошу вместе с тетрадкой и учебником математики.

«Все равно поймаю»,— говорит ее взгляд. «А вдруг удастся увернуться?» — отвечает он ей взглядом.

Завтра будет видно...

К вечеру все выходят во двор, и Гоша начисто забывает об Ангелине Ивановне. Четвертый «Б» кидается в разные стороны.

— Пасуй, Телега, мне! Мне!

Девчонки летят на качели. И только Ира Косточкова не бежит никуда. Она останавливается посреди

двора, лениво посматривает на всех полуприкрытыми глазами. Ее интересует сейчас только одно: смотрят ли на нее? Все ли замечают ее великую неземную красоту?

Гоша тоже хотел играть в футбол, но не сразу пошел к футбольному полю: лучше быть подальше от Климова. И тут Гоша почувствовал чей-то пристальный взгляд. Обернулся — от троллейбусной остановки, которая была у самого их забора, шли к метро люди. Среди них бежала девочка. Светлая куртка, гордо откинутая голова. Очень похожа была эта девчонка на Светку-Сетку. Ну просто вылитая Светка. И походочка ее, мелкий шажок: не то идет, не то бежит, не то прыгает. Не разглядишь толком: быстро девчонка удаляется, да и толпа загораживает ее. Да чушь все это, откуда здесь возьмется Светка? Чего ее сюда принесет? Нет, просто похожая девчонка. Мало ли их, похожих-то? А сердце чего-то пело, радовалось. Глупо, конечно. Но никто не заметил. И Гоша побежал играть в футбол. Не станет он бояться Климова. Пусть этот Климов сам его боится.

С того дня Гоша часто поглядывал на то место у троллейбусной остановки. Вдруг там опять появится светлая курточка? Нет, не появлялась. И пускай, и не нужна она никому, Светка-Сетка. Он и вспоминать о ней не станет.

Первая драка

Алла Шикляева в последнее время получила прозвище, которое ей самой очень нравится. Ее теперь зовут Алла гордая.

Она и всегда считалась девчонкой, которая знает себе цену. Лишнего слова не скажет, а главное — взгляд. Алла Шикляева смотрит так, что любому сразу понятно: лучше не приставать. Даже Ира Косточкова к ней не лезла. Даже Климова Алла не боялась. И казалась Шикляева высокой, хотя была среднего роста. Никогда ни в какие конфликты не ввязывалась, а на вопросы чаще всего отвечала: «Не знаю». И с таким видом отвечала, как будто не знать — лучше. И сама она, Алла Шикляева, лучше всех.

«Алла Шикляева! Где у нас ключ?» — «Не знаю». «Алла, куда ушел Китаев?» — «Не знаю».— «Шикляева, какой сегодня день?» — «Не знаю». Тут же высунется быстрый Хватов или еще кто-нибудь: «Сегодня четверг, вчера была среда. У нас же сегодня география была». Все верно, но отчего-то Хватов выглядит в эти минуты глупее, чем Шикляева.

Но прозвище Алла получила недавно. Произошло очень важное событие в жизни Аллы Шикляевой.

В этот день в интернат вошла женщина, одетая во все белое. Беленькая шубка, белая шапочка из меха с хвостиком и белые сапоги. Гоша сначала заметил только сапоги: он вместе с Денисом Крысятниковым мыл в вестибюле пол. А когда моешь пол, видишь прежде всего всякие ноги.

— Снегурочка,— сказал Денис и продолжал возить длинной тряпкой туда-сюда. Пол блестел как лакированный.

Гоша тоже возил мокрой тряпкой, ему досталась другая половина вестибюля, та, где стояли аквариумы. Эти аквариумы всегда наводили на Гошу тоску. Зачем они нужны, аквариумы без рыб? Мертвые аквариумы, и вода в них неживая — синяя, розовая.

— Денис, а зачем здесь эти аквариумы?

— Как зачем? Чтобы ребята не бегали и не бесились. Все боятся опрокинуть, разбить эти шары. Ну и ходят спокойно.

Вот тут и вошла Снегурочка.

— Снегурочка,— сказал Денис, совершенно не смущаясь от того, что она слышит.

Она остановилась. Потом пошла к директору.

Хорошо, что им достался вестибюль, а не коридор. Здесь намного интереснее — кто-то пришел, кто-то ушел. Входная дверь — вот она.

Из кабинета директора, если прислушаться, голоса слышны хорошо.

— Я ее искала целый год. И я так рада, что нашла племянницу. Она моя единственная племянница.

— Родная? — У директора голос хриплый, но громкий.— Родная племянница?

— Двоюродная. Ее мать была моей двоюродной сестрой. Но у нее, у Аллочки, ближе меня нет никого. Мать лишена родительских прав, верно?

— Значит, вы решили забрать Аллу Шикляеву из интерната?

Тут у Гоши сердце подскочило к самому горлу. Вот какое счастье бывает на свете! Вот так же и за ним она придет. И не тетя двоюродная, у него их сроду не было, никаких теть. Мама родная — вот кто за ним придет. «Вы хотите забрать Гошу из интерната?» — «Конечно, хочу. Он мой родной сын. И больше у меня никого нет». Вот так это все бывает. Мама войдет в эту дверь, смахнет снег с сапог или стряхнет дождь с шапки... Нет... не будет в тот день ни снега, ни дождя, ни тумана. Будет ясно гореть солнце, зеленеть трава и засветятся желтые одуванчики. От мамы будет пахнуть духами, как от Галины Александровны. На ней будет белая шаль с длинными тяжелыми кистями, как у Ангелины Ивановны. И золотые туфли на очень высоких каблуках, каких нет ни у кого. И директор выйдет из-за своего тяжелого стола и пожмет маме руку. У нее тонкая рука, как у Галины Александровны. И мама повезет Гошу в зоопарк, прямо сразу. А потом в бассейн, где теплая голубая вода даже зимой. Потому что мама сразу поймет, как плохо ему в интернате. Не может быть хорошо тому, кто живет не у себя дома. Мама это сразу поймет...

— Гошка! Ты чего? Воду разольешь, на ведро прямо пошел,— тряхнул Денис его за плечо.— Уснул, что ли?

Нет, он не уснул. Мечта тоже похожа на сны. Но мечта может осуществиться. Даже скоро. Вот приедет к нему на этих днях бабушка, навестит же она его в конце концов. И он возьмет у нее мамин адрес. А письмо напишет заранее, прямо сегодня и напишет. Останется только черкнуть адрес и опустить письмо в почтовый ящик.

Белая шаль с длинными покачивающимися кистями...

— Я понял вас отлично,— говорил за дверью директор.— С опекунством пока повременим. А на выходные Аллу к вам будем отпускать. Согласны вы на такой вариант?

— Это очень стыдно — подкрадываться к двери и подслушивать разговор, который вас не касается.

— Мы не подслушиваем,— сказал Денис,— мы пол моем.

— Вижу.— Ангелина Ивановна иронически поглядела на них.

Они дружно стали возить тряпками. А она некоторое время постояла у директорской двери с задумчивым видом. Ей тоже, наверное, было интересно, чем закончится этот разговор.

— Мы, Шикляевы, порядочные люди,— пищала двоюродная Снегурочка.— Вы меня в чем-то подозреваете?

— Помилуйте! — Директор там, за дверью, наверное, разводил руками.— В порядочности Шикляевых сомневаться не имею права. Но по документам вы носите другую фамилию. Вы дальняя родня. Мы вынуждены соблюдать осторожность, не обижайтесь. Присмотритесь к девочке, и она пусть к вам присмотрится.

— По мужу я Треухова, а урожденная Шикляева. Так в прежние времена говорили — урожденная.

Скоро тетя Снегурочка вышла из кабинета. Ангелина Ивановна отпрянула от директорской двери и пошла с деловым видом к лестнице.

Мальчишки быстро домывали пол.

Вот тут примчался Вова Климов.

— Ирку Косточкову не видели?

— Не видели.— Денис подмигнул.

— Ты чего подмаргиваешь? — пошел на него Климов.— Чего улыбаешься? Я ей тетрадку несу, а он подмаргивает еще.

Климов, как всегда, выпятил грудь, нагнул голову, как будто хотел забодать Дениса. А Денис, квадратный, крепкий, попятился. Напор на всех действует даже больше, чем сила.

Гоша вдруг решился:

— Чего ты на него прешь? — Он оттер плечом Дениса и стал перед Климовым. И тоже нагнул голову, смотрел на Вову Климова исподлобья.

Удивился Климов. Но не растерялся и двинул Гошу в скулу так, что у него искры из глаз посыпались. Отступить? Ну нет! Разве у Гоши нет кулаков? Разве он не мальчишка? Разве он боится? Надоело ему придумывать разные отговорки и отговорочки. И Гоша двинул Климова изо всей силы. Хотел в подбородок, а попал в нос. Кровь потекла. Сцепились и покатились клубком по всему просторному вестибюлю. Когда Гоше удавалось оказаться наверху, он сжимал Климова железной хваткой, так ему представлялось. «Не выпущу ни за что». Но тут же он опять оказывался внизу, и Климов лупил его, сидя на нем верхом. Давняя злость накопилась у обоих.

Все это происходило какие-то мгновения. Они катились по блестящему полу. Вдруг над ними раздался хрипловатый бас:

— Ну-ка вставайте, петушиная команда.

Директор Андрей Григорьевич стоял над ними. И глядел из-под кустистых бровей то на одного, то на другого. А сам крепко держал за шиворот одной рукой Гошу, а другой — Климова.

— Остыньте, Климов и Нечушкин. И сейчас же отправляйтесь наверх. Никаких драк, слышите?

А сам думал: как же, никаких. Эти двое еще не раз сцепятся.

Если бы Гоша умел читать мысли директора, он бы очень удивился. «А этот Нечушкин — молодец» — так подумал директор и заспешил назад, в кабинет, где надрывался телефон.

Но Гоша не умел читать мысли.

Он шел наверх, победно насвистывая. Он сегодня не победил Климова. Но его победа была гораздо серьезнее. Самое трудное, наверное, победить себя.

Гордая Алла Шикляева

Теперь Алла Шикляева каждый выходной уходит из интерната.

В субботу после уроков тетя Снегурочка приезжает за ней, берет за руку, уводит за ворота. Ребята смотрят в окно. Идут по асфальтовой дорожке двое — тетя Снегурочка и девочка Алла. И Алла какая-то другая. Как будто не она чуть не всю жизнь спит вот за этой стенкой. И ест за одним столом с Людой и Ирой и с Гошей Нечушкиным. И все в ней давно знакомо до слова, до жеста, до поворота головы. Но сейчас, когда тетя ведет ее за руку, она, эта девочка, совсем новая, совсем другая. Потому что ее берут на выходные, а их нет.

Несколько воскресных дней провела Алла у тети Снегурочки и действительно стала другой. Еще более замкнутой, надменной. Ни с кем не разговаривала. Позовут на хор — споет. Запишут на гимнастику — перекувырнется. И отстаньте. Алла Шикляева не с вами, Алла ждет субботы.

Они не сердились на Аллу, они стали звать ее «гордая».

Галина Александровна присматривалась и никому ничего не говорила. Была во всем этом какая-то загадка: Алла не производила впечатления счастливой. Гордость гордостью, но какая-то тревога в глазах, замкнутость, сдержанность. Неужели ей не хочется ничего рассказать о своей жизни у тети Снегурочки? Не рассказывает. А почему?

Галина Александровна прикоснулась к плечу Аллы.

— Мне хотелось бы с тобой поговорить. Посидим в игровой.

Все были в кино. Пустая игровая. Сели на низкие скамеечки.

— Расскажи, Алла, нравится тебе у тети?

— Нравится.— И ничего не добавила.

— Расскажи, как прошло прошлое воскресенье. Ну расскажи подробно. Вот вы встали. А потом?

— Я не люблю рассказывать, не умею. Отпустите меня, Галина Александровна.

— Неспокойно мне что-то,— призналась воспитательница.

— Не надо беспокоиться. Я в порядке.— Гордая Алла пошла к ребятам смотреть мультфильмы.

А позже прибежала Настя, зашептала:

— Галина Александровна, Алла гордая кофту выбросила. Нет, честно.

— Как — выбросила? Куда выбросила?

— В мусорный бак, который во дворе, огромный.

— Позови ее, пожалуйста, Настя. И запомни ты наконец: ябедничать стыдно.

— А как бы вы тогда про кофту узнали? — Настя убежала.

Галина Александровна удрученно вздыхает. Настя искренне не понимает, почему нельзя ябедничать. «Я же не обманываю, я говорю про всех только правду». И честно смотрят Настины ясные, прозрачные глаза. И сердиться нельзя: ей, этой девочке, никто никогда не объяснял, почему ябедничать нехорошо. А теперь она уже привыкла.

И Алла Шикляева беспокоит воспитательницу. Алла отмахнулась от расспросов: «Я в порядке». А какой там порядок. Грустный, настороженный взгляд. Глухое молчание. Теперь еще кофточку выбросила. Непредсказуемая девочка Алла. Дикий поступок.

Пришла Алла, подбородок гордо вскинут. Не троньте меня, все равно ничего не добьетесь. И недобрый взгляд больших карих глаз.

— Алла, принеси, пожалуйста, свою синюю кофточку.

Алла смотрит насмешливо. Она видела, как побежала сюда недавно Настя. Зачем же вы, Галина Александровна, притворяетесь и хитрите? Вы же взрослая, воспитательница. Не стыдно? И Галина Александровна краснеет. Действительно, не так надо было разговаривать.

Смутилась Галина Александровна. Зато Алле Шикляевой совсем не было стыдно, и она сказала спокойно:

— Я выбросила кофту. Она мне надоела, а теперь еще клеем рукав измазала.

Воспитательница всплескивает руками:

— Алла! Ну как можно? Хорошая еще кофта, и вдруг на помойку? Как же так?

— Да что особенного? Кофта старая. Мне же выдадут вместо нее новую. Тетя говорит, что государство должно обеспечивать.

Галина Александровна пыталась втолковать Алле свое, но Алла ее не понимала.

В игровую постепенно собирались ребята. Денис стал чинить репродуктор. Алеша Китаев читал. Ира Косточкова мечтательно смотрела в окно. Лида Федорова в очередной раз разглядывала фотографию известной киноартистки. Лиде казалось, что кинозвезда очень похожа на Лидину маму. Вера Стеклова пришивала свежий пододеяльник к кукольному одеялу.

Все прислушивались к разговору о кофточке, и никто особенно не удивился — выбросила и выбросила. Многие из них иногда выкидывают надоевшую одежду. Галина Александровна у них недавно, вот и не знает. Лида на днях колготки выкинула в форточку, они зацепились за верхние ветки старого тополя и долго висели, развевались на ветру. А Климов выкинул ботинки, ему хотелось новые, как у семиклассника Бориса. А Ира Косточкова однажды затолкала платье под шкаф, чтобы не пришивать пуговицу.

Галина Александровна кажется им наивной. Она пытается втолковать Алле гордой, что с вещами так не обращаются. Кофточку можно выстирать. Надоела? Но ведь можно с кем-нибудь поменяться насовсем или на время — на всех девочках кофточки разные. В интернате стараются, чтобы дети не были одеты в одинаковое. Ботинки стали маловаты? Вымой, вычисти, сдай кастелянше, получи другие, побольше. А эти пригодятся кому-нибудь из младших. Алла не понимает, смотрит неприязненно.

Поздно вечером Галина Александровна ехала домой и всю длинную дорогу думала об этом. И дома тоже думала. Какие ей достались дети. Они ей не нравились сегодня, но она не должна их осуждать. Она воспитатель — обязана разобраться и понять.

А все дело в том, что эти ребята жили и росли не дома.

Дома, когда покупают какую-нибудь вещь, все об этом знают, видят, как все происходит. «В следующую получку мы, наверное, купим для дочки новое платье. Если в следующую не купим, то через одну постараемся. То самое платье, о котором она мечтает». И дочка ждет, она уже любит это платье. И она понимает, что такое деньги, что такое мамина зарплата. На ее глазах мамины труды на работе превращаются в деньги, а деньги превращаются в вещи. И вещи — свои, собственные, домашние.

А здесь? Эти дети живут «на всем готовом». Так говорится. И это так и есть. Все казенное. Шнурки на ботинках и те не твои, их выдают из кладовки. И пальто, и белье, и рукавички, и школьная форма, и ночная рубашка. Ничего своего у них нет.

На всем готовом. А как же? Родители не справились со своими обязанностями. Государство взяло на себя эту заботу, оно обеспечивает детей всем. Хорошо? Для быта, для повседневной жизни вроде все хорошо. Есть крепкие сапоги — у ребенка сухие, теплые ноги. Есть теплое пальто — не зябнет ребенок. С этим все в порядке. И пусть в интернатах будет побольше хороших одежек. А вот для воспитания нормального человека чего-то не хватает. На всем готовом воспитать трудно. У ребят ненормальное отношение к вещам. Полное безразличие к чьему-то труду. Казенное — значит, ничье. Потеряешь вещь — дадут другую. Порвалось — выбросил. Посадил пятно на брюки — не нужны они больше.

Когда человек дрожит над тряпками, мы над ним смеемся. А когда он совсем не любит, не ценит то, что на него надели? То, что ему купили? А кто купил? Его не видно. Его нет. Казенный дом, казенные вещи. «Го-

сударство обязано обеспечивать». Должно, обязано. Хорошо, что так считает государство. Плохо, что так считают дети. Они от этого становятся потребителями, становятся хуже.

Значит, ее дети плохие? Галина Александровна никогда с этим не согласится. Детей надо воспитывать хорошими, и они будут хорошими. На то она и воспитатель.

Ох, тяжелую ношу взвалила Галочка, то есть Галина Александровна, на свои хрупкие плечи.

В этот вечер Гоша сидел в углу игровой и писал письмо. «Мама»,— вывел он и долго смотрел на это коротенькое слово. Тот, кто произносит это слово сто раз в день, не может понять того, кому некому сказать «мама». Но Гоша не разрешил себе предаться печальным мыслям. «Мама, я в интернате. Кормят нас нормально. И дают третье. Приезжай за мной. Бабушка больше со мной не может, потому что старая. Я хочу жить у тебя и ничем тебе не помешаю. Твой родной сын Гоша Нечушкин».

Некоторое время Гоша смотрел на птицу, нарисованную на конверте — длинный клюв, как шило. Птицу звали чибис. Потом он положил письмо в конверт, лизнул, заклеил.

Он запрятал письмо в тумбочку у кровати. Теперь оставалось только дождаться бабушку, спросить у нее адрес и отправить письмо.

«Беги, Нечушкин»

В класс во время урока вдруг заглянул первоклассник Валиков.

— К вашему Нечушкину бабушка пришла! Внизу сидит у раздевалки! Мне помидорку дала!

Географичка Лидия Федоровна хотела сказать, чтобы Гоша досидел до конца урока. Бабушка подождет. Но взглянула на него и махнула рукой:

— Беги, Нечушкин, к своей бабушке.

Бабушка сидела на скамейке и держала на коленях сумку. Увидела Гошу, закивала и зашмыгала носом. Ему жалко стало ее, колени тощие, глазки бесцветные, руки дрожат.

— Нечего, нечего слезу пускать,— сурово одернул он бабушку. Что же теперь, лизаться с ней?

Сидели рядом, он ел помидоры, потом печенье и опять помидоры.

— Ты вот что, дай-ка мне адрес мамы. Я ей письмо написал тут.— Почти небрежно сказал. Обычное дело — родной сын пишет письмецо родной матери.— Адреса не знаю. Скажи адрес.

Бабушка засуетилась, заволновалась. Руки открывали и закрывали «молнию» на сумке.

— Гошенька, не помню я адрес. Дома записан где-то. В белой книжке, вспомнила, вот где он записан — этот адрес. Там еще и номер индекса указан, и название улицы. Все есть, все есть. В белой книжке. Знаешь, как мы сделаем? Ты мне письмо давай, я сама адрес напишу и письмо отошлю. Так быстрее будет, правда?

Гоша согласен. Толковое предложение. Он сбегал в спальный корпус, взял в тумбочке письмо, отдал его бабушке. Она бережно убрала письмо на самое дно клеенчатой сумки и застегнула «молнию».

— Смотри, не потеряй.

— Ну что ты, Гошенька. И не думай даже, не потеряю ни за что.

— И адрес не перепутай, смотри. Это очень важное письмо.

— Не перепутаю, Гошенька, не перепутаю. Разве я не понимаю?

И стало так спокойно Гоше. Все делается толково, и скоро мама получит его письмо. Она прочитает письмо и не сможет не отозваться. Она приедет и заберет. В первый раз ему понравились заросшие зелеными листьями окна, цветные аквариумы, плакат на стене. На плакате мальчик в школьной форме улыбался, большими буквами было написано: «Отличная учеба — вклад в перестройку!» Всегда этот мальчик-отличник казался Гоше фальшивым и противным. А сегодня вдруг показался довольно симпатичным, похожим на Славку Хватова.

— Ты почему так долго не приезжала? — спросил Гоша уже не так сурово.

— Да все дела.— Бабушка прятала глаза.

«Знаю, какие у тебя дела,— беззлобно подумал он.— Дела».

— Смотри, баб, сопьешься. Руки-ноги отнимутся, что тогда?

Бабушка замахала ручками:

— Типун тебе на язык. Ляпнешь такое — слушать страшно. Мое здоровье еще хорошее. И вообще мы с Маргаритой выпиваем только для разрядки нервных напряжений.

«Врет и не краснеет, нервные напряжения всегда приплетет»,— Гоша не станет с ней спорить.

— Твое личное дело. Когда приедешь-то?

— Скоро, скоро. Как передачку соберу, так и приеду. Кормят вас как? Ничего? Интернат считается хороший, Маргарита узнавала в районных организациях. Из лучших интернат. В других, говорят, и еда тощая, и холод, и грубость. Никакого внимания детям — безобразие такое.

Гоша хмыкнул.

— Хороший интернат, заботливые вы с твоей Маргаритой. Теперь везде налаживается — Детский фонд знаешь? Голодных не будет.

— Значит, ничего тебе здесь живется?

Она с надеждой заглядывала в его лицо. Повзрослел, что ли? Замкнуто глядит, скрывает что-то. Но одет чистенько и не похудел вроде, даже, наоборот, поправился.

— Нормально живу, бабушка. Все нормально.

Она прощается и семенит к двери. А он добавляет про себя: «Все здесь хорошо, почти отлично. Только все до одного хотят жить дома».

— Смотри, бабушка, письмо отправь! Прямо сегодня! Слышишь?

— Слышу, слышу!

И ушла.

Теперь надо только набраться терпения и ждать.

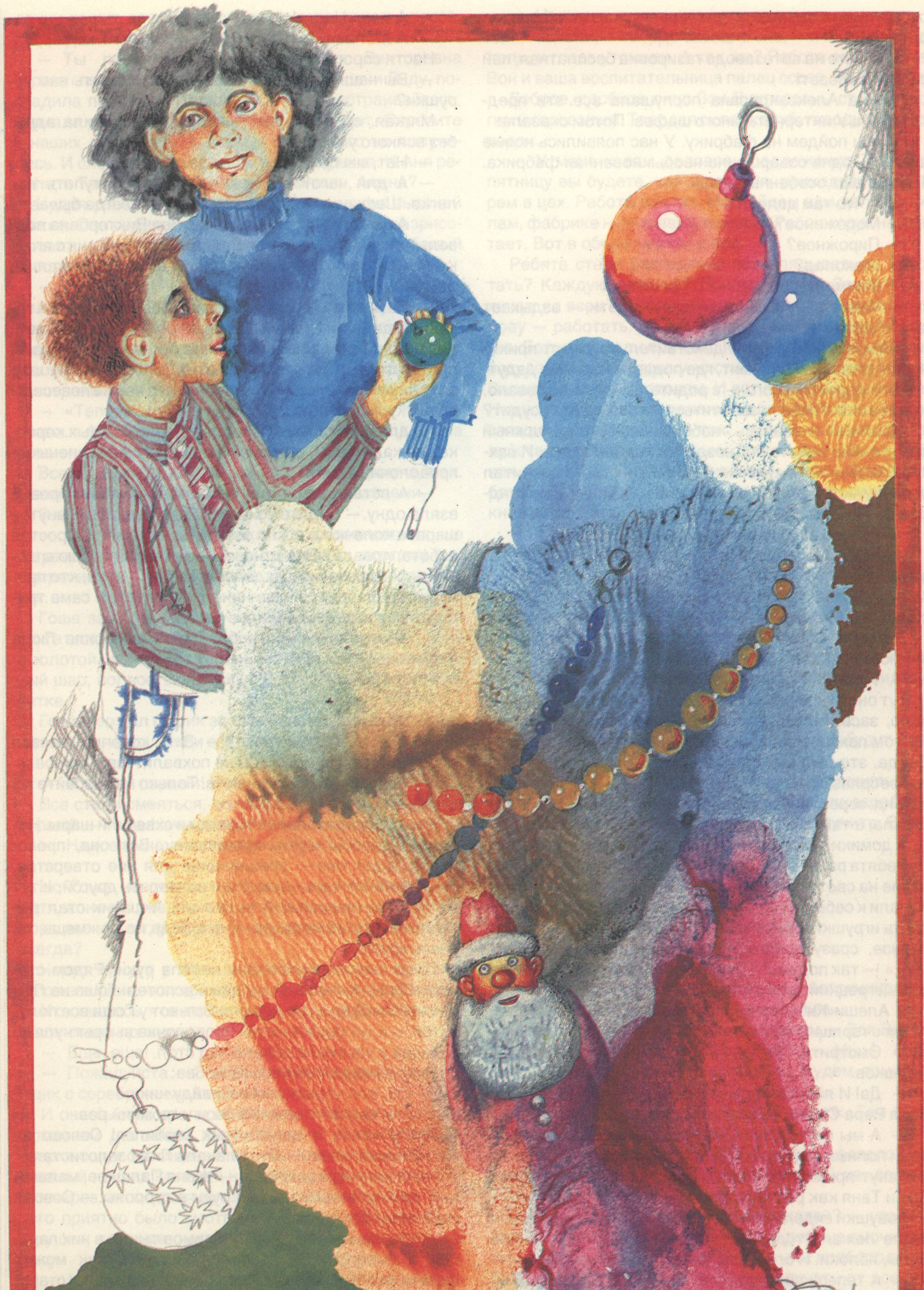
Что делают на фабрике?

Уроки приготовлены, но Галина Александровна сегодня не стала читать им книжку.

— Быстренько собирайтесь, мы поедем к шефам,— сказала она,— шефы нас ждут.

— В институт физкультуры! Там большая сетка, на ней можно прыгать! Батут называется!

— Нет, лучше к научным сотрудникам! Там в мик-

роскоп дают поглядеть, у мухи нога, как мохнатое чудовище!

— А зато на автозаводе газировка бесплатная, пей сколько влезет!

Галина Александровна послушала все эти предложения. У интерната много шефов. Потом сказала:

— Мы пойдем на фабрику. У нас появились новые шефы — одна совершенно необыкновенная фабрика. Там делают особенные вещи.

— А что там делают?

— Мороженое?

— Пирожное?

— Шоколад?

— Мармелад?

— Какие вы у меня практичные дети,— вздыхает она,— даже чересчур.

Интернатские ребята действительно умеют прикинуть, где слаще накормят, где подарки хорошие дадут. Ничего удивительного — с родителями им не повезло, надо самим о себе позаботиться. Кто их за это осудит?

Фабрика оказалась небольшая — трехэтажный дом, только вместо подъезда проходная будка. И вахтер с усами, похожими на бантик. Он строго прочитал справку, которая была наготове у Галины Александровны. Поправил усы:

— Разрешаю пройти в цех номер четыре.

Им навстречу вышла женщина в черном рабочем халате.

— Пришли, вот и умники. Меня зовут Зоя Викторовна, я бригадир.

Зоя Викторовна повела их по узкому коридору, они немного толкались.

— Толкучие какие,— смеялась Зоя Викторовна.

Тут она открыла большую дверь, и все сразу засверкало, засветилось, засеребрилось. Вот это был цех! Кругом лежали, вертелись, звенели елочные игрушки. Да, да, это был цех елочных игрушек. Золотые шары и серебряные шишки, стеклянные орехи, хрупкие даже на вид серебряные цветы. Иней из стекла и снег из стекла, а также стеклянные сосульки.

А домики разрисовывали за другим столом.

Ребята разбежались по цеху номер четыре. Надо же какие на свете бывают цеха. Девушки за столами подзывали к себе Настю, Гошу, Люду — всех. И позволяли брать игрушки в руки, не дрожали, что разобьют. «Наверное, сразу поняли, что ребята пришли аккуратные,» — так подумал Гоша. Он держал в пальцах невесомый грецкий орех в золоченой скорлупе.

У Алеши Китаева серебряный самовар, у Лиды — петух с горящим красным гребнем.

— Смотрите, белые морковки! — позвал Женя Палшков.

— Да! И яблоки белые! И огурцы беленькие! — шумела Вера Стеклова в другом конце цеха.

— А мы на что? — Зоя Викторовна своими короткими полными руками повела вокруг себя.— Покрасим и станут яркие, как надо. Морковки, вот посмотрите, Аня и Таня как раз красят.

Девушки сидели на высоких табуретках, а рядом на столе лежали только что выкрашенные огурцы, лимоны, яблоки. И огненные, оранжевые морковки.

— А теперь подойдите ко мне,— позвала Зоя Викторовна.— Она была толстая, уютная, и на локтях из-под засученных рукавов халата виднелись ямочки.

— Меня зовут Ира,— сообщила Косточкова.

— А меня Настя!

— А я Слава Хватов, а он Денис Крысятников!

Настя спросила невинным тоном:

— Вы наши шефы? Значит, будете дарить нам игрушки?

Мягкая, сдобная Зоя Викторовна ответила вдруг без всякого умиления:

— Нет, мы пригласили вас не для этого.

— А для чего? — Настя не хотела уступать так легко. Шефы должны заботиться, так всегда бывает.

— А вот для чего.— Бригадир Зоя Викторовна подвела их к ящику с шарами. Взяла золотой шарик с ягодками на боках. Нежный, легкий, в нем отражались лампы.

— Нам нужна ваша помощь.— Зоя Викторовна говорила деловым тоном. Гоше почему-то это понравилось. Бригадир, а не добренькая бабуля.— Эти шары почти готовы. Осталось только вдеть в каждый шар вот такую проволочную петельку. Без нее не повесишь на ветку. Понятно?

На длинном столе в больших пластмассовых коробках лежали шары, а в других коробках были тоненькие проволочные петли.

— А вставляются они вот так.— Зоя Викторовна взяла одну.— Видите усики? Их надо вправить внутрь шара, а колечко должно оставаться снаружи. Простая работа, правда? Она мгновенно вставила петлю в шарик.— У нас это всегда делают ученики — те, кто приходит на фабрику и еще ничего не умеет. Я сама тридцать лет назад начинала с петелек.

— А можно мне попробовать? — спросила Люда Федорова.

— И я хочу!

— И я смогу!

— Мы все сумеем!

— А чего тут уметь-то? — Это, конечно, сказал Вова Климов. Не может он не похвалиться.

— Попробуйте, пожалуйста. Только не разбейте игрушки и не порежьте руки.

Все сразу бросились к ящикам и схватили шары. Нехитрое дело — вдеть проволочку. Вот она, проволочка, а вот оно — специальное для нее отверстие. Гоша воткнул один усик, стал вставлять другой, и тут же первый пружинисто выскочил. А шарик стал выскальзывать из пальцев — его ведь не сожмешь, он очень хрупкий.

Гоша пыхтел, проволока колола руки. Рядом старался Вова Климов. Вова даже вспотел. Гоша не глядит на Климова — не до него. Вот-вот у Гоши все получится — и тут пружинистая проволочка выпрыгнула из пальцев и ускакала далеко под стол.

Рядом раздался голос Климова:

— Ой, моя упрыгнула! Не найду никак!

А тут и вовсе — нежный звон и громкий рев:

— Ой-ой-ой! У меня шарик разбился! Совсем на мелкие осколочки.— Это плакала Лида золотистая.

— И у меня раздавился.— Женя Палшков, маленький, расстроенный, развел руки в стороны.— Совсем нечаянно получилось.

— Эх вы, нескладехи! — Климов тыкал в них пальцем и смеялся. Он старался хохотать как можно громче, чтобы слышала Ира. А она не слушала, старалась сделать работу быстро. Пусть удивится Галина Александровна, она считает Иру ленивой. А вот и убедитесь, дорогая воспитательница, кто раньше всех за-

дачку решит здесь, на фабрике, а не там, в классе, когда уроки готовит.

— Ты перестань смеяться.— Зоя Викторовна строго глянула на Вову. Она обняла за плечи Лиду, погладила по голове Палшкова.— Не расстраивайтесь, сначала работа у всех из рук выскакивает. Спросите у наших девушек — в первый раз ничего не получалось. И слезы лились, да еще какие горькие. И Аня ревела, и Таня. И вот эта, Алена. Помнишь, Алена?

Кудрявая Алена выглянула из-за лампы на высокой ножке. Она сидела на вертящемся табурете, разрисовывала зайца. Серые уши, красные глазки, белый хвост-помпончик. И розовый бант на одном ухе.

— Ой, что вы! — Алена охотно болтает, а заяц продолжает ловко поворачиваться в ее пальцах.— Это был конец света. Столько игрушек перепортила, ревела. Хотела уйти с фабрики. Решила твердо — уйду. А потом — ничего.— Алена покивала им, не надо, мол, расстраиваться, и все получится со временем.

— «Теперь ничего»,— засмеялась Зоя Викторовна.— Не «ничего», а лучшая наша работница Алена Кузанина. И скромная — сил нет.

Все девушки засмеялись, Аня и Таня — громче всех. Алена спряталась за высокую коробку с зайцами.

Зоя Викторовна сказала ребятам:

— Вы не спешите, никакого соревнования не устраивайте. Эти проволочки пружинят, поэтому они выпрыгивают. Тут главное не торопиться, вот так, вот так.

Гоша заметил, что от ее голоса его пальцы стали двигаться спокойнее. Гоша первым вправил петельку в золотой шарик. Вот теперь это был настоящий елочный шар, полностью готовый к тому, чтобы висеть на ветке.

Гоша держал шарик за стальную тоненькую петлю, и он подрагивал, сияли его золотые бока. И тут Климов завопил:

— Я самый первый! У меня получилось!

Все стали смеяться, потому что видели, что самый первый — Гоша Нечушкин. И Климов сказал:

— Надоел мне этот Нечушкин — надо с ним разобраться.

Но Гоша не очень-то обращал на него внимание. Хотя, конечно, жалко, что нельзя проучить этого Климова раз навсегда. Почему ничего нельзя сделать навсегда?

Через минуту у всех получилась первая игрушка. А Гоша и Климов скоро закончили и следующий шар.

И оказалось, что это не так уж трудно. Даже весело. И все стали просить:

— Еще, еще!

— Пожалуйста.— Зоя Викторовна подвинула к ним ящик с серебряными шишками.

И они быстро стали вставлять петельки в шишки. Потом им достались светофорчики. А под конец — сверкающие стеклянные клоуны в пестрых колпаках. В самый кончик колпака надо было вдеть петлю. Минут через пять целая куча клоунов была готова. И до чего приятно было смотреть на все это богатство — игрушки, которые они помогли подготовить к празднику.

— Ну что, — Зоя Викторовна весело спросила,— устали, труженики?

— Не очень,— не совсем уверенно ответили они.

— Устали,— твердо сказала она,— и пальцы накололи, и глаза утомили. А как же? Работа есть работа. Вон и ваша воспитательница палец сосет, искололась.

Доброе, сдобное лицо Зои Викторовны стало строгим и серьезным. Твердая складка губ, твердый подбородок.

— У меня к вам деловое предложение. Каждую пятницу вы будете, как и сегодня, приходить к четырем в цех. Работы хватит. Мы найдем вам дело по силам, фабрике нужна ваша помощь. Рабочих рук не хватает. Вот в общих чертах и все.

Ребята стали растерянно переглядываться. Работать? Каждую пятницу? Почему вдруг? Зачем? Они живут на всем готовом, им никогда не приходило в голову — работать. До сих пор для них все делали другие. Белье стирали прачки. Посуду мыли специальные посудомойки. Картошку чистили тетя Полина и тетя Валерия. На всем готовом. И вот новость — работать. Немножко, ради развлечения, для разнообразия, как сегодня,— это хорошо. А так... Какой, скажите, пожалуйста, работник из Женьки Палшкова? Маленький, как второклассник. Или Китаев — какая от него работа? Он копуша, ему только в шкафу сидеть да книжки глотать. Что вообще могут дети?

Но тут Галина Александровна сказала:

— Сможете, сможете. Не сомневайтесь.

Гоша догадался, что она все это заранее придумала, с пятницами. На всем готовом — это не так уж хорошо, вот что она решила.

А Галина Александровна уверенно говорила:

— Они смогут, Зоя Викторовна. Это же вон какие старательные и работящие ребята. Вы сами видели, Зоя Викторовна.

Климов выскочил вперед:

— А чего? И поработаем. Деньги нам будут платить?

— А как же? — Зоя Викторовна была довольна.— Вот это настоящий разговор. Будете сами зарабатывать. Сколько заработаете, столько и получите. В собственные руки.

Они зашумели:

— Согласны!

— Деньги получим! Денежки!

— На что захотим, на то потратим!

— Мороженое, шесть пачек!

— Пирожное с кремом!

— Восемь, нет десять шоколадных батончиков!

Они мечтали, они шутили и дурачились.

— В пятницу мы вас ждем к четырем.— Зоя Викторовна провожала их до проходной.— Мы — ваши шефы. А вы теперь — наши шефы. Будем помогать друг другу.

Тут она отдала Насте большой сверток. Там были апельсины, бананы и пирожные с кремом.

— Все-таки вы нам дали гостинцы,— весело сказала Ира Косточкова.— А мы думали, не дадите. Только работу дадите, мы думали.

— Отчего не угостить хороших детей? — улыбнулась бригадирша Зоя Викторовна, и добрые ямочки заиграли на ее щеках, на локтях, на подбородке.— Только это не самое главное — получать от всех гостинцы.

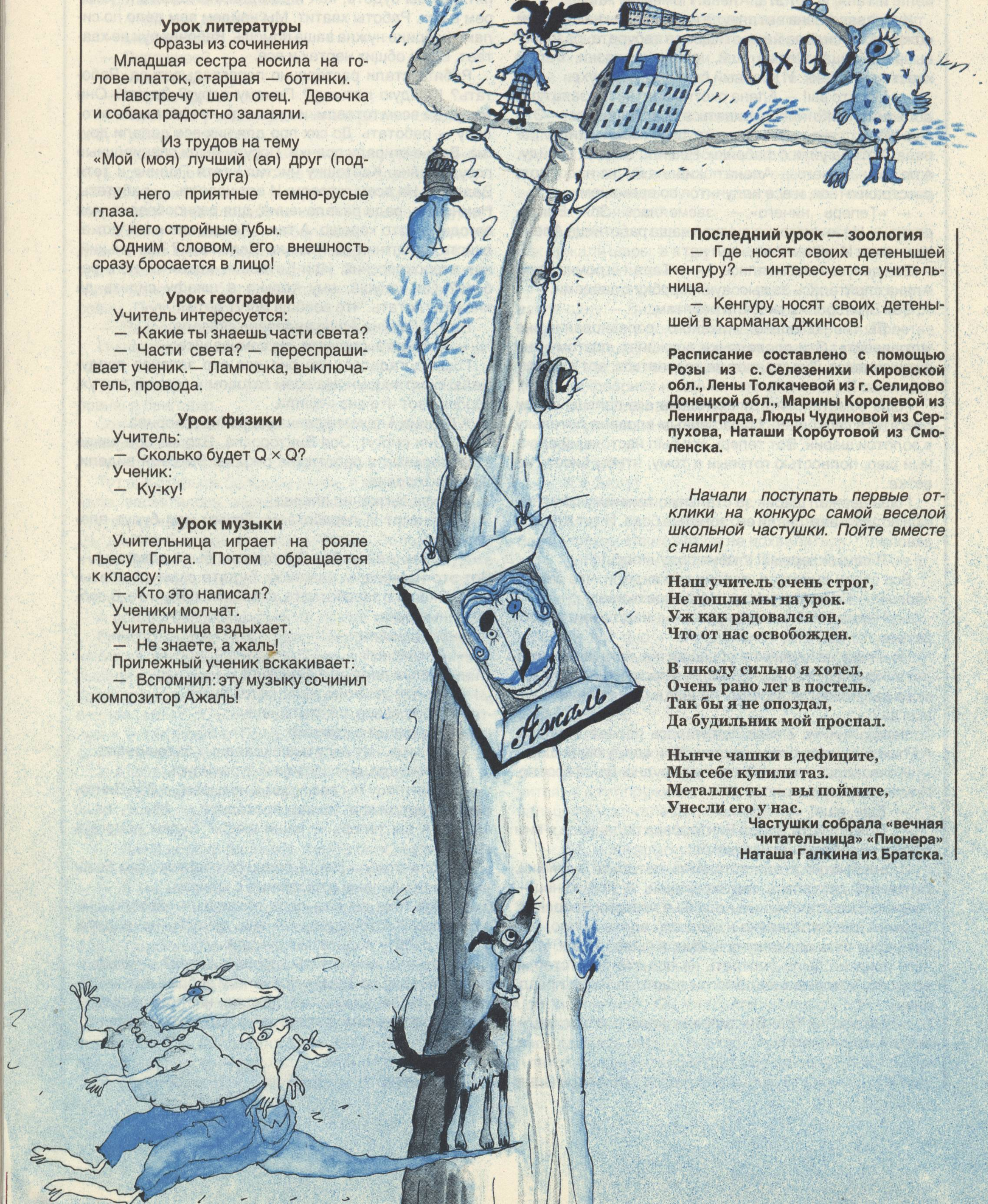
ОКОНЧАНИЕ В ПЯТОМ НОМЕРЕ.

САТИРИКОНЧИК

РОГАЛИКИ

Сегодня мы составили свое школьное расписание. Пока на один день. Но какой...

Урок литературы

Фразы из сочинения

Младшая сестра носила на голове платок, старшая — ботинки.

Навстречу шел отец. Девочка и собака радостно залаяли.

Из трудов на тему «Мой (моя) лучший (ая) друг (подруга)

У него приятные темно-русые глаза.

У него стройные губы.

Одним словом, его внешность сразу бросается в лицо!

Урок географии

Учитель интересуется:

— Какие ты знаешь части света?

— Части света? — переспрашивает ученик.— Лампочка, выключатель, провода.

Урок физики

Учитель:

— Сколько будет Q × Q?

Ученик:

— Ку-ку!

Урок музыки

Учительница играет на рояле пьесу Грига. Потом обращается к классу:

— Кто это написал?

Ученики молчат.

Учительница вздыхает.

— Не знаете, а жаль!

Прилежный ученик вскакивает:

— Вспомнил: эту музыку сочинил композитор Ажаль!

Последний урок — зоология

— Где носят своих детенышей кенгуру? — интересуется учительница.

— Кенгуру носят своих детенышей в карманах джинсов!

Расписание составлено с помощью Розы из с. Селезениих Кировской обл., Лены Толкачевой из г. Селидово Донецкой обл., Марины Королевой из Ленинграда, Люды Чудиновой из Серпухова, Наташи Корбутовой из Смоленска.

Начали поступать первые отклики на конкурс самой веселой школьной частушки. Пойте вместе с нами!

Наш учитель очень строг,
Не пошли мы на урок.
Уж как радовался он,
Что от нас освобожден.

В школу сильно я хотел,
Очень рано лег в постель.
Так бы я не опоздал,
Да будильник мой проспал.

Нынче чашки в дефиците,
Мы себе купили таз.
Металлисты — вы поймите,
Унесли его у нас.

Частушки собрала «вечная читательница» «Пионера» Наташа Галкина из Братска.

Есть такая игра: сочинение стихов на заданные рифмы. Называется — буриме.

Когда мы предлагали участникам «Разминки» («Пионер» № 8, 1990 г.) свой набор рифм, мы обещали победителям напечатать их произведения в нашем журнале. В январском номере «Пионера» вы уже познакомились со стихами Кости Саратовского. Сегодня в «Сатириконочике» — стихи на те же самые рифмы Тани Тимошенко из города Калининграда (областного) и Лены Порфирьевой из города Харькова.

ТАТЬЯНА ТИМОШЕНКО

У капитана пропали носки,
Объявлен на судне аврал.
Матросы нашли от носков куски,
Завернутые в журнал.
Чтобы носки капитану купить,
Введен был на судне налог.
Матросы бросили пить и курить —
Один даже продал сапог.
Старпом заложил фамильный алмаз,
Кок продал последний редис.
По порту разносят об этом рассказ
Голодные кот и пять крыс.
Босой капитан покраснел, как пион,
А кок побледнел, как подушка,
Когда дефицит в корабельный салон
Зеленый внесли, как лягушка.
«Цвет лучшая выбрала вам пионерка», —
Вручая, подшефный сказал пионер.
Носки покупать можно и без примерки:
Капроновые, например.

ЕЛЕНА ПОРФИРЬЕВА

Исчезли с прилавков носки,
В стране назревает аврал,
Разорвана вера в куски,
В суд подал журнал на журнал.

И нечего больше купить,
Но выдуман новый налог.
А чтобы найти, что курить,
Был продан последний сапог.

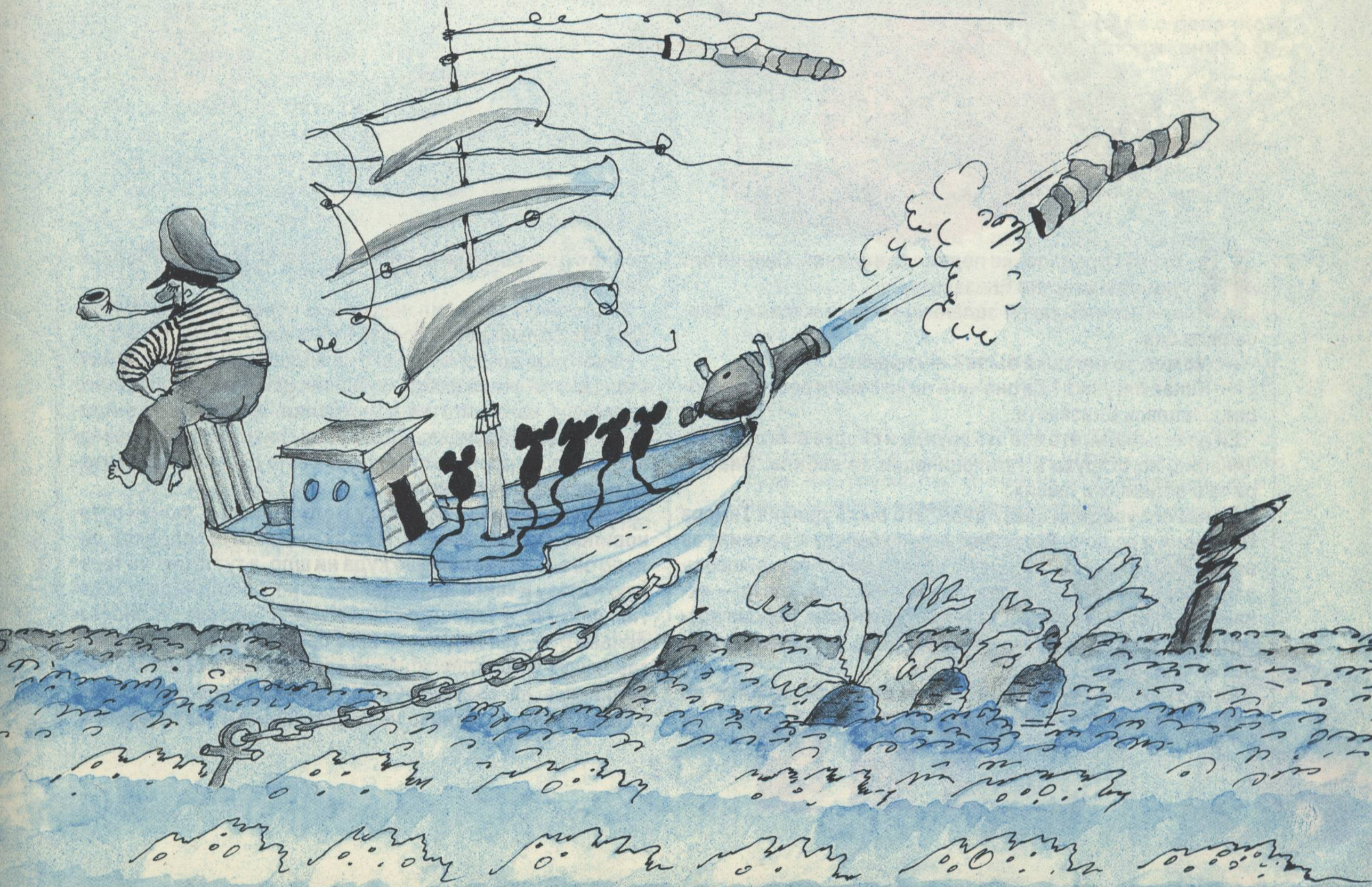
Садовники ищут алмаз,
Писатель сажает редис.
Написан отвратный рассказ,
И с голоду воют пять крыс.

Увяла надежда-пион,
На уши ложится подушка.
И снятся машины салон,
Пикник и на травке лягушка.

Вдруг в сон ворвалась пионерка,
Свирепо горнит пионер...
«Boits rimes»* — стихи без примерки.
Про СССР, например.

*«Boits rimes» (фр.) — буриме.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

Друзья!

В нашу с вами рубрику продолжают приходить многочисленные письма. Мы, к сожалению, просто не в состоянии ответить на все. А уж напечатать в журнале!.. Но многое, многое нравится. Вот и сейчас получили мы рассказ пятнадцатилетнего Юры ОХЛОПКОВА из города Балабаново Калужской области и не могли его не напечатать. Были на самом деле события, описанные Юрой, или это, как говорится, авторский вымысел, мы не знаем. А вы что скажете на этот счет? Напишите нам в «Треугольник»!

Бортпроводники НЛО

Юрий ОХЛОПКОВ

Водяной

В речке Страдаловке появился водяной. Первой его увидела старуха Елизавета.

— Сам-то такой зеленый, а глаза жабьи,— описывала она.

— Может, то лягушка была? — спрашивали ее.

— Какая лягушка? Да она чуть ли не с меня ростом,— оправдывалась Елизавета.

Ей доказывали, что все это ерунда и скорее всего галлюцинация, но старуха в галлюцинации не верила. Она верила в водяных и леших.

Потом его увидели сразу двое. Это были доярка Тамара Павловна и ее дочь Рита. Они шли по берегу к роднику за водой и вдруг заметили чью-то лохматую голову, высовывающуюся из воды. Голова была салатовой, глаза — аквамариновыми, а волосы — темно-зелеными. Голова посмотрела на дочь с матерью и тихо, без всплеска, скрылась.

Рита от неожиданности выронила банку. Осколки ее до сих пор валяются на берегу Страдаловки. Тамара Павловна с дочерью еще немного постояли, но голова больше не выныривала.

Этот случай заставил некоторых поверить бабке Елизавете. Но большинство все же не верило в речное чудо.

Некоторое время никто его не видел, но вот дед Фомич, сторож спичечной фабрики, пошел как-то на охоту. Долго ходил он, но ничего не подстрелил. А солнце уже приближалось к полудню. Захотелось пить. Охотник повернул назад, но поскольку до дома было далеко, решил утолить жажду речной водой.

Немного не дойдя до реки, у желтой акации, Фомич остановился как вкопанный. Между ним и Страдаловкой сидело оно. С похмелья еще куда ни шло, а тут вдруг на трезвую голову и такое привиделось. Оно, по-видимому, заметив Фомича, стало приближаться к акации, членораздельно булькая под нос. У него была гладкая, без всяких там чешуй и бородавок кожа, которая так и блестела, переливаясь на солнце. Когда водяной подошел совсем близко, нервы охотника не выдержали, он взвел курки и,

почти не целясь, выстрелил. Дробь прошла сквозь водяного, подняв фонтанчики воды на поверхности реки. По коже странного обитателя Страдаловки прошла рябь. Водяному, конечно же, не понравилось такое обращение с собственной персоной, и он, недовольно хлюпнув, покатился к реке. Зеленоватый пузырь спустился по пологому берегу и растворился в воде.

Когда Фомич возвратился домой, на нем не было лица. Запинаясь и вздрагивая, он поведал свою историю. Теперь уже все не знали, верить им в водяного или нет. Тем более что старик был трезв.

Однако понемногу взрослые убедили себя, что ничего не было, что Фомич просто перегрелся на солнце, что охотникам и рыбакам вообще нельзя верить и что все это похоже на массовый психоз.

Но Саша Московский, по прозвищу «Москва», Андрей и Ренат не сомневались в существовании страдаловского феномена (так назвал его Андрей). Они на каждой переменке обсуждали этот вопрос.

— Водяных, конечно, никаких не существует, но с чего старуха Елизавета взяла, что это водяной? — рассуждал Андрей.

— Так он же в воде живет,— неуверенно возразил Саша.

— Сом тоже в воде. Так что, и он водяной? — сказал Андрей.

— А если не водяной, то какой же?

— А может, этот водяной — инопланетянин? — предположил Ренат.

— С чего ты взял? — удивился Андрей.— Скорее всего это какое-нибудь неизвестное животное.

— Вечно ты ничему не веришь,— возмутился Ренат.

— Он же жидкий, дед Фомич видел.

— Медузы тоже жидкие,— вступился за Андрея Саша.

— Не жидкие, а студенистые,— поправил Андрей.

— И все-таки...— начал было Ренат, но тут переменка кончилась.

...Как-то в воскресенье ребята, захватив Дика — пса Рената, отправились на рыбалку. Не успели забросить удочки, как вдруг Дик увидел, что в воде движется какое-то темное расплывчатое пятно, и залаял. Это была не рыба: в прозрачной воде да еще на таком относительно мелком месте рыбу можно было бы хорошо разглядеть, а тут форма была явно не рыбья.

— Это он,— шепнул Саша,— водяной.

Пятно стало приближаться к поверхности. Саша вдруг схватил горсть камешков и швырнул в пятно. Ренат последовал его примеру. Саша швырнул опять. Андрей молча смотрел на это.

Затем ребята спрятали удочки в кустах и побежали вдоль реки — водяного нигде не было.

— Наверное, он обиделся. Вот прилетел бы ты на другую планету, а в тебя стали бы стрелять и камни бросать,— рассуждал Ренат.— Решил бы, наверное, что они все там дикари.

— Угу,— буркнул Андрей.

— Так, значит, признаешь, что он оттуда? — И Ренат ткнул пальцем в небо.

Андрей промолчал.

Ребята обошли дамбу. На поверхности воды вдруг стал вздуваться огромный пузырь. Внутри него что-то зеленело. Пузырь оторвался от воды и взмыл ввысь.

— Улетел,— сказал задумчиво Андрей.

А Дик при этом тявкнул.

Рисунок И. ПАНКОВА.

115534, г. Москва, ул. А. Янгеля, д. 14, кор. 7, кв. 25. Яна ПАУФЕР.

«Я увлекаюсь аквариумными рыбками и хотела бы переписываться с ребятами, которые тоже ими увлекаются».

305018, г. Курск, ул. Белгородская, д. 13, кв. 60. Марианна ГОРОХОВА и Юля ЯКОВЛЕВА.

«Мы собираем календарики. У нас их две тысячи. Предлагаем обмениваться».

260500, Житомирская область, г. Новоград-Волынский, ул. Ушакова, д. 7, кв. 65. Светлана ВОЛКОВА.

«Мне 14 лет. Много лет собираю календарики, но со сверстниками из моего города обмениваться не могу, так как они у нас все одинаковые. Хочу переписываться с ребятами из других городов».

370052, г. Баку, ул. Ага-Нейматулла, д. 47«А», кв. 3. Евгения БАРАНЕНКО.

«Я давно собираю карманные календарики, у меня большая коллекция. Но никто из моих друзей этим не интересуется. Хочу найти друзей по увлечению. Мне 14 лет».

452220, г. Благовещенск, ул. Демьяна Бедного, д. 95, кв. 19. Светлана ОГОРОДНИКОВА.

«Я люблю индийское кино, собираю фотографии индийских актеров и т. д. Я думаю, что кто-нибудь тоже этим интересуется, и мы можем поделиться своими сведениями».

663300, г. Норильск, ул. Набережная, д. 45, кв. 109. Светлана ЧЕРЕПАХА.

«Мне 11 лет. Хочу переписываться с девочкой, которая собирает открытки с изображением собак. Это мое хобби».

634017, г. Томск-17, ул. Калинина, д.52 «А», кв. 86. Дина ВЕДЕРНИКОВА.

«Мне 13 лет. Хочу переписываться с ребятами, которые любят собак и занимаются с ними. Кому-то смогу дать полезные советы, кто-то поможет мне».

354349, г. Сочи, А-349, ул. Цимлянская, д. 35. Ольга ЛУНЕВА.

«Я очень люблю лошадей и занимаюсь с ними. Хочу переписываться с единомышленниками. Мне 13 лет».

215151, Смоленская область, п/о Годуново, д. Артемово, д. 17, кв. 8. Наташа КРЫЖАНОВСКАЯ.

«Мне 11 лет. Хочу переписываться с девочкой, которая любит музыку или играет на каком-нибудь инструменте. Я пою в ансамбле, умею играть на русском инструменте домре».

Андрей КУЧАЕВ

Золотой наперсток

— Собирайся, пошли искать сокровища,— сказал Земляникин.

— Ты что? — Я стал одеваться.— Совсем или немножко? — Я покрутил пальцем у виска.— Где ты видел сокровища?

— Вот,— сказал Земляникин,— у меня прибор. Я изобрел и сделал! Кладоискатель!

Он показал мне деревянную рамку на двух нитках и компас.

— Рамка начинает крутиться, когда рядом масса металла. А стрелка компаса...

— Показывает на север! — сказал я.— Пошли, а то мои не пустят. Мне еще навалом учить!

Мы ссыпались по лестнице.

— Стрелка компаса вертится, если металл обыкновенный,— сообщал Зяма на ходу.— И она неподвижна, если металл...

— Драгоценный! — просек я.— Золото, серебро и так далее. Зяма, ты гений!

На улице нас дожидался Вова с мешком, ко мне он заходить не решился.

— Для сокровищ! — сказал он, потрясая мешком.

— Айда! — Зяма нас повел.

Мы прошли дворами, закоулками в тот район, где на снос подготовили чуть не целую улицу. За наскоро сколоченными строительными заборами стояли еще целые, но уже обреченные старые дома. Двух- и трехэтажные, добротные когда-то, теперь это были хоть и благородные, но инвалиды. С выбитыми стеклами, сорванными дверьми. Кое-где светились навылет стропила крыш. У иных стены были проломлены и виднелась внутренность разоренных комнат: ободранные обои со светлыми пятнами от картин.

Разбитые изразцовые печи порой выглядывали из проломов стен с цельными медными заглушками и свисающими с петель дверцами.

Зяма нас вел все дальше.

Это был заброшенный город, отживший свой век и обреченный на смерть, но какой-то дух еще витал тут.

Мы остановились перед когда-то красивым особняком с лепными карнизами, пилястрами, кариатидами, подпирающими балкончик над входом: две мускулистые девы, заложив руки за головы, невозмутимо держали стопудовый балкон и с любопытством смотрели на нас. Лет им было по двести каждой. Под балконом был подъезд: высокое крыльцо и дверь из резного дуба с тяжелым медным кольцом. Земляникин достал большой черный ключ и отомкнул дверь.

— Откуда у тебя ключ? — прошипели мы, но он не ответил.

Из темной прихожей мы вошли в зальчик, потолок которого простирался до крыши и был остеклен в виде фонаря. Свет падал сквозь чудом уцелевшие стекла, мутный и зеленый, как в аквариуме. Двери из зальчика вели в комнаты. Зяма решительно распахнул высокие створки, и мы вошли в зал с низким потолком. С потолка свисала люстра из медных квадратных пластин, по краям которых болтались длинные тонкие палочки из молочного и синего стекла. Один угол залы был срезан, и внизу красовался изумительный камин! Из черного мрамора с белой доской наверху. Доска была расколота тяжелым предметом, излом снежно сиял!

— Будем искать здесь,— сказал Земляникин.

— Тут должно быть навалом золота! — сказал Вова из Тамбова и сбросил свой мешок на пол.

Земляникин достал свой прибор и стал водить им вдоль стен и пола. Водил он долго, прибор особенно не возбуждался. Потом стрелка компаса завертелась, а за ней неохотно двинулась и деревянная рамка.

— Обыкновенный металл. Будем искать?

— Будем,— сказали мы.— Все равно интересно.

Земляникин достал зубило, и мы стали бить стену. Стена оказалась твердая, зубило отлетало от камня, а молоток — от зубила. Довольно скоро мы посбивали пальцы, но работу не бросили. Долбили до темноты. Потом пошли домой. Мне лично дома досталось, но я весь был полон ожидания завтрашнего дня, когда мы опять пойдем долбить.

На следующий день мы опять долбили после школы. И снова ничего.

На третий день мы обнаружили в стене замурованную железную гирю, на которой был изображен фирменный «знак качества», как сказал Земляникин, и вес —ДВА ПУДА. Еще год: 1703.

— Вот это да! — сказал Вова.— Целых два пуда! Только зачем она тут?

— На счастье,— сказал Зяма.

— И я возьму на счастье! — сказал Вова.

— Если утащишь!

За неделю мы обошли и обследовали три дома. На железные клады мы больше не покушались, а из «драгоценных» нашли свинцовую плиту с надписью «КОРОЛЕВЪ И СЫНЪ». Ребята смеялись надо мной, а я понял эту надпись как знак, что мы на верном пути.

Через две недели со мной не разговаривал отец, мать каждый вечер устраивала мне разносы. В четверти мне грозили к весне две тройки минимум. Дед тоже начинал коситься. Но мы искали.

Искали клад в старых домах.

Повезло нам на шестом по счету доме. У одной из стен старой, запущенной комнаты, с изуродованным полом рамка завертелась, как бешеная, а компас был равнодушен. Мы начали долбить.

Через два дня долбежки раздался странный и жуткий треск, и зубило провалилось куда-то. Из дыры сочился слабый свет.

— Тайник! — произнес шепотом Земляникин.

— А я не взял сегодня мешка! — сказал Вова.

Я молча засунул руку в дыру. Рука повисла в пустоте.

— Не достаю,— сказал я.— Не достаю до сокровищ.

За мной полез рукой Зяма и тоже не достал.

Вова вытер вспотевшие от волнения руки о куртку и потом полез. Шарил он долго. Потом он вытащил кофейник.

— Серебряный! — ахнул Зяма.— Ручка из слоновой кости!

— Перламутр на ручке крышки! — сказал я.

— Сахарница! — сказал Вова из Тамбова, доставая очередную добычу из дыры.

— Хрусталь!

— Серебро!

— Сахар в сахарнице! — сказал Вова из Тамбова.

— Сладкий!— Он захрустел сахаром.

— В кладах не бывает сахара,— сказал Земляникин.

— Бы-а-эт,— промычал с полным ртом Вова, запуская руку в дыру.— Ыы-аа-ааа! — вдруг завопил Вова.— Ай! Пустите! Кто там! Ай!

Мы попятились. Вову кто-то, судя по всему, схватил за руку из тайника.

— Помогите! — заорал Вова с новой силой.

Мы хотели рвануть сначала, но потом стало стыдно. Мы ухватились за Вову и стали тащить его. Орал он больше от страха. В общем, мы его вырвали из лап хозяев клада, схватили сахарницу и кофейник и бросились бежать. Потом остановились.

— Надо посмотреть, что с другой стороны той стены,— сказал Земляникин, выразив общую мысль.

Мы пошли вокруг дома. С другой стороны был вход. Дверь и звонок. Мы стали звонить, дверь сразу распахнулась, на пороге стояла Баба Яга. Такой жуткой старухи я сто лет не видел.

— Держи вора! — завопила Яга и бросилась за Вовой, который держал «дары» из дыры.

Вова хотел бежать, но вдруг встал как вкопанный.

— Ваш, что ли, сахар? — сообразил он.— Мы не нарочно. Мы ищем клад.

Старуха отняла у него кофейник и сахарницу и с проклятиями ушла к себе. Дверь за ней захлопнулась.

— Прибор все-таки не подвел,— сказал Земляникин.

— Кого смотря,— сказал Вова, ощупывая покрасневшую руку.

Вдруг старуха выскочила опять.

— Клад ищете? — Она смотрела на нас безумными глазами.— А ну идите! — Она пропустила нас в дверь.

Мы вошли в какую-то темную комнату, где у стены стоял буфет, задняя стенка его была пробита нашим зубилом, оттуда шел свет. Наша работа.

— Можете посмотреть одним глазком! — сказала Баба Яга.

Мы подошли к буфету. Женщина открыла дверцу. Мы приникли к отверстию, которое пробили сами, только с той стороны! Чудеса! В отверстие была видна комната, залитая розовым светом. Там лежали какие-то толстые, переплетенные в темную кожу книги, висели картины. Мне запомнилась одна, освещенная зеленым, синим и розовым светом: красивая печальная мать шьет что-то серебряной иглой, а на пальце у нее сверкает золотой наперсток.

— Как же так? Мы там были только что!

— Уходите! Завтра! Завтра я отдам вам все!

Старуха выпроводила нас, вытолкала!

Мы бросились к той стороне дома, где были раньше — никакой двери там не было. Кинулись назад — не могли найти дверь Яги. А тут еще подъехал кран с чугунным шаром, и нас стали гнать рабочие. Дом принялись разрушать, нас никто не слушал...

Несколько дней я ходил на эти развалины. Искал следы волшебной комнаты.

Конечно, ни следа. Но однажды... Однажды среди обломков щебенки и кирпича что-то блеснуло мне! Я наклонился и увидал... золотой наперсток! Я поднял его, он был тяжелый и сиял, как маленькое чудо.

«Я отдам его маме! И она никогда не уколет палец! Она никогда не умрет! Никогда, никогда, никогда...»

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ.

РЕНИКСА

...Что-что? Уж не это ли словечко — любимое в кругах ученых, когда речь идет о невероятном, но пока не очевидном, достоверном, но неожиданном, серьезном и не очень?.. Говорят, в давние времена гимназист обнаружил в своей тетради пометку учителя: «Чепуха!» и решил, что его... похвалили. Догадались, как это получилось? Начиная наш новый раздел, рассчитываем на вас — догадливых, смекалистых, любопытных!

МАГ (Малая Антология Гипотез)

Можете называть меня МАГом, хотя, честно признаюсь, я не волшебник. Так уж сложились первые буквы в названии рубрики — МАГ. Ну, а я просто-напросто переполнен всевозможными знаниями, предположениями, сомнениями...

КОЕ-ЧТО О «НАЧАЛЕ СВЕТА»

Слыхали про комету Галлея? Прилетает она к нам каждые 76 лет, имеет красивый, длинный хвост и вселяет в души людей ужасные предположения о близком конце света. В начале века, например, народ просто дрожью дрожал в ожидании катастрофы. Но... комета унесла свой сияющий хвост в космические дали, а люди продолжали жить. И стали даже посмеиваться над своими страхами.

Когда комета Галлея пожаловала к нам снова в 1986 году (вы, наверное, помните, как это было), на нее буквально набросились ученые всего мира. Они, конечно, узнали много нового. А я... вам прямо скажу — у меня теперь просто язык не поворачивается называть комету Галлея космической гостьей. Гостья! Смотрите, что писали о ней в итальянском журнале «Панорама»:

«Недавно стали известны первые результаты анализов данных, собранных европейским зондом «Джотто», который приблизился к ядру кометы на расстояние в 600 км. Установлено, что поверхность ядра горячая, а в атмосфере кометы имеются полимеры органического соединения — формальдегида, которые до сих пор в космосе обнаружены не были. Все это, по мнению некоторых ученых, явно свидетельствует в пользу гипотезы о том, что жизнь на Землю принесли кометы». Получается, кометы для нас не гостьи, а ближайшие родственницы.

Но и родственницы, к сожалению, не всегда с добром прибывают.

Всем известна крылатая фраза Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже». Одной из причин, заставивших ученика пойти против учителя, была загадочная история легендарной Атлантиды. Аристотель придерживался версии церкви о том, что господь сотворил мир в 5508 году до нашей эры. Платон же утверждал, что еще одиннадцать (теперь двенадцать) тысячелетий назад в результате ужасной катастрофы погибла Атлантида — древнейшая морская цивилизация.

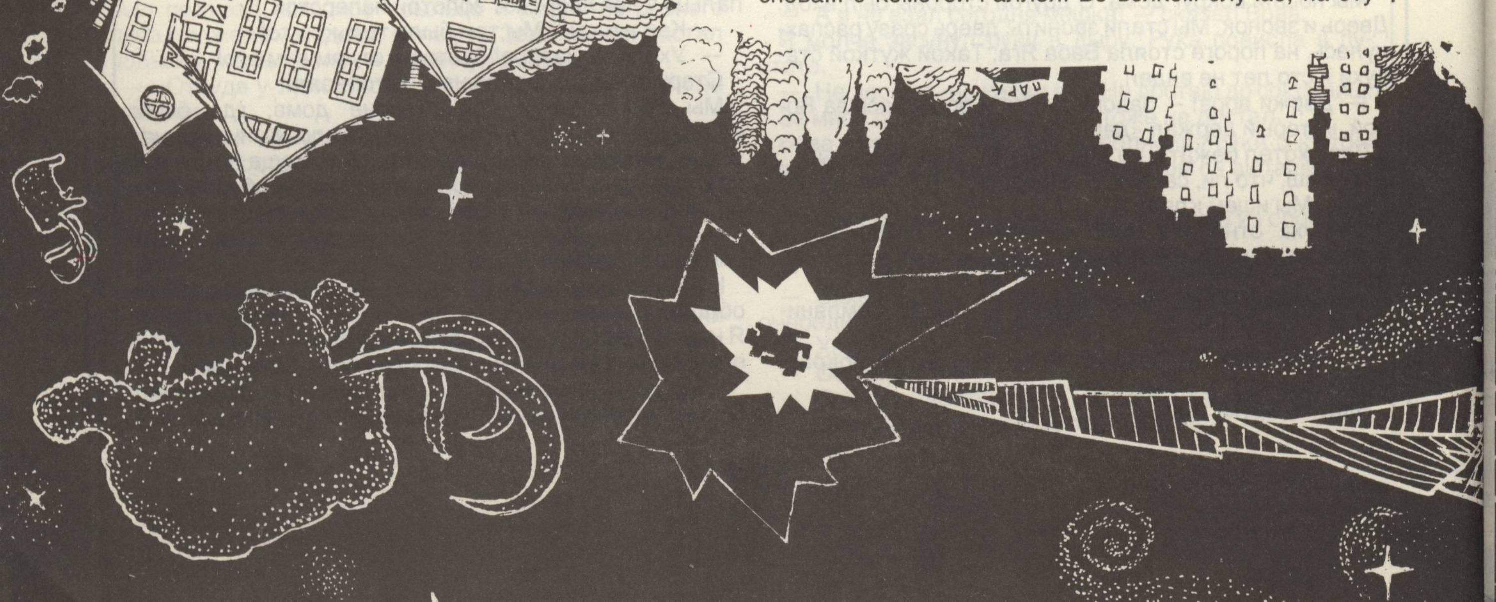
Вы спросите, что общего между Атлантидой и кометой Галлея? Вот что пишет писатель и ученый Владимир Щербаков:

«...наша планета пережила небывалый катаклизм. О том свидетельствуют разрозненные данные, относящиеся к разным регионам. Почему, например, вымерли мамонты? Чем объяснить феномен гигантского Берелехского кладбища в Якутии, где в толще синеватой глины захоронены кости сотен и сотен зверей? Радиоуглеродный анализ органических остатков позволяет установить примерный срок трагедии: одиннадцать-двенадцать тысяч лет назад. Следовательно, это соответствует по времени катастрофе в Атлантиде, о которой писал Платон.

Египтяне, сообщившие родственнику Платона об Атлантиде, легендарном острове посреди Атлантики, вспоминали о небесном огне, покаравшем людей. Что это за небесный огонь? Скорее всего астероид, гигантский метеорит.

Астероид поперечником в несколько километров должен был неминуемо пробить океаническую кору. Вверх выплеснулась магма. Смешиваясь с водой, она взрывалась. Магмы было столько, что пыль и пар закрыли все небо планеты. На землю низверглись небывалые ливни с грязью. Гибло все, что располагалось в долинах. Солнце, луна, звезды, само небо исчезли на годы. Темно-серая мгла окутала планету. Так возникли мифы о первозданном хаосе».

Вот вам и еще одно «начало света». И связано оно снова... с кометой Галлея! Во всяком случае, на эту

мысль наводят древние календари: египетский, сирийский, индийский, майя. Например, древнеегипетский календарный цикл насчитывает 1460 лет, один из этих циклов завершился в 1322 году до н. эры. Если отсчитывать от этого года семь циклов назад, то получается 11541 год до н. эры. Повторив аналогичную процедуру с другими календарями, получим соответственно 11542, 11652, 11653 годы до н. эры.

Объяснить случайностью пересечение независимых календарей практически в одной дате невозможно, считает наш ученый А. Войцеховский, остается предположить, что исходным моментом для всех четырех календарей послужило какое-то неординарное событие мирового масштаба. Теперь возьмем дату последней встречи Земли с кометой Галлея — 1986 год — и отсчитаем назад средний период обращения кометы — 76 лет. Через 178 таких шагов наткнемся на уже знакомый 11542 год до н. эры, который называют одной из предполагаемых дат гибели Атлантиды. Итак, в этот год произошло сближение нашей планеты с кометой Галлея и, не исключено, совершилась глобальная катастрофа, вызванная падением на поверхность Земли крупных метеоритов из ее «свиты».

Убедительно, правда? Но... хоть мне лично и близки все эти доводы, есть ученые, не согласные с ними. А вы? Верите мне, МАГу, или нет?

Версия поэта

Владимир БЕНЕДИКТОВ

Комета

Взгляни на небеса: там стройность вековая.
Как упоительна созвездий тишина!
Как жизнь текущих сфер гармонии полна
И как расчетиста их пляска круговая!

Но посмотри! меж них неправильно гуляя,
Комета вольная — системам не верна;
Ударами грозит и буйствует она,
Блистательным хвостом полнеба застилая.

Зря гостью светлую в знакомых небесах,
Мудрец любуется игрой в ее лучах,
Но робко путь ее и близость расчисляет.

Так пылкая мечта — наперсница богов —
Среди медлительных, обкованных умов
Сверкая носится, и тешит, и пугает.

Уфологи со всего Союза собрались недавно в Москве. Их, конечно, волновала проблема неопознанных летающих объектов (НЛО).

На заре уфологии ее сторонники занимались лишь сбором наблюдений. Но вот настал новый этап в жизни науки. На семинаре в Москве речь шла об объективных методах исследования следов НЛО. Признайтесь: а с кем-нибудь из вас инопланетяне еще не пытались познакомиться?

* * *

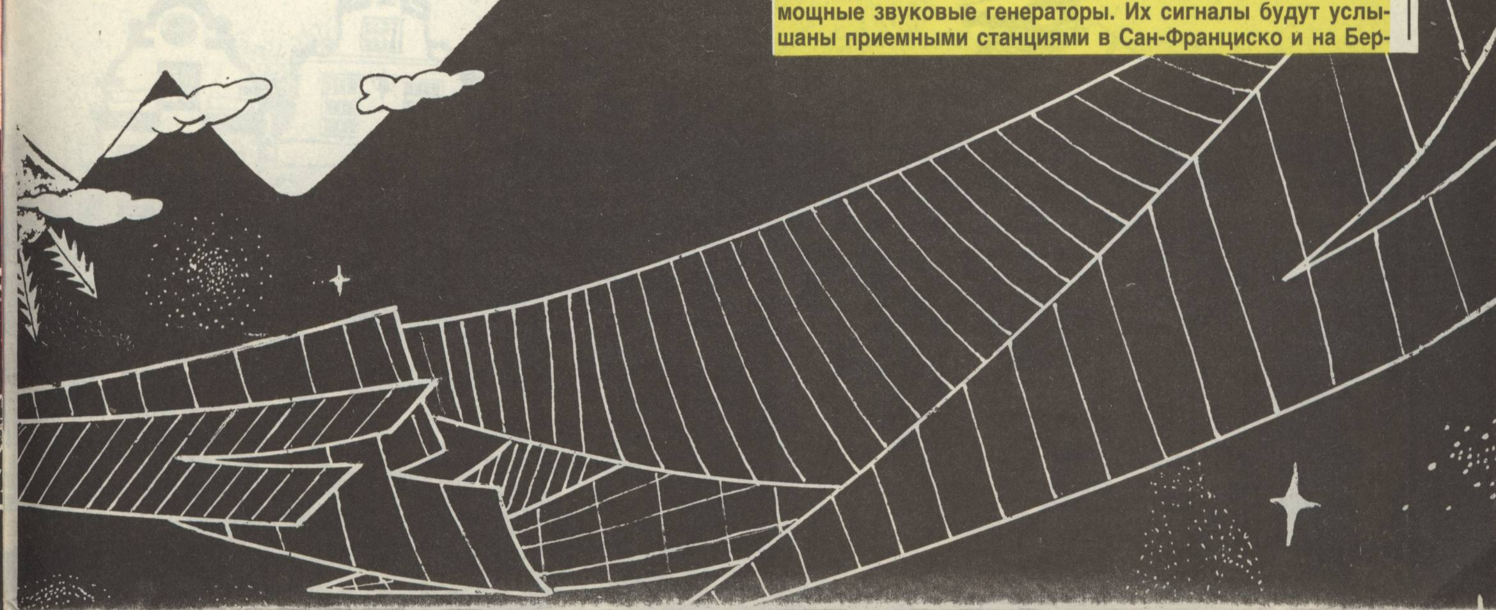
Астрофизики СССР и США задумали разработать общую программу по... перехвату опасных для Земли астероидов. По мнению ученых, столкновение с крупным небесным телом — угроза вполне реальная. Весной 1989 года, например, астероид диаметром около километра пересек орбиту Земли в точке, где планета находилась всего шесть часов назад. Столкновение обернулось бы катастрофой, равной взрыву нескольких тысяч водородных бомб.

* * *

Потепление атмосферы ведет к постепенному подъему уровня Мирового океана. В результате некоторые прибрежные участки суши приходится защищать дамбами.

Для того чтобы узнать, с какой скоростью поднимается уровень воды, возникла необходимость измерить среднюю температуру воды всего Мирового океана.

Два американских исследователя решили воспользоваться тем, что звуковые волны распространяются в теплой воде быстрее, чем в холодной. Между берегами Антарктиды и Австралии предполагается опустить в воду мощные звуковые генераторы. Их сигналы будут услышаны приемными станциями в Сан-Франциско и на Бер-

мудских островах. Средняя скорость движения сигналов будет пропорциональна средней температуре воды.

* * *

Французские археологи, ведущие раскопки в районе Саккары к югу от Каира, нашли девять деревянных позолоченных саркофагов. Обнаружено большое число мелких изделий из керамики и алебастра.

Находка сделана на глубине более двадцати метров под слоем песка. Произведения искусства, изготовленные около 3400 лет назад, сильно повреждены. Специалисты приступили к реставрационным работам.

Судя по резным надписям на саркофагах, они принадлежат древнеегипетскому министру, его жене и дочери. Мумий в них не обнаружено.

АВТОСАЛОН

СТАРИКАН И «ДОКА»

Сначала мы просто бегали. То есть не мы, конечно, а наши предки. Потом, где-то в четвертом тысячелетии до нашей эры, изобрели колесо. Потом приставили к нему двигатель...

Это и стало началом новой эры в освоении скорости.

В 1769 году военный инженер Николя Жозеф Кюньо в стенах парижского арсенала изобрел и построил чудовищный паровой автомобиль. Это была трехколесная телега с тяжелой рамой из дубовых брусьев. Впереди, как горшок на ухвате, висел медный котел. Скорость многотонного экипажа едва достигала трех с половиной километров в час. К тому же каждые пятнадцать минут приходилось останавливаться, чтобы подбросить в топку угля. Дым, лязг, скрежет! Чтобы повернуть переднее, перегруженное колесо, Кюньо и кочегару приходилось вдвоем налегать на ручку управления.

Однажды они не успели сделать этого вовремя, и телега протаранила стену. Котел сорвался с ухвата и, ударившись, взорвался со страшным грохотом... И все-таки это был автомобиль, самый первый в истории!

Каким должен быть автомобиль будущего? Во-первых, экологически чистым. В этом ни у кого нет сомнений. Ведутся разработки новых моделей, использующих в качестве топлива солнечную энергию.

Гелиомобиль по имени «Дока» создан энтузиастами из подмосковного Зеленограда. У него два двигателя. Один питается солнечной энергией (площадь панелей — 6 кв. м), второй работает от аккумулятора. (Смотри рисунок).

За 222 года, которые разделяют эти два автомобиля, было создано еще очень много интересных моделей. Но об этом мы поговорим в другой раз.

А пока вот вам клякса. Посмотрите на нее внимательно. Не напоминает ли она вам какое-нибудь средство передвижения? Помечтайте и дорисуйте. Вашими рисунками мы украсим следующие выпуски «Автосалона».

Еще задание. Назови, каким автомобилям принадлежат эти эмблемы?

ИМЕНИННИКИ

АРИСТОТЕЛЬ

2375 лет со дня рождения.

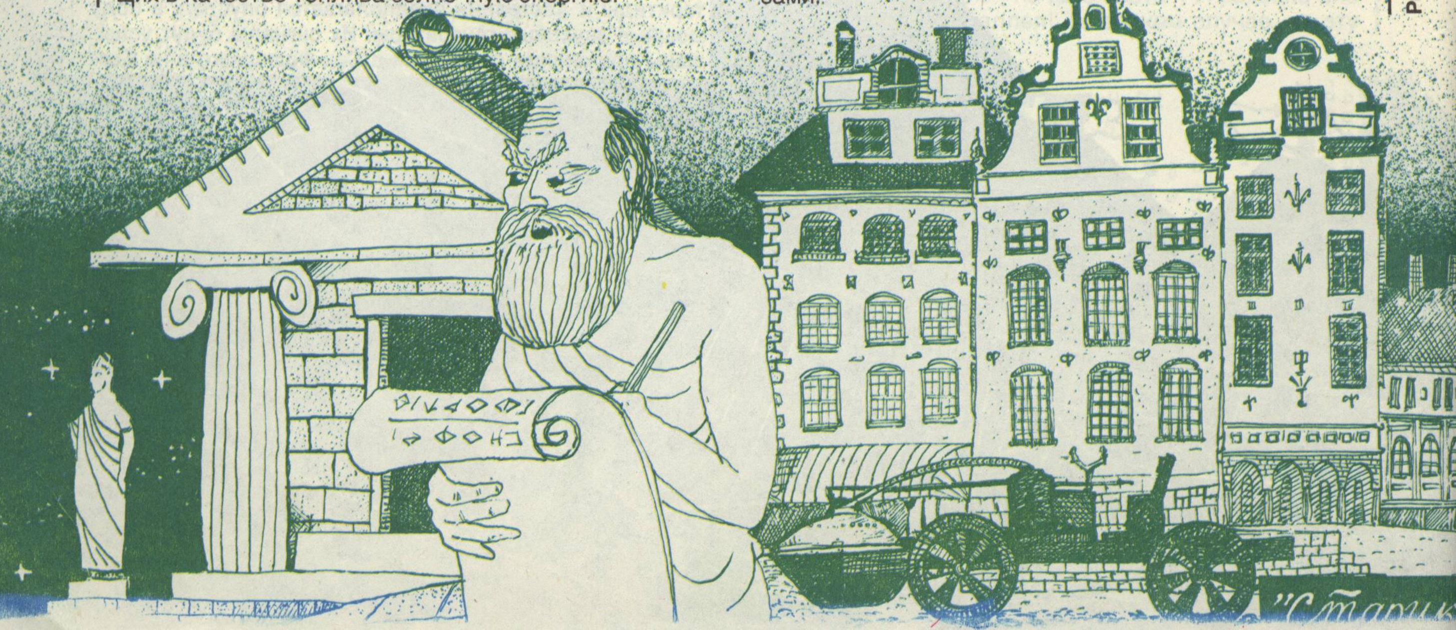
«Многие мудрецы доказывали, что делание добра позволяет приобщиться к участи богов, потому что на возвращении дара и дарении держится жизнь людей, состоящая в том, что они отдают, принимают и снова воздают... Старайся же быть скор на добрые дела и медлителен на гнев: первое — царственно и милостиво, второе — отвратительно и свойственно варварам...»

Это строки из письма великого учителя великому ученику — древнегреческого философа Аристотеля будущему завоевателю огромной части цивилизованного мира Александру Македонскому.

Александр, к сожалению, не был старательным учеником Аристотеля, чего нельзя сказать о человечестве в целом. Люди помнят греческого философа, жившего так невообразимо давно — более двух тысяч лет назад! Читают его труды — по логике, философии, физике, географии, биологии, этике, истории... До сих пор спорят с ним и соглашаются.

«Все существующее есть не что иное, как произведение искусства». Как вам нравится эта мысль? Ведь если принять ее, придется даже по лесу ходить на цыпочках, чтобы не раздавить какое-нибудь произведение. Придется уважать себя и свои каракули в тетрадке. Придется смотреть на мир совсем новыми глазами.

Рисунки И. КЛИМОВА.

Недаром греки называли мир космосом, что на их языке означает «лад», «порядок», «красота».

Когда-нибудь вы познакомитесь поближе с учением Аристотеля. А пока — поздравляем! Без Аристотеля мир наш был бы, наверное, беднее и скучнее.

ПОПРОБУЙ — НЕ ПОЛУЧИТСЯ

Сложите лист бумаги пополам. Это нетрудно. Еще раз и еще. Чего проще? Однако смеем вас уверить, что больше девяти раз сложить лист бумаги вам не удастся, каким бы большим он ни был. ПОЧЕМУ?

Подскажем: посчитайте, сколько листов (слоев) бумаги приходится вам складывать, когда вы уже перегнули лист восемь раз.

Приложение

ПОПРОБУЙ — ПОЛУЧИТСЯ!

ОРИГАМИ

Каждый, наверное, сумеет сложить из листа бумаги лодочку или самолет. Но не каждый знает, что приобщается при этом к древнему японскому искусству оригами... А кроме лодок и самолетов, можно сложить, не прибегая к помощи ножниц, великое множество интересных фигур.

Занятие это не только приятное, но и полезное. Развивает пространственное воображение и сообразительность.

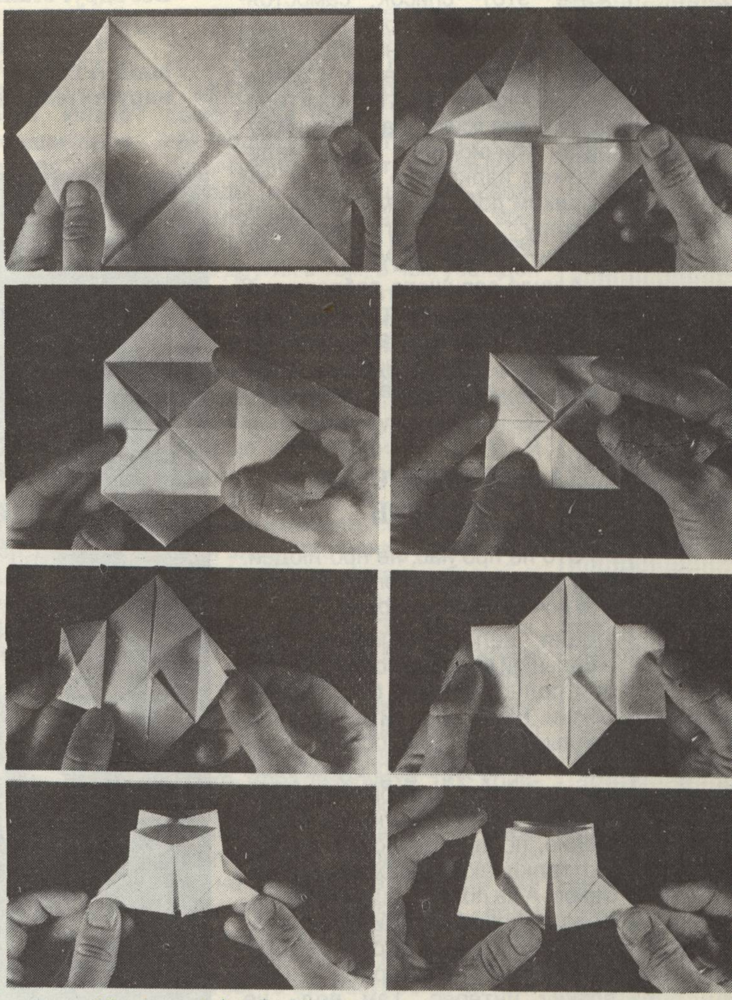
Давайте поставим перед собой задачу не из самых легких — сотворим каравеллу! Попутно научимся складывать еще семь занятных фигур попроще. Начали?

Берем квадратный лист бумаги и складываем его так, чтобы все углы сошлись точно в центре. Переворачиваем получившийся квадрат и снова загибаем углы к центру, но уже с другой стороны. И в третий раз переворачиваем и загибаем углы таким же образом. Получается маленький квадрат. Из него и будем делать все восемь игрушек.

Раскрываем верхний и нижний квадраты. Оставшиеся в центре фигуры вершины углов разводим в противоположные стороны, одновременно сгибая фигуру пополам. И получаем отличный двухтрубный пароход.

Устали? Тогда поиграйте пока с пароходом. А строительство каравеллы продолжим в следующем выпуске нашего раздела.

Раздел ведет Б. ЕРМОЛАЕВА.

О ЛЮБОПЫТСТВЕ И ЖЕСТОКОСТИ

— Подростки? Да они все сейчас с ума посходили. Прямо озверели. Все вдруг стали ненормальными. (Из разговора с участковым инспектором.)

— Ну, сейчас-то у меня все путем. Раньше дураком был. Доверчивым. А сейчас нормально. (Из разговора с тринадцатилетним правонарушителем.)

ГДЕ ЖЕ НОРМА?

Именно из уст учителей, участковых, родителей и прохожих ты чаще всего слышишь обвинения в черствости, жестокости, бездушии, наплевательстве, цинизме, озлобленности... Стоп. Кажется, я увлекся. Если у кого-то есть желание, продолжите этот список самостоятельно. А лучше составьте другой. Можете с ходу написать, назвать несколько своих отрицательных качеств? А положительных? Один тринадцатилетний хулиган причислил к своим недостаткам излишнюю доброту. «Я слишком добрый и мягкий по характеру для этого жесткого мира»,— сказал он мне.

А куда запишете доброту вы? В список достоинств или недостатков? И запишете ли вообще? Я пока не буду выяснять, какой из этих вариантов «нормальный».

ЗА ЛЮБОПЫТСТВО — СМЕРТЬ

Это не про нас, не про людей. Это про крыс. Но иногда кажется, что почти что про людей.

Для целой крысиной стаи в большой вольере создали условия полноценной и беззаботной жизни. Были еда, питье, уютные теплые норы. Для особо любопытных оборудован специальный крысиный ход, который вел в холодное, мокрое, неуютное помещение, полное пугающих звуков и отталкивающих даже крысу запахов. А на полу — битые стекла. Каждая крыса из стаи хотя бы разок побывала в этом отвратительном месте и теряла к нему всякий интерес. Там ведь не было ни еды, ни питья, ни тепла. Но некоторые крысы, несмотря ни на что, регулярно туда наведывались. Так в крысиной стае образовалась группа «любопытных романтиков». Им, кроме сытого желудка, безопасности и приятной компании, позарез нужны были приключения. Остальные крысы не испытывали жажды приключений и жили, как «добропорядочные обыватели».

Когда однажды в теплой «домашней» вольере отключили отопление и холод нарушил безмятежную жизнь стаи, именно на «любопытных романтиков» на-

Фотография А. КРУПНИКОВА.

бросились остальные. Тогда экспериментаторы решили дать возможность каждому «романтику» свести счеты со своими обидчиками. В клетку, разделенную решеткой пополам, помещали «обывателя» и «романтика». «Романтик», находясь на своей половине, никак не мог достать своего недруга. Но он имел возможность, нажимая на специальную кнопку, пропускать электрический ток по полу под ногами «обывателя». В этом случае крыса-«обыватель» подскакивала и кричала от боли. Но крысы-«романтики» не мстили своим обидчикам! Они старались не задеть эту злополучную кнопку даже случайно. А если экспериментатор устанавливал в клетке мстящей крысы эту же кнопку, но размерами почти что во весь пол, то крысы, отличающиеся любопытством и жаждой новых впечатлений, в этом случае никакого любопытства к страданиям другого не испытывали. Наоборот, сознательно ограничивая себя в движениях, «любопытные романтики» забивались в угол так, чтобы ни в коем случае не коснуться огромной кнопищи. Хотя запросто могли бы наступить на нее всеми четырьмя лапами. Любопытные не были жестокими.

Когда же возможность для расправы получала крыса-«обыватель», она незамедлительно пользовалась этой возможностью. «Обыватель» била «романтика» током до тех пор, пока жертва не погибала. Налицо была жестокость. Ну и любопытство, быть может. Правда, любопытство особое — любопытство к страданиям другого.

ВСЕГДА ЛИ В МИРЕ ТОРЖЕСТВУЕТ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

И ты, и я — мы с детства верим, что добро всегда одержит верх над злом, что в конце любого фильма «наши всегда побеждают», что в мире рано или поздно, но всегда восторжествует справедливость. Может быть, это и так... Но детская эта вера делает нас жестокими в отрочестве. Почти такими же, как крысы-«обыватели».

Помните изречение «победителей не судят»? Оно, вероятно, придумано теми, кто верит в непременное торжество справедливости. Ведь если ты победил (а справедливость непременно торжествует), значит, твоя победа справедлива и ты достоин похвалы. Как-то группе специалистов, хорошо знающих правила дорожного движения, предложили оценить киносюжеты автомобильных катастроф. Сюжеты были предельно просты. Вина водителя и невиновность пешехода были бесспорны. Но оценки экспертов менялись и зависели от того, что они узнавали о дальнейшей судьбе пешехода. Если выяснялось, что пешеход не пострадал либо пострадал незначительно, происшествие оценивалось экспертами справедливо. Если же выяснялось, что пешеход погиб или стал инвалидом, то большинство экспертов утверждало, что и пешеход отчасти виноват. Иначе говоря, с детства засевшая вера в непременное торжество справедливости мешала даже специалистам признать возможность гибели по несправедливой случайности. Раз, мол, попал под машину, значит, сам виноват. Да и нам с тобой, читатель, вслед за этими экспертами так иногда не хочется думать, что несправедливость время от времени тоже торжествует. Поэтому и ожесточаемся, когда, расставаясь с детством, берем с собой во взрослую жизнь «веру в справедливый мир». А в поисках справедливости обвиняем всех и вся, делая их своими врагами. Может быть, и крысы-«обыватели» ожесточились на инакомыслящих «романтиков», веря, что мир их вольеры справедлив и просто так — ни с того ни с сего — похолодать не может? А похолодало по вине этих непонятных «романтиков», лазающих неизвестно куда и неизвестно зачем? Значит, эти любопытные во всем виноваты? К сожалению, крысиная стая молчит, не может, по понятным причинам, рассказать нам о ходе своих мыслей, но нам открыты их поступки. Проверьте, ребята, к чему вы больше склоняетесь: к тому, чтобы искать виноватого, или к тому, чтобы найти выход из тупика? Сначала проверьте себя, решив этот тест, а затем предложите его родителям. И сравните результаты.

Итак, выберите из каждой пары высказываний одно, более близкое вам:
1. а) Обычно я настойчиво добиваюсь своего; **б)** Чаще, когда я спорю, стараюсь найти хоть что-то, с чем можно согласиться. **2. а)** Я стараюсь избегать неприятностей; **б)** Когда человек доказывает свою правоту и знает, что прав, ему не может быть стыдно или неловко. **3. а)** Мне неприятно отказываться от своей точки зрения; **б)** Я всегда стараюсь понять точку зрения другого человека. **4. а)** Думаю, что не стоит волноваться из-за разногласий с другими людьми; **б)** Разногласия всегда волнуют меня. **5. а)** Лучше успокоить другого и сохранить с ним отношения, чем спорить до бесконечности; **б)** Я считаю, что всегда надо уметь доказать свою точку зрения. **6. а)** Считаю, что всегда надо стремиться прийти к согласию почти в любом споре; **б)** Думаю, что все же надо стремиться к осуществлению своих замыслов, это путь к успеху в любом деле. **7. а)** Обычно в споре я сообщаю свою точку зрения и прошу других людей высказаться; **б)** Я считаю, что нужно уметь показывать выгоды и преимущества своих предложений, своей точки зрения. **8. а)** Я обычно пытаюсь убедить других в том, в чем убежден сам; **б)** Я обычно пытаюсь понять, что думают по этому поводу другие люди. **9. а)** Я всегда люблю прямой, открытый разговор, а не «вокруг да около», без намеков и тумана; **б)** Беседуя, я слежу за мыслью собеседника. **10. а)** Я обычно отстаиваю свою позицию, отступать не люблю; **б)** Я склонен изменять свою позицию, если вижу, что меня убедили.

Если большинство выбранных вами высказываний совпало с набором **1б, 2а, 3б, 4б, 5а, 6а, 7а, 8б, 9б, 10б**, то вы настроены на сотрудничество, а в своих промахах склонны винить только себя. Вы испытываете высокую потребность в общении и нередко идеализируете тех конкретных людей, с которыми вам приходится общаться. Веры в «торжество справедливости» вы не испытываете. Если же большинство выбранных вами высказываний совпало с набором **1а, 2б, 3а, 4а, 5б, 6б, 7б, 8а, 9а, 10а**, то вы настроены на противоборство. Вы склонны искать врагов вокруг себя и винить в своих неудачах других. Так что же считать нормальным, позицию жесткого «обывателя», свято верящего, что справедливость торжествует всегда, не дающего спуску врагам, которые часто ни в чем не виноваты? Или считать нормой позицию любопытного «романтика», отвергающего жестокость даже по отношению к врагам реальным? У каждого из них, как и у каждого из нас, свой ответ. А у тебя?

Герман Игоревич МАРАСАНОВ, психолог.

Станислав РОМАНОВСКИЙ

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего

У гениального итальянского живописца Джотто (годы жизни: 1267—1337) есть фреска «Поцелуй Иуды».

О чем она?

Об аресте Иисуса Христа.

Христа любил народ за проповеди милосердия и любви, за исцеления больных; а власти, желавшие господствовать над людьми, не приняли учения Христа и задумали погубить его.

Днем аресту мог помешать народ.

А вот ночью, когда все спят, другое дело.

Но где Христос скрывается после захода солнца? Кто различит Его в темной, как мгла колодца, южной ночи? Иными словами, кто предаст Его?

Предать за тридцать сребреников взялся один из двенадцати учеников Христа, Иуда.

Он сказал стражникам:

— Кого я поцелую, тот и есть Христос.

И вот этот поцелуй запечатлен на фреске Джотто.

Иуда — в светлом плаще, и светлым же плащом он покрывает Христа: светлое лучше видно во тьме, и по этому знаку стражникам легче найти и взять Иисуса.

— Друг, зачем ты здесь? — спрашивает Иуду Христос.

А предатель отвечает Ему:

— Радуйся, Учитель!

И тянется поцеловать Его.

Какие они разные — предатель и предаваемый!

Разные, как тьма и свет.

У Иуды — дегенеративное лицо с низким лбом и толстые губы, сложенные для фальшивого поцелуя в трубочку, оттопыренный зад.

У Христа — благородный лик, увенчанный нимбом; высокий чистый лоб; в глазах — всепонимание, печаль и предложение Иуде отказаться от предательства, пока есть еще миг ко спасению души.

Арест Иисуса Христа был совершен ночью по доносу, когда все добрые люди спали.

Спустя две тысячи лет история повторилась поразительным образом!.. Людей, несущих Добро и Свет, арестовывали ночами и убивали как особо опасных преступников.

Почему?

Потому что общество отвергало общечеловеческие заповеди Добра и Света и вместо них придумало заповеди ненависти и борьбы.

Известный поэт писал в 1929 году:

...Оглянешься — а вокруг враги;
Руки протянешь — и нет друзей;
Но если он скажет:
«Солги»,— солги.
Но если он скажет:
«Убей»,— убей.

Страшные стихи, не правда ли? «Он» — это век. «Воля времени». «Воля правительства». Здесь одним махом зачеркнуты древние заповеди любви и правды:

Не убий.

— Не лжесвидетельствуй.

И заменены заповедями крови и лжи:

— Убей, если велят.

— Солги, если велят.

Кровь и ложь поставлены рядом.

Была тогда сочинена лживая и кровавая теория о том, что чем ближе к социализму, тем сильнее классовая борьба.

Борьба с кем?

Ясное дело — со своим народом.

С его лучшими, думающими людьми, учеными, поэтами, хлеборобами, всеми, кто возмущался насилием.

Последствия такой «борьбы» известны: опустошенные души и поля. Библия тысячи лет назад предвидела это:

— Горе строящему храм на крови и созидающему крепости неправдою.

Вот почему сегодня мы возвращаемся к древним и вечно новым заповедям:

— Не убий.

— Не лжесвидетельствуй.

Какое отношение имеет девятая заповедь к вам, ребята?

Самое прямое.

Страшно, когда ребята вашего возраста начинают «стучать» друг на друга — учителям или физически более сильным ровесникам, передавать чужим людям сокровенные разговоры. Наговаривать и клеветать на ближних своих.

Бывают случаи, когда надо словесно заступиться за товарища, которого оговорили, а вы — смолчали. Такое молчание — тоже лжесвидетельство: вы молча подписали приговор человеку.

...Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Ближний — старинное надежное слово: человек, твоя родня по планете Земля.

Не лжесвидетельствуй — это значит: уважай и люби не только ближнего, но и народ его, ибо нет на свете плохих народов.

Итог

Не желай жены ближнего твоего,
ни поля его,
ни раба его,
ни рабыни его,
ни вола его,
ни осла его,
ни всякого скота его,
ничего,
что у ближнего твоего.

Удивительно музыкальная заповедь! Вся она, как ясный день солнцем, пронизана созвучиями, рифмами, внутренними и внешними, объединена единым ритмом-мыслью и ограждена, или огранена, в единый кристаллический круг, где соче-

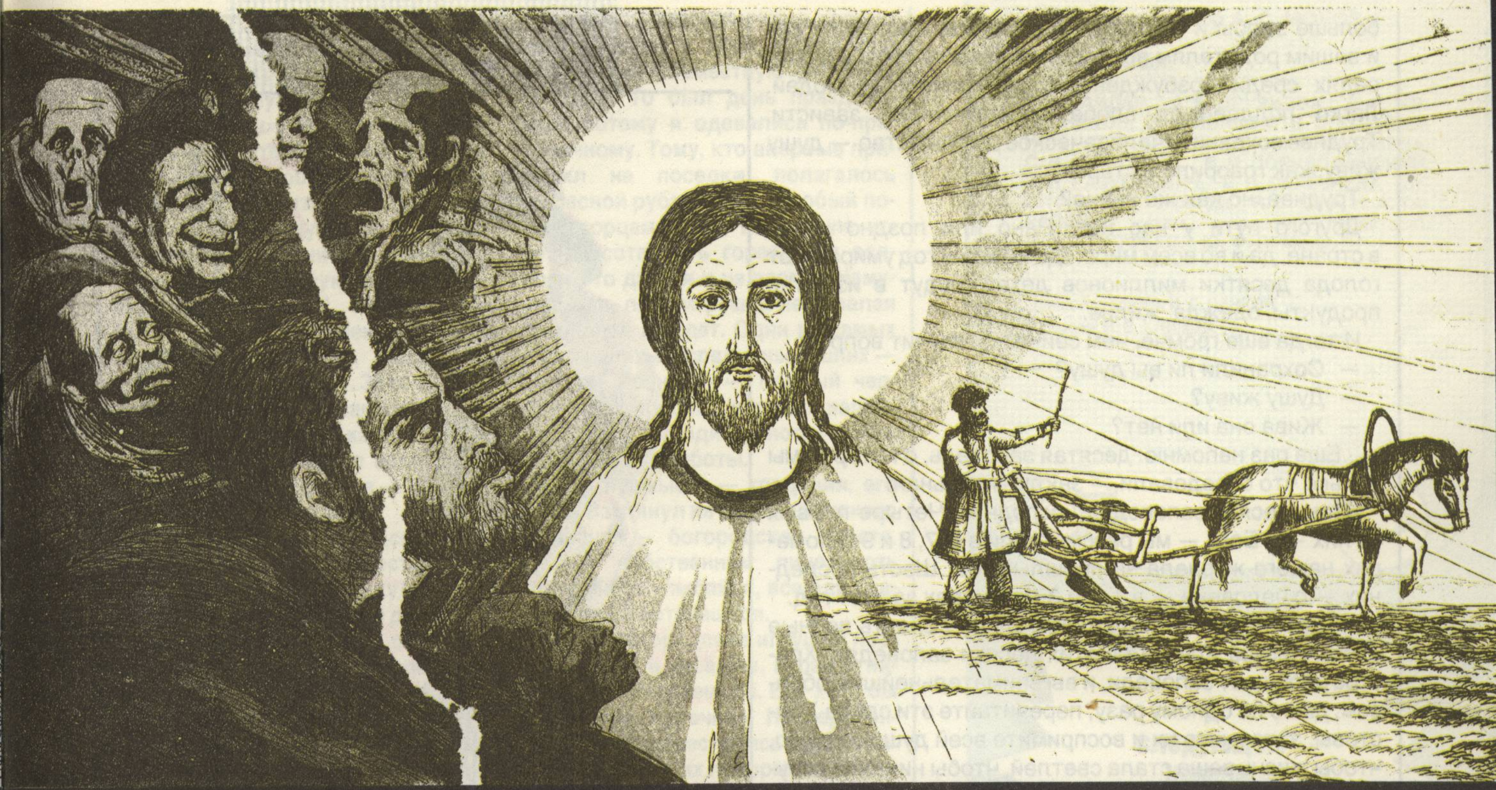

Рисунок В. КУЗНЕЦОВА.

тание слов «ближнего твоего» начинает и завершает заповедь.

Эта десятая — заключительная! — заповедь предостерегает каждого из нас от самой опасной черты характера — зависти.

Той черной зависти, которая рано или поздно приводит к преступлению. В лучшем случае зависть эта изгложет человека изнутри, и он почернеет лицом и душою. Это душевное самосожжение и будет тайным преступлением перед собой и перед людьми.

В худшем же случае зависть приведет к разрушительным действиям, преступлениям явным. Особенно опасна она, когда становится массовой, стадной.

...После Октябрьской революции был брошен лозунг:

— Грабь награбленное!

Это был страшный уголовный лозунг! Он давал выход той самой темной зависти, которую люди неимущие и неразвитые нередко испытывают к людям состоятельным и образованным, забывая да и не желая знать, что и состоятельность, и образованность в большинстве случаев приобретаются трудолюбием и одаренностью. Трудом и талантом.

Мне рассказывал участник гражданской войны, как он и его товарищи ворвались в квартиру известного композитора, выкатили на балкон пианино и сбросили на мостовую.

— Звону было! — будто бы весело говорил старый человек. И вдруг заплакал.

— Не ведали, что творили,— заключил он сквозь слезы.

...Если вы внимательно вчитаетесь в десятую заповедь, то обязательно обратите внимание на то, что в первую очередь она защищает семью («Не желай жены ближнего твоего») и землю.

Семью — основу жизни.

Землю, обработанную руками человека, у которой есть хозяин — крестьянин.

Поле, что всех кормит.

У нас в 30-е годы из-за коллективизации крестьянин был разлучен с полем. Люди малоимущие, в большинстве своем плохие хозяева, движимые черной завистью, переселились в дома истинных крестьян, захватили их имущество.

Хозяйствовать на земле они не смогли, и сегодня мы пожинаем плоды всего этого — испытываем нехватку продуктов питания... Люди грабили «награбленное» и думали, что они приобретают богатство. На самом же деле они теряли все — они и их потомки, и пройдет еще немало времени, прежде чем вместо потерь придет истинное обретение. Обретение трудом и разумом.

Сегодня стало чуть ли не правилом хорошего тона ругать на чем свет стоит нашу Родину и хвалить зарубежные страны. Ругать свое и завидовать чужому. Ругать и завидовать повсюду — в печати, по радио, по телевизору, в дружеских беседах, в случайных разговорах...

Одна женщина сказала мне:

— Я бы не задумываясь уехала в Америку. Уехала бы навсегда. И мать бы оставила!..

Она не задумывается.

А вы, ребята, все-таки задумайтесь!

Прошлым летом в Доме творчества писателей Переделкино отдыхали четыре писателя из Соединенных Штатов Америки. У русских писателей были с ними откровенные беседы...

— Не верьте сладеньким сказкам о рае в США,— говорили они нам.— Рая у нас нет, хотя бы потому, что преступность выше вашей. Да, материально мы богаче вас. Но читают у нас меньше, серьезные книги выходят смехотворно маленькими тиражами, потому что их не покупают. Экономику можно наладить. А вот как наладить душу? Ваш Достоевский в романе «Бесы» писал об этом приблизительно следующее: можно сидеть на бархате и есть на золоте. А чем напитать душу? Как быть с душой?

Задумайтесь над этим, ребята.

Да, сейчас нам трудно, да, в стране стало больше очередей,

больше злобы и зависти. Конечно же, многим из вас и вашим родителям приходится подолгу стоять в очередях среди возбужденных, ожесточенных людей. Легко поддаешься злобе, ожесточению, зависти. Труднее сохранить человеческое достоинство — душу живу, как говорили в старину.

Труднее, но как же иначе?

Другого пути у нас нет. Рано или поздно у нас в стране, да и во всем мире, где каждый год умирают от голода десятки миллионов детей, будут в избытке продукты, одежда, жилье.

И тогда еще громче, чем сейчас, зазвучит вопрос:

— Сохранили ли вы душу?

— Душу живу?..

— Жива она или нет?

...Еще раз напомню: десятая заповедь, о которой мы только что беседовали,— заключительная.

Итак, десять заповедей Господних. Четыре первых из них — о Боге — мы рассмотрели в 6, 7, 8 и 9-м номерах нашего журнала за прошлый год. Шесть последних — о человеке — в 1, 2 и 3-м номерах за этот год.

В «Евангелии от Матфея», в главе 22, есть вечные слова Иисуса Христа об этих десяти заповедях. Христос обобщает заповеди, и вы внимательнейшим образом, да не по одному разу, перечитайте эти слова Христовы, запомните их и воспримите всей душою своею, чтобы жизнь ваша стала светлей, чтобы никакие искушения, испытания и беды не погубили вас.

Теперь слушайте:

«Учитель!
Какая наибольшая заповедь в Законе?*
Иисус сказал ему:
возлюби Господа Бога твоего
всем сердцем твоим,
и всею душою твоею,
и всем разумением твоим;
сия есть первая и наибольшая заповедь;
вторая же
подобная ей:
возлюби ближнего твоего,
как самого себя;
на сих двух заповедях
утверждается весь Закон и пророки».

* Закон — в данном случае Закон Божий.

ЛАД

БОГОРОДСКОЕ ЧУДО

Владимир АНИЩЕНКОВ

Фотографии А. КРУПНИКОВА.

В некогда глухих дремучих лесах Радонежья, промеж высоких холмов протекает речка Кунья. На берегу ее крутобоком прижились в стародавние времена насельники, что прославили родное село Богородское разным ремеслом своим. По преданию, деревянные игрушки делал Сергий Радонежский, основатель монастыря во имя Троицы — знаменитой Троице-Сергиевой лавры, и одаривал ими ребятишек. (В былые времена монастыри были средоточием духовной жизни, искусства и ремесел.) Совершенным мастерством в резьбе по дереву овладели резчики Сергиева Посада — поселения вокруг монастыря. Ювелирной тонкости иконы, кресты с распятиями, алтари и разнообразную церковную утварь вырезали посадские умельцы. Для богомольцев делали на память крестики, ложки и игрушки.

Вот и царю Петру приглянулись богородские игрушки. Увез он в подарок своему сыну Алексею «богородских кузнецов и секачей на колесах».

Село Богородское раскинулось в двадцати пяти верстах от Сергиева Посада (Загорска). Крестьяне тамошние давно пристрастились к древорезному искусству. Игрушки богородско-сергиевские — целый мир. Всех, кого видели и знали, изображали резчики в дереве: крестьян труждающихся, нарядных барынь, бравых гусаров, молящихся монахов, и все при своем характере — наблюдательны были резчики.

Среди богородцев, чье имя первым запечатле-

лось в истории, при обстоятельствах необычайных, был Петр Устратов. «С ранних лет он обнаружил большую способность делать игрушки». И вот во время службы в петербургской казарме он «с горячей любовью и усердием занимался производством игрушек, которому научился в родной деревенской жизни». Вырезал он фигуру царя, которую показали государю Николаю I. Придворные были немало удивлены работе, сделанной «простым, нигде не учившимся солдатом». За то он был одарен золотыми часами и направлен на учебу в Академию художеств. И прозвали в селе этого крестьянина — солдата — художника «барин Устратов».

К тому времени богородский промысел стал вполне самостоятельным. Резчики делали скульптуры и игрушки сами от начала до конца. Отказались от раскраски, оставили всю природную красоту дерева непокрытой — с «белым» узором. Брали все больше липу. Дерево мягкое, податливое, теплого желтого цвета. Распилит резчик дерево на кругляки подходящего размера, расколет топором на чурбаки — «балбешки». Оттого самих богородцев «балбешниками» и звали. Топором же начинается и художественная работа. Без предварительного рисунка, «с маху» наметит резчик основные черты будущего своего героя. Потом округлыми стамесками проявит-углубит их, тогда за нож берется.

Подставку у скульптурок оставляли той же формы, что балбешка была,— так уж повелось, дерево уважали, лишний раз ножом не трогали.

Есть у старого мастера Зинина скульптура «Богородские резчики». Впереди сидят два резчика — молодой и старый, отец и сын. Перед ними скамейка, на ней инструмент и балбешки. Отец вырезает богородским ножом игрушку, сын ему вторит, мастерство перенимает. За их спинами мальчонка стеклянной бумагой готовые игрушки сглаживает. Поодаль сидит мать, прядет пряжу. Вот так и передавалось мастерство из рук в руки. Целые династии сложились на промысле. Тех же Устратовых, Зининых, Барденковых... и всякий на свой манер старался: «У нас в каждой избушке — свои игрушки».

К работе готовились по-серьезному. Вот Павел Федорович Барденков прежде обязательно в баньку попариться шел, а то и второй, и третий раз, пока не придумает, какой новую вещь делать, и лишь тогда «зарубал» чурку.

Осенью, когда окончатся крестьянские труды в поле, собирались резчики на совместную работу — поседки. То был день праздничный, потому и одевались по-праздничному. Тому, кто впервые приходил на поседки, полагалось в красной рубахе быть. Особый почет творцам, тому, кто новую игрушку сотворить горазд. Не всякому это дается и не всегда. Намучаешься, пока игрушка небывалая да ладная выйдет. Один из самых мастеровитых среди нынешних — Максим Иванович — полный чердак таких пробных игрушек наплодил, но на люди выносит лишь «созревшие» работы.

Сила промысла — традиция, его лицо. Взглянул на вещь, и никакого сомнения — богородская работа. А при собственном лице, хоть плачь, хоть улыбайся, все одно самим собой останешься.

Сколь богородские игрушки просты, столь и забавны. Играй и никогда не наиграешься. Вот хотя бы «клюющие курочки». На деревянном кругу разместились куры с петухом. Хочешь их покормить — покрути круг, и хохлатки стук-стук клювами по зернам. Секрет здесь прост. К каждой куриной головке через круг протянута ниточка, на нитках шар-баланс. Раскрутишь баланс, и пойдет он дергать кур за головки, они и клюют. Другая хитрая игрушка — разводы. Планки, крестом наложенные друг на дружку, а крестовинки скреплены гвоздиками. На самих планках бравые солдаты, хоть конные, хоть пешие, на любой вкус. Растянешь-разведешь широко планки, так солдаты «во фронт», в линию выстроятся. Сдвинешь планки, и перестроятся бойцы в походную колонну.

А самая знаменитая богородская игрушка — «кузнецы». Крестьянским детям на потеху смастерил ее безвестный резчик. И забавлялись ею дети: и крестьянские, и царские, да и взрослые не избегали. Две планки, скрепленные подвижно. На них уселись кузнецы, мужик с медведем. Потянешь за одну планку — мужик по наковальне ударит, потянешь за другую — медведь грохнет. Вот так и куют ребячью радость богородские кузнецы уж триста лет. Все гениальное просто. Рассказывал профессор Пашков, как бывали русские художники в гостях у французского скульптора Родена. Взял Роден кузнецов богородских в руки и говорит: «А много ли у вас есть людей, способных творить такое прекрасное? Народ, который создал эту игрушку,— великий народ».

В следующем номере новая встреча с «Черной курицей»

Сдано в набор 03.01.91.
Подписано к печати 17.01.91.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 880 000 экз. Заказ № 56.
Цена 70 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. Правды, 24.

БОГОРОДСКОЕ
ЧУДО

Читай на 64-й странице.

6-44

ISSN 0130—8009, Пионер, 1991, № 3, 1—64.

70 коп. Индекс 70694.